

Специальный выпуск журнала, посвященный годовщине обретения мошей Покровителя города - Святого архимандрита Мелекесского Гавриила

YEPEMWAH

Литературно-художественный и краеведческий журнал

В номере:

Годовщина обретения мошей Святого преподобноисповедника Гавриила, архимандрита Мелекесского.

Феликс КАСИМОВ. Шахматная поэма.

Абдулла ГАРИПОВ. «Встреча с Чингизом Айтматовым».

Алексей ЕФИМОВ. Записки работника МУРа о работе в Мелекессе.

YEPEMUAH

Литературно-художественный и краеведческий журнал Димитровградской горадминистрации и Димитровградского отделения Союза писателей России

Елена Козлова. Из новых стихов.

2001 Г.

136

142

(Издается с сентября 1998 года)

B HOMEPE:

Завещание.

Сергей Морозов. Воистину - святой человек. **А.П.** «Слово о полку Игореве». Новое прочтение. 54 67 Геннадий Генераленко. Три рассказа. Феликс Касимов. «Игра». Шахматная поэма. 74 **Нонна Алиева.** Поэтический цикл. «Без тебя». 80 Олег Журин. Рассказы. Дебют. Дмитрий Мищенко. «Не грусти, моя душа....» 94 Стихи **Аблулла Гарипов.** «Встреча с Чингизом Айтматовым». 102 Литературоведение. Инга. «Из синей тетради». Рассказы. 107 Алексей Ефимов. «Возмездие». Записки о работе МУРа. 121

Дебют. **Марина Панкратова.** «Детский мир». Сказки. 137

Николай Высотин. «В окружении химер». Стихи.

Святой архимандрит Мелекесский Гавриил.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С.Морозов, глава Димитровграда

Н.Прохорова, директор краеведческого музея

В.Гордеев, член Союза писателей России,

сопредседатель писательского отделения

Е.Ларин, член Союза писателей России, сопредседатель писательского отделения

А.Никонов, член Союза писателей России, член Совета писательского отделения

С.Слюняев, член Совета писательского отделения

Л.Степанова, член Совета писательского отделения

В.Дюжий, член Союза журналистов России, руководитель пресс-службы главы города

Главный редактор: Валерий ГОРДЕЕВ.

Компьютерный дизайн: Т.Царева, И.Карачкова.

Техническое оформление: А.Ефремов.

Редакция извещает о том, что с согласия авторов их произведения временно публикуются на безгонорарной основе.

© «Черемшан» 2001

Материалы журнала «Черемшан» размещены на страницах тольяттинского сервера в Интернете: «Toline». На сайте: www.catolog.toline.ru.

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50. Сдано в набор 7.10.01. Подписано в печать 11.10.01. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 9,0. Печать офсетная. Тираж 400 экз. Заказ № 6296. **Цена свободная.** Отпечатано в Димитровградской гортипографии, 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

-эап йэшом хинтээн кинэтэаао анишаодог - кадктио 18 подобноисповедника Гавриила, архимандрита Мелекесского. Святого покровителя нашего города, бывшего настоятеля Свято-Никольской церкви.

завещание моим прихожанам:

Мои возлюбленные чада! Примите на прощание На век Духовное, святое -Мое Вам завещание. Угодно было воле Божьей Меня учителем избрать. И в вошу школу На дело трудное послать. В труде тяжелом просвещенья Народа Божья мне помог -Всемощной, крестной, благодатной Своею силою сам Баг! Потом Христос своей любовью

Меня недавно посетил, И в сон великий иерейский Меня внезапно посвятил. Я сколько мог для Вас трудился Но поприще учения И искренно, от чистого сердцо, Желол Вам просвещения. Теперь молю, не забывайте Моих усердных вам трудов. В трудах сих сердцем позновойте Мою святую к Вам любовь. Я поучал всегда Вас в церкви Наибольше Бога возлюбить,

оправдан с

И по Его святым законам Всю жизнь земную проводить. Учил я Вас молиться Богу И дома, и у Алтаря, О здравии и многолетии, О силе нашего Царя. Учил я Вас любить всех ближних, Не делать им обид и зла, Но помогать в бедах и горе И больше делать всем добра Учил я Вас трудиться честно Для блага жизни сей земной. Но больше собирать богатства Для жизни вечной и святой. Учил я часто в церкви, в школе Чужого ничего не брать, И лучше своего лишиться, Чем воровством себя пятнать. Когда чужое взять желаешь, То лучше прежде попроси, И если взять не дозволяют, То потерпи... перенеси. О крестной жизни Бога сына Я Вас усердно поучал. И, чтоб Вы Спасов Крест познали, Песнь крестную Вам написал. При помощи любви Господней Я в школе научал детей Петь стройно все богослужения И вместе с ними всех людей. Труд общего во Храме пенья Мне был тягчее всех трудов. Прошу Вас сохранять в потомстве Сей труд мой в век веков. Учил я и просил оставить Вас всех, во имя божества, Ругательства и все проклены Й все греховные слова. Учил я всех Вас часто в церкви И Ваших убеждал детей, Чтоб почитали и любили Своих отцов и матерей. Учил, чтоб старший перед младшим Всегда имел смирение, И, чтобы отдавал при встрече С поклоном всем почтение. Учил я, чтобы все крестились Христовым праведным крестом И, чтобы люди не божились При всяком случае пустом. Учил я в праздники быть в Храме Творца за жизнь благодарить. И здесь на труд житейский новый Благословления просить. Учил я не желать другому, Чего себе не хочешь сам, Но делать всем добро святое И ближним и своим врагам... Учил я в пятницу молчанью, В день страшных, крестных мук Христа, И пенью о Его страданиях И о величии Креста. И написал Вам много песен Но праздники священных дней,

Чтоб Вы учили их и пели Всю жизнь в кругу своих детей. И заповедал Александра, Блаженной памяти, Царя, Освободителя народа Всем поминать у Алтаря. Я Вас учил родных умерших В молитвах сих не забывать Особенно на литургии По имени их поминать. Я Вас учил, чтоб на кладбище Все на гробах своих отцов Читали в праздники и пели Псалтырь или молитвослов. Но сохрани Вас Бог во веки, В корчме умерших поминать Иль здесь, в безчинии и пьянстве Все праздники препровождать. Учил Вас, драгия чада, Двенадцать тяжких лет И содержаньем поучений Один был у меня предмет. Чтоб Бога Вы познали И весь великий Крест Христов, И, чтоб имели к Богу И к ближней братии любовь. Чтоб в мире, дружбе и согласии 🔻 Семейства жили меж собой. И, чтоб все люди просвещались Познаньем истины святой. И, чтоб старинные отвергли Обычаи греховных дел, Но жили бы по христиански, Как Бог в законе повелел. Чтоб в подвигах труда земного Всем завещанного в раю, Мы проводили в покаянии И в страхе Божьем жизнь свою. И, чтоб особенно старались Мы все о просвещении И о приготовлении к смерти И о вечном там спасении. Прошу не забывать моих трудов. И все благие поучения И все слова моих речей Прошу всех исполнять на деле: Мужей и жен, дев и детей. Но, если Вы, друзья и чада! Забудете мою любовь И все святые поученья Моих к Вам иерейских слов. И станете к соблазну младших Во мраке заблуждений жить, И, слово Божие отвергнув, -Начнете сатане служить. Но Вы, возлюбленные чада! Не огорчите до конца. Меня, учителя, иерея И любящего Вас отца. Вы все в потомстве сохраните Мое Вам поучение, Для достижения блаженства И для вечного спасения. Амины

ВОИСТИНУ — СВЯТОЙ ЧЕЛОВЕК!

Когда в октябре прошлого года в нашем городе узнали об историческом постановлении Архиерейского собора Русской православной церкви о канонизации Святого Преподобного исповедника Гавриила, архимандрита Мелекесского, не все и не сразу осознали величие этого факта. Даже когда в Димитровграде происходило великое духовное действо обретение мощей святого Гавриила - событие всероссийского масштаба - и тогда мы еще не до конца осознали, ка-

кое благо несет горожанам обретение своего небесного покровителя. Дата канонизации святого архимандрита Мелекесского Гавриила совпала с 45-летием со дня его смерти. А сегодня годовщина обретения святых мощей православными димитровградцами проходит накануне еще одной даты - 55-летия со дня начала службы святого отца Гавриила настоятелем Свято-Никольского храма в нашем городе. И вот, только спустя год, мы, наконец, в полной мере осознаем те деяния, тот подвиг духовный и человеческий, ту силу духа и веры, которые являл своей жизнью и служением Господу этот преподобный исповедник.

Уже собрано и публикуется его творческое наследие. Собраны сотни откликов и свидетельств очевидцев о благотворном влиянии святого архимандрита Гавриила на людей, общавшихся с ним. Он утешал их, дарил здравие и душевное спокойствие, поражая своей праведностью и святой прозорливостью, дарованными ему Господом. Он примирял и утешал людей, учил их великому терпению, считая, что испытания посылаются человеку от Бога и необходимы для его очищения. Он умел слушать и слышать каждого страждущего, пришедшего к нему. Он завещал нам прощать и жить в мире. Осознавая величие и неповторимость факта обретения Димитровградом такого Покровителя, мы должны и сегодня прислушаться к его заветам, высоко чтить память об истинном святом духовном наставнике нашем. На просторах России не у каждого города есть свой святой. Давайте помнить об этом! Быть достойными его судьбы, его великого примера служения Богу и людям!

> Глава Димитровграда Сергей МОРОЗОВ

Честь и слава русской литературы Как в Евангелог от Иоанна На Руси в начале было Слово. Вместе шли они сквозь ураганы, Погибая, воскресали снова.

Вот и этот век пришел к исходу. Как им глубою: забаенья реки, Русь моя, как веру, как свободу, Это Слово сохранит навеки.

"Слово о полку Игореве" - это не только одно из величайших произведений русской литературы за всю ее тысячелетнюю историю. Какими только восторженными эпитетами ни награждали (и вполне заслуженно) "Слово" его исследователи и комментаторы: замечательное, изумительное, блистательное, великое, гениальное, бессмертное и т.д. Все это, конечно, верно, но дело не только в этом. Гениальных произведений в русской литературе немало, но далеко не каждое из них можно поставить в

один ряд с этой поэмой. И это при том, что идет уже девятое столетие со времени, когда было создано "Слово"; что человеку XXI века требуются большие усилия, чтобы понять многие смысловые и образные тонкости "Слова" и оценить его подлинную художественную красоту, не пользуясь переводами на современный язык. Думаю, каждый, кто действительно любит "Слово", понимает, что эта любовь не может быть объяснена только литературной ценностью этого произведения, какой бы высочайшей она ни была. Тайна этой любви глубже и сложнее.

Книги имеют свою судьбу. И судьба "Слова о полку Игореве" особенно поражает своей трагичностью и таинственной, мистической связью с судьбой всей России. "Слово" появилось в труднейшее для юного государства время, когда Русь разрывалась на части от кровавых раздоров князей, использовавших в своей междоусобной борьбе заклятых врагов Руси XI-XII вв. — половцев, когда под сомнение было поставлено самое существование Русского государства. "Слово" заставило задуматься русских князейнад судьбой своей Родины, договориться о совместной защите Руси от врагов. Но главное предназначение "Слова" заключалось не только в том, чтобы способствовать решению острейших проблем своей современности. С высоты прошедших веков отчетливо ясно, что "Слово" было еще и грозным пророчеством, предвестьем, предупреждающим о грядущих страшных бедах, постигших русский народ уже через полвека после создания "Слова". Невозможно не заметить в "Слове" предчувствия надвигающейся катастрофы монгольского нашествия, уничтожившего свободу Руси и надломившего судьбы русского народа.

Но "Слово" же и вдохнуло веру в возрождение Руси, предвозвестило освобождение русского народа от ордынского ига. Именно с помощью "Слова о полку Игореве", вдохновляясь им, используя его как образец, русский писатель конца XIV в. (возможно, Софоний Рязанец) вскоре после Куликовской битвы провозгласил в знаменитой "Задонщине" всему миру о великой победе русской армии над полчищами хана Мамая. Так уже через 200 лет "Слово" вновь помогрусскому народу поверить в свои силы, возродить Русское государство, отстоять свою независимость.

И после четырех веков забвения "Слово о полку Игореве" таинственным образом вновь возвращается к жизни в конце XVIII в. перед новыми грозными испытаниями, ожидающими Россию в 1812 г., словно предупреждая о них. В этот переломный момент русской истории судьбы "Слова" и России вновь соединились в единую судьбу. Именно в такие моменты тяжелых испытаний и бед, то и дело обрушивающихся на нашу страну, "Слово о полку Игореве" становится нам особенно необходимо. Это видно по тому, как усиливался интерес к нему читателей и ученых в 1930-40-ые и в конце 1980-ых-начале 1990-ых гг. Убежден, что и в настоящее время мы все остро нуждаемся в исторической мудрости и историческом оптимизме этого древнего шедевра.

"Слово о полку Игореве" - это не просто живая, реальная картина конца XII в. В "Слове" заключена вся почти двухтысячелетняя история русского народа, начиная с "веков Трояна" (II-IV вв.), вся судьба России, вся наша жизнь. Все великое и трагическое прошлое нашей Родины и все ее будущее выражены в четырех взаимосвязанных главнейших идеях "Слова", составляющих формулу истории

России, ключ к разгадке ее судьбы.

Первая главнейшая идея "Слова" - это идея защиты Русской земли от всех ее врагов. Вся история России с древнейших времен и до современности – это история ее защиты, история ее борьбы за свободу и независимость. Смысл "Слова о полку Игореве" и смысл русской истории один: "Вступита въ злата стремень, загородите ворота своими острыми стрелами за землю Русскую". Думаю, не

ошибусь, если скажу, что и смысл русского будущего будет таким же.

Вторая, не менее важная идея "Слова", неразрывно связанная с первой, - это идея сохранения единства Русской земли, предотвращения внутренних усобиц и смут, т.е. говоря современным языком, гражданских войн, поскольку чаще всего именно в такие моменты, когда Россия разрывается от внутренних распрей, ей угрожает внешняя опасность. Это хорошо понимал автор "Слова": "Которою бо беше насилие отъ земли Половецкый" (Из-за усобицы ведь настало насилие от земли Половецкой), "князи сами себе крамолу коваху, а погании победами нарищуще на Рускую землю" (князи сами на себя крамолу ковали, а поганые с победами нарыскивали на Русскую землю). Это подтверждает весь опыт русской истории и русской современности.

Третья из четырех главнейших идей "Слова о полку Игореве" - это идея защиты и сохранения христианской православной веры. Без этого не могут быть осуществлены первые две идеи, так как православная вера является основным фактором единства русского народа и фундаментом всей русской культуры и цивилизации. В сознании автора "Слова" борьба русского народа против внешних врагов за независимость Руси — это еще и борьба за веру: "Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки!" Игорю, самому повинному во многих бедах и усобицах, терзавших Русь в ту эпоху, "Богъ путь кажетъ на землю Рускую къ святей Богородици Пирогощей" не только из половецкого плена, но и из того страшного положения, в котором оказалась вся Русская земля. И теперь мы вслед за автором "Слова" начинаем понимать, что из любого исторического тупика русский народ сможет выйти, только опираясь на свою православную веру, из любого плена, в каком бы ни оказалась наша страна, только "Богъ путь кажетъ" (Подробнее о христианской идее "Слова" см. статью "Христианские мотивы в "Слове о полку Игореве").

И наконец, четвертая главнейшая идея "Слова о полку Игореве", без которой поэма не получила бы своей завершенности и гармоничности – это любовь,

всепобеждающая, самоотверженная любовь русской женщины. По замыслу автора "Слова", именно Ярославна спасает Игоря, именно после ее плача-заклинания Бог выводит его из плена, благодаря именно ей в конечном счете "солнце светится на небесе – Игорь князь въ Руской земли", а "страны ради, гради весели". Во все века "жены руския въсплакашась, аркучи: "Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати".

Таким образом, "Слово о полку Игореве" - это не только история конца XII в. Это, если можно так выразиться, сгусток всей русской истории, вся русская жизнь и русская судьба, так сказать, в сжатом, сконцентрированном виде. Вот почему "Слово" так драгоценно каждому русскому человеку и так любимо им. Вот почему "Слово о полку Игореве" является национальной святыней русского народа

на все времена.

Удивительно и то, что "Слово", стоявшее у истоков древнерусской литературы, также положило начало и литературе современной, открыв собой новый этап в ее развитии. После первой публикации в 1800 г. возрожденное "Слово о полку Игореве" оказало огромное влияние на творчество всех наших самых значительных поэтов и писателей, начиная от Пушкина, Карамзина, Жуковского и заканчивая Блоком, Есениным, Заболоцким. Классическая русская литература продолжила традиции патриотизма, гуманизма и народности, основанные "Словом". А образ Ярославны стал самым первым портретом русской женщины в литературе, открывшим целую вереницу прекрасных героинь произведений таких русских поэтов и писателей, как А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и многих других. Возможно, даже то, что вскоре после публикации "Слова" начался "золотой век" русской литературы, не является случайным совпадением. С тех пор интерес к "Слову" постоянно возрастает. "Слово" занимает важнейшее место в русской культуре и русском самосознании. А научная литература о "Слове" насчитывает уже более пяти тысяч статей и книг.

Ярким свидетельством огромной популярности "Слова о полку Игореве" и поистине всенародной любви к нему является большое количество переводов этого древнего шедевра на современный язык. Все эти переводы можно разделить на два типа. Первый тип – это собственно художественный перевод, т.е. как можно более точная передача содержания, идеи, ритмики, образности, других основных качеств и общего духа поэмы посредством современного русского языка. Таких переводов, выполненных учеными и литераторами в меру своего понимания главных особенностей "Слова", насчитывается уже несколько десятков (если не сотен). Увеличивать их число нет никакого смысла, тем более что многие из этих переводов очень хорошие, точные, высокохудожественные и отличаются друг от друга лишь небольшими нюансами.

Второй тип переводов "Слова о полку Игореве" - это поэтические переложения. К ним я отношу переводы на современный язык, выполненные в стихотворной форме, т.е. рифмованным текстом, а не "белыми" стихами или ритмической прозой. Насколько мне известно, русскими поэтами XIX и XX вв. было создано всего лишь восемь поэтических переложений, выражающих содержание и дух "Слова" именно стихами: первое переложение (А. Палицын) – уже вскоре после первой публикации "Слова"; еще два (Д. Минаев, Н. Гербель) – в середине XIX в., и пять переложений – в XX в. (М. Тарловский, Д. Семеновский, Н. Заболоцкий, Н. Рыленков, А. Домнин). Согласитесь: в сравнении с художественными переводами поэтических переложений "Слова" не так уж и много. Но дело, конечно, не в количестве. Большая часть этих переложений оказались не совсем удачными и содержали массу недостатков. После публикаций они подверглись критике специалистов и со временем утратили свою востребованность среди читателей. В настоящее время они почти забыты, оставшись лишь эпизодами в литературной жизни "Слова о полку Игореве".

И только великолепное, блестящее переложение Н.А. Заболоцкого по сво- Q

им поэтическим достоинствами и строгому соответствию тексту "Слова" оказалось достойным этого древнего произведения. Возможно, именно литературное совершенство и глубокий историзм труда Н.А. Заболоцкого привели к тому, что за последние полвека, кроме Н.И. Рыленкова и пермского поэта А.М. Домнина, опубликовавших свои переложения в 1960-ые гг., больше никто не попытался создать новое поэтическое переложение. В целом прекрасное переложение Н.И. Рыленкова все-таки явно уступает переложению Н.А. Заболоцкого по целому ряду признаков и, прежде всего, из-за того, что оно изначально было задумано как свободный пересказ, вольное истолкование "Слова" и содержит несоответствующие оригиналу авторские домыслы.

Здесь я хочу сделать небольшую оговорку. Каждый, кто занимался подобного рода поэтическими переложениями или поэтическими переводами с иностранных языков, знает, что в таких случаях некоторые авторские вольности неизбежны. Невозможно какой-либо имеющийся текст с полной дословностью выразить в стихотворной форме, сохранив его синтаксический строй. Мы вправе требовать от поэта-переводчика строгой точности в передаче общего содержания и смысла переводимого текста, однако было бы наивным ожидать при этом еще и полной лексической идентичности перевода и его оригинала. И все-таки существует определенный предел, порой даже трудноуловимый, переступив который поэт-переводчик рискует создать не перевод в точном смысле слова, а собственное произведение, лишь отдаленно напоминающее переводимый оригинал. Когда же речь идет о таком драгоценном шедевре как "Слово о полку Игореве", поэт должен стремиться к максимально точному переложению в поэтическую форму всего содержания, всех образов и особенностей оригинала. Возможность этого с таким блеском продемонстрировал Н.А. Заболоцкий. К сожалению, остальные поэтические переложения "Слова" в большей или меньшей мере являются скорее самостоятельными поэмами, написанными по мотивам "Слова".

Еще одна причина столь небольшого количества поэтических переложений "Слова" (кроме специфических сложностей этой работы) кроется в сомнениях в самой целесообразности таких переложений. Ведь "Слово" написано ритмической прозой, а не стихами, да и наличие рифмы далеко не всегда является признаком настоящей поэтичность, образное богатство, идейная и содержательная глубина, наличие созвучий и рифм, меняющаяся ритмика, очевидны для всех и придают ему характер поэтического произведения. И только стихотворное переложение может дать современному читателю наиболее яркое и верное представление о "Слове", как об именно поэтическом произведении, как о настоящей поэме. Неслучайно, что все специалисты признают свободное переложение Н.А. Заболоцкого самым лучшим среди всех различных переводов, включая и более точные, дословные.

Однако со времени публикации Н.А. Заболоцкого (1946 г.) наука продвинулась далеко вперед. Благодаря трудам видных ученых — специалистов по истории и древнерусской литературе А.С. Орлова, В.П. Адриановой-Перетц, А.Н. Робинсона, Л.А. Дмитриева, О.В. Творогова и особенно двух выдающихся ученых современности — академиков Д.С. Лихачева и Б.А. Рыбакова, мы лучше и больше знаем о людях и событиях XII в., глубже понимаем "Слово" и его эпоху. В книге "Петр Бориславич: Поиск автора "Слова о полку Игореве" (1991 г.) Б.А. Рыбаков подвел итог своих многолетних исследований. Он дал обстоятельнейший исторический комментарий каждого эпизода, каждого предложения и даже отдельных фраз "Слова", охарактеризовал каждую историческую личность, упомянутую в поэме, прояснил ее "темные" места и непонятные слова. Кроме того, Б.А. Рыбаков привел убедительные аргументы в пользу своей гипотезы о личности автора "Слова", о его социальной принадлежности, политических взглядах и личных симпатиях и антипатиях к тем или иным князьям. Так что сейчас мы мо-

жем с высокой степенью вероятности назвать имя великого автора "Слова". Пожалуй, только научная принципиальность, необходимая в любой науке, не позволяет другим исследователям признать гипотезу Б.А. Рыбакова как единственно верную без абсолютно убедительных фактов и прямых неопровержимых свидетельств. Для правильного понимания "Слова" чрезвычайно важно и другое открытие Б.А. Рыбакова. Он доказал, что поэма дошла до нас в искаженном виде. Некоторая логическая и хронологическая непоследовательность "Слова" вызвана не сознательным желанием автора усложнить композицию своей поэмы, а ошибкой позднейшего переплетчика, перепутавшего отдельные страницы древней рукописи. К тому же некоторые страницы, по-видимому, оказались утраченными. Б.А. Рыбаков определил последовательность всех эпизодов "Слова", восстановив его первоначальную композицию, сильно отличающуюся от традиционных, привычных публикаций поэмы. Свое переложение я составил (за некоторым исключением) по композиции "Слова", реставрированной Б.А. Рыбаковым, поэтому внимательному и знающему читателю оно может показаться необычным.

Конечно, Н.А. Заболоцкий, создавая собственное переложение "Слова", не мог знать многие исторические факты, ставшие известными только в последние десятилетия. Это привел к тому, что оценки автора "Слова" некоторых событий и личностей, описанных в поэме, в интерпретации Н.А. Заболоцкого оказались искаженными. Также вряд ли было правильным использование им единого стихотворного размера (хотя и очень удачно выбранного) для всей поэмы в целом за исключением некоторых строк. Такая однотонность не отражает подлинного постоянно меняющегося ритма "Слова", придающего ему яркую динамичность и особую выразительность.

Хотя переложение Н.А. Заболоцкого, несмотря на некоторые недостатки, остается и, вероятно, останется непревзойденным благодаря своим поэтическим достоинствам, все-таки, очевидно, уже назрела необходимость в создании нового, альтернативного переложения "Слова", которое соответствовало бы уровню современной научной изученности этого шедевра древнерусской литературы. Впрочем, я далек от мысли, что мое переложение снимает эту необходимость. С моей стороны это лишь попытка продвинуться в этом направлении.

Не усложняя данной публикации комментариями ко всему тексту переложения и пояснительными примечаниями, которые имеются в любом издании "Слова", я хочу сказать лишь о некоторых особенностях и деталях моей работы, отличающих ее от поэтических переложений предшественников.

1. Композиция "Слова". Как уже было сказано, я использовал не традиционную композицию, а восстановленную Б.А. Рыбаковым. Следуя указаниям самого автора "Слова", что его поэма должна начаться "старыми словесы" (т.е. старинными рассказами) "от стараго Владимера (Мономаха) до нынешнего Игоря", Б.А. Рыбаков перенес в начало "Слова" исторические повествования о Всеславе Полоцком и Олеге Святославиче – "Гориславиче", хронологически предшествующие походу Игоря. Такое перемещение вполне обосновано. Однако перед рассказом о Всеславе Полоцком Б.А. Рыбаков ставит еще и авторское обращение ко всем внукам Ярослава и Всеслава. Упоминание перед Всеславом его потомков представляется нелогичным и хронологически неоправданным, тогда как после подобных поименных обращений автора к отдельным князьям этот обобщающий призыв сразу ко всем выглядит логичным и последовательным завершением всех этих обращений. Поэтому фрагмент "Ярославли вси внуце и Всеславли!" я в своем переложении оставил на традиционном месте.

Другое отличие моего варианта композиции "Слова" заключается в том, что эпизод с гибелью князя Изяслава Полоцкого, находящийся среди авторских призывов и не имеющий с ними ничего общего, я посчитал завершением исторического повествования о Всеславе и его Полоцком княжестве. Этот фрагмент, начинающийся словами "Уже бо Сула не течетъ сребреными струями", и по содер- 1 1 жанию, и по форме (исторический рассказ, а не актуальное воззвание), на мой взгляд, также следует переместить в начальный исторический обэор "Слова" после рассказа о Всеславе как рассказ о его потомках (Подробнее об этом см. в статье о Трояне). Что касается переноса других фрагментов и отдельных строк "Слова", предложенного Б.А. Рыбаковым, то здесь я полностью доверяю научной и творческой интуиции этого замечательного ученого.

2. Ритмика поэтического переложения "Слова". Я считаю, что поэтическое переложение не только должно как можно точнее передавать содержание оригинала, но и по возможности должно соответствовать его ритму. Как признают все исследователи, гибкий ритм "Слова" меняется в зависимости от смысла и содержания поэмы. Это одна из главных особенностей "Слова", и я попытался эту особенность сохранить. Кроме того, в моем переложении большинство законченных по смыслу отрывков обозначаются завершающим двустишием.

3. Отношение автора "Слова" к Игорю. Я полностью разделяю мнение Б.А. Рыбакова, что вопреки утвердившемуся стереотипу, будто автор "Слова" восхищается Игорем и восхваляет его, на самом деле это отношение было скорее осуждающим. Несколько раз автор недвусмысленно обвиняет Игоря, проводившего политику сепаратизма, разжигавшего вражду между русскими княжествами, воевавшего против Смоленска и Киева в союзе с половцами, в том числе и со своим будущим противником – Кончаком. Являясь князем Новгород-Северского княжества, Игорь часто использовал свой военно-политический потенциал ради сиюминутной выгоды, в ущерб национальным интересам русского народа. Это хорошо знали и автор "Слова", и его современники. За это его осуждали, по словам автора поэмы, и киевский князь Святослав ("нечестно бо кровь поганую пролиясте"), и даже европейцы, заинтересованные в победе русских над половцами ("немцы и венедицы, греци и морава каютъ князя Игоря"). Автор прямо говорит, что "Игорь и Всеволодъ лжу убудиста которою" (пробудили коварство раздором). Что касается восторженного тона автора "Слова" по поводу бегства Игоря из плена и его приезда в Киев, то эти восторги относятся не к самому Игорю, а к тому, что он после своего бесславного поражения прекратил наконец предательскую политику союзничества с половцами против русских князей и был вынужден просить помощи у киевского князя. Некоторая сдержанность автора "Слова" в своих оценках действий Игоря объясняется, говоря современным языком, политкорректностью поэта, который при всей своей смелости не хотел открыто выступать против влиятельного князя в момент, когда требовалось объединить все силы для борьбы с врагами. В своем переложении я попытался передать это сложное отношение автора "Слова" к Игорю, не отступая от текста поэмы.

4. Князь Всеслав Полоцкий в "Слове". В комментариях некоторых исследователей "Слова" Всеслав Полоцкий интерпретирован как отрицательный герой, зачинщик смут и усобиц. Эта негативная характеристика попала и в переложение Н.А. Заболоцкого, где он представлен главным виновником того, что "Немизе кровави брезе посеяни костьми рускихъ сыновъ" (в интерпретации Н.А. Заболоцкого: "Не добром засеял их оратай, / А костями русскими – Всеслав"), и даже вопреки исторической истине "погиб он, местию дыша". Но как показал глубокий анализ текста "Слова", проделанный Б.А.Рыбаковым с привлечением данных летописей и народного былинного эпос, автор поэмы на самом деле восхищается Всеславом и сочувствует ему. Для этого у него были все основания. По традиции той эпохи Всеслав имел право претендовать на великокняжеский престол, поскольку в отличие от братьев Ярославичей, с которыми он враждовал, он был потомком старшего сына Владимира I Святого, т.е. считался старшим из Рюриковичей. Кроме того, Всеслав был очень популярен в народе и пользовался его поддержкой. Об этом говорят трагические события 1068 г., когда Изяслав Ярославич с братьями потерпел крупное поражение от половцев. Возникла ре-1 2 альная угроза захвата Киева. В результате в столице вспыхнуло народное восстание. Киевляне освободили плененного обманным путем за год до этого Всеслава и провозгласили его великим князем. Недолгое княжение Всеслава оставило в памяти народа глубокий след. Про него было сложено несколько былин, в которых он фигурирует под именами Волха Всеславьевича, Василия и даже Ильи Муромца и выступает как защитник народа от врагов и княжеского произвола. Без сомнения, что и в "Слове" Всеслав Полоцкий является положительным героем. Таким же он должен быть и в поэтическом переложении.

5. Див в "Слове о полку Игореве". Практически во всех изданиях "Слова" комментаторы представляют Дива как восточное мифическое существо, враждебное русским. На самом деле и по письменным источникам, и по данным изобразительного искусства X-XIII вв. известно, что в русском язычестве существовало такое божество, представлявшее собой доброжелательного к людям полузверя-полуптицу (грифона) и имевшего охранительные функции. В "Слове" Див предупреждает не половцев о походе Игоря, как обычно считают, а именно русских. Вместе с солнцем и всей природой Див велит Игорю прислушаться к половецким землям, посылающим свои полчища против русского отряда. И когда Игорь и его воины терпят поражение, Див тоже как поверженный падает с дерева на землю. Кстати, в "Задонщине", написанной по образцу "Слова" в конце XIV в., Див встречается трижды, и в двух случаях из трех он представлен сочувствующим русским: вместе с русскими он оказывается под вражескими саблями и по всему миру разносит весть о славной победе Дмитрия Донского. Видимо, в XIV в. еще была жива память о том, что Див — это русское сказочное существо. Именно так я его показал в своем переложении.

Таковы некоторые отличия моего переложения "Слова". Должен признаться, что я отнюдь не склонен переоценивать значение своей работы. Чтобы создать достойное переложение "Слова", необходимы как минимум два условия: высокое поэтическое мастерство и глубокое профессиональное изучение общирной научной литературы о "Слове", требующее долгого кропотливого труда. Откровенно говоря, я не считаю себя профессионалом ни в одной из этих сфер деятельности и вполне допускаю, что читатели и специалисты найдут в моих переложении и статьях о "Слове" ошибки и недостатки. Возможно, некоторым оправданием для меня является то, что занятие "Словом" в течение многих лет было для меня чем-то вроде хобби. Вынося на суд публики некоторые результаты моего давнего увлечения, я лишь хочу еще раз привлечь внимание читателей к одному из лучших произведений русской литературы и, может быть, забегая вперед, предлагаю общественности достойно отметить предстоящий в 2005 г. 820-летний юбилей "Слова о полку Игореве". Ведь как ни печально, но 200-летие первой публикации "Слова", пришедшееся на 2000 г., прошло почти незаметно.

В данной публикации сохраняется давняя традиция сопровождать издание "Слова" историческими и литературоведческими работами. Первая из предлагаемых статей посвященаважному и, можно сказать, ключевому для понимания поэмы вопросу о ее религиозной направленности. Во второй статье мной предлагается возможный вариант решения одной из самых сложных проблем "Слова" - проблемы толкования Трояна, которая по своей важности стоит в одном ряду с проблемами авторства поэмы и ее точной датировки. И, наконец, в третьей статье говорится об одном из аспектов влияния "Слова" на творчество Пушкина.

Истинный патриот, талантливый поэт, пламенный публицист, дальновидный политик и мудрый государственный деятель — великий автор "Слова" из глубины веков призывает всех нас любить Россию в трудные времена, беречь ее от внутренних смут, защиать ее от всех "поганых", как сам автор называет врагов Руси, которых слишком много развелось в последнее время внутри и вне нашей великой и прекрасной Родины. И каждое новое поколение должно услышать этот призыв и достойно на него ответить.

слово о полку игореве

(Поэтическое переложение А.П.)

1.
Не прилично будет ли нам, братья, Старыми преданьями начать Повести об Игоревой рати, О походе Святославича? Только пусть начнётся эта песня По былинам времени сего, Не Бояна вымыслом чудесным, Не запевом сказочным его. Коль Боян наш вещий собирался Песнь свою творить кому-нибудь, Мыслию по древу растекался, Серым волком отправлялся в путь И орлом парил он в поднебесье, Начиная сладостную песню.

Вспоминал он битвы прежних дней, Первых лет усобицы и сечи, И на стаю белых лебедей Десять соколов пускал навстречу. И, попавшись, начинала петь Лебедь песню князю Ярославу; А другая — храброму Мстиславу, Как он смог Редедю одолеть Перед всем его касожским станом; Третья пела — Красному Роману.

Но Боян не соколов пускал, Белых лебедей пугая стаи, -На живые струны воскладал Вещие персты свои, играя. И князьям под вещими перстами Струны славу рокотали сами.

II.
Вспомним, братья, в повести своей Времена Владимира вначале, Завершив рассказом наших дней О деяньях Игоря печальных. Ум он силой своей укрепил, Сердце мужеством он поострил; Духа воинского полн, Он навел свой храбрый полк На половецкие владенья, За землю Русскую радея.

111. На седьмом веку Трояна Бросил жребий свой Всеслав. К девице, ему желанной, Подобраться пожелав. Он смекалкою волшебной Оказался на коне И скакнул к столице древней На летящем скакуне. Отворил он в Киев двери И златой престол достал, Но оттуда лютым зверем Вскоре в полночь ускакал, А из Белгорода птицей С синим облаком летел. Счастья он себе добиться В Новгороде захотел. Отворил он в три удара Новгородские врата, Но потратил время даром -Не сбылась его мечта. И хоть славу Ярослава Удалось ему разбить, Но опять пришлось Всеславу Волком мчаться во всю прыть. И с Дудуток князь удалый Ускакал что было сил. На Немиге – речке малой Бег его закончен был.

На Немиге молотят не цепями – Молотят там булатными мечами; На току собирают снопы из голов, Жизнь кладут, от тела душу веют; Не добром на берегах кровавых сеют – Сеют там костями русских сынов.

Князь Всеслав людей судил, Города князьям рядил, Волком рыскал ночью темной; Начинал свой путь огромный В Киеве, а утром ранним Был уже в Тмутаракани. Волком он всю ночь скакал, Хорсу путь пересекал. В Полоцке колокола Софии Для него к заутрене звонили, А к Всеславу-князю даже в Киев Эти перезвоны доходили. И хотя он жил с душою вещей В храбром теле, был умен и смел, Слишком часто он от бед зловещих Горести в судьбе своей терпел. И Боян наш веший и разумный

Про него сказал припевкой умной: "Ни хитрому, ни ловкому как птица От Божьего суда не уклониться".

Уж не течет Сула к переяславским пристаням Серебряной струёю, и Двина Под кликами поганых для полочан воинственных Уже в болото вся превращена. Лишь Изяслав, сын Васильков, был смел И острыми мечами позвенел О шлем литовский в сече злой, кровавой, Но славу удержать он не сумел Родного деда своего Всеслава. И сам не удержался он и пал, Щитом червленым раны прикрывая. Лишь друг его любимый, умирая С ним на траве кровавой, прошептал: "Крылами, князь, одели твою рать Слетевшие сюда лесные птицы, И звери набежали кровь лизать, Которая из наших ран струится". . И братья не пришли к нему с подмогой -Ни Брячислав, ни Всеволод - туда. И там из храбра тела одиноко Жемчужну душу изронил тогда Он через ожерелье золотое. Веселье сникло, голоса скорбят, И трубы городенские с тоскою В знак пораженья горестно трубят.

V.
Были и прошли века Трояна,
Миновали Ярослава годы;
И Олег войною неустанной
Начал приносить на Русь невзгоды.
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Сеял стрелы в городах и селах.
И когда в Тмутаракани-граде
В златы стремена вступает он,
Сам великий Ярослав в досаде
Мог уже расслышать этот звон.
И Владимир Всеволодич снова
Запирал ворота на засовы.

А Бориса, Вячеслава сына, Гордость привела на Божий суд: За Олега у реки Канины Ложе смерти травы ему ткут. И с Каялы увозил такой Святополк отца от поля битвы До Софии Киевской Святой На конях угорских для молитвы. При Олеге Гориславиче тогда

Разрослись усобицы и муки, И повсюду сеялась беда На погибель всем Даждьбожьим внукам. В распрях сокращалась жизнь людская; Редко пахарь выходил в потая, Лишь вороны каркали, летая, Трупы позабытые деля. Да лишь галки по лесам трещали И себе добычу предвещали.

А пока князья куют крамолу,
По Руси поганые идут
И уже по городам и селам
Со двора по белке донь берут.
О, стонать земле придется Русской,
Вспоминая с неизбывной грустью
Светлые былые времена
И князей великих имена.
Никогда Владимир старый не был
Пригвожденным к киевским горам.
Но теперь взметнупись стяги к небу,
Розно развеваясь по ветрам.
Рюрик и Давыд несут их розно,
И поврозь поют их копья грозно.

VI. О, Боян! Соловушкой старинным Ты порхал по мысленному древу, И умом летая в небе синем, Ты соединял в своих напевах Прошлую и нынешнюю славу, Пробегал Трояновой тропою Через степи, горы и дубравы. Если бы воспетым был тобою, Внук Велесов, Игорев поход, То пропел быты своею песней: *To не буря соколов несёт Над полями в синем поднебесье. Это мчатся степями дикими Стаи галок к Дону великому". Или, вещий Боян, песнь иначе прозвучит: "Кони ржут за Сулой – слава в Киеве звенит; В Новеграде трубы трубят – Во Путивле стяги стоят".

Всеволода, брата дорогого Игорь ожидает пред походом. Всеволод — буй тур промолвил слово: "Оба Святославичи мы родом! Светлый свет, брат Игорь, - ты один! Так седлай своих борзых коней. А мои у Курска впереди Под седлом, готовые к войне.

А куряне-то мои — Знатные богатыри:
Под трубами родились,
С конца копья кормились,
Под шлемами обучены,
Пути ими изучены,
Овраги им проторены,
Их колчаны отворены,
Луки напряженные;
Сабли изост ренные;
Словно волки в поле, сами рыщут,
Доверяясь воинской судьбе,
И в сраженьях с недругами ищут
Князю славы и чести — себе".

Тогда князь Игорь бросил взгляд На солнце золотое И увидал, что весь отряд И солнце скрыты тьмою. Собрал дружину он свою И так сказал ей: "Братцы! Уж лучше смерть принять в бою, Чем в плен поганым сдаться. Так сядем на борзых коней, Поскачем грозной силой На половцев среди степей, Чтоб Дон увидеть синий". И разум князя уступил Отведать Дон желанью. Вниманья он не обратил На предзнаменованье: "Хочу копье я преломить На поле Половецком И Дон шеломами испить, Иль с вами, русичи, сложить Главу по-молодецки".

Игорь-князь вступает в стремя золотое, Со своей дружиной в поле выезжает. Путь и даже солнце скрыты темнотою; Стонет ночь, грозою стаи птиц пугает. Свист звериный спышен, это Див воспрянул. Кличет он с деревьев, на ветвях высоких И велит послушать, что враги нагрянут На дружину князя от земли далекой: Волга и Поморье, Сурож и Посулье Поднимают орды, Сповно пчёлы улья; С Корсуня поганых шлёшь на поле брани Ты, проклятый идол из Тмутаракани!

Половцы коней своих помчали К Дону по нехоженым дорогам,

Ночью их телеги закричали Резко, словно лебеди в тревоге. Игорь-князь ведет дружину к Дону. От беды его остерегая, Птицы на дубах кричат и стонут; Волки по оврагам утрожают; Клекотом орлы зовут на кости Стаи злого, хищного зверья, И лисицы брешут в ярой злости На червленый щит в походе том

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь тает,
Свет уронила заря,
Поле туман покрывает,
Шекот уснул соловья.
Галки пробудились за кустами,
Говором всех птиц перебудили.
Русичи червлеными щитами
Это поле перегородили,
Готовясь к кровавой, жестокой борьбе,
Ища князю славы и чести — себе.

VII.
В пятницу с рассветом одолели
Русичи поганых половчан,
Словно стрелы в поле полетели,
Половецких девушек помчав.
Золото с шелками захватили,
Мех и драгоценный оксамит,
Грязь и топь болотную мостили,
Узорочьем половцев они.
Белую хорутвь, червленый стяг
И бунчук с серебряным копьем
Храбрый Святославич принял в знак
Той своей победы над врагом.

Вот гнездо Олеговичей смелых Дремлет в поле, залетев далёко. Рождено оно и прилетело Не затем, чтоб был повержен сокол. И не суждено ему судьбою Кречета побить в бою упорном Или даже справиться с тобою, Половец поганый — ворон черный! Серым волком к Дону Гзак бежит, И Кончак вослед ему спешит.

VIII.
Новый день с рассветом наступает,
Свет кровавый зажигают зори,
И четыре солнца прикрывая,

Черные приходят тучи с моря, В них трепещут синих молний блики. Будет громыхать великий гром, С Дона, с берегов реки великой Будут стрелы сыпаться дождём! Тут придётся копьям преломиться, Тут придется саблям долго биться О шеломы в сражении том На Каяле - безвестной реке, От великого Дона невдалеке. О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот Стрибожьи внуки — ветры веют Стрелами на русские полки, И гудит земля, и всё мутнее Быстрое течение реки. Пыль над полем тучей нависает. Стяги говорят: со всех сторон Половцы от моря наступают И оттуда, где проходит Дон. Дети бесов русских обступили, Кликами поля загородили. И отважно встали пред врагами Русичи с червлеными щитами.

Всеволод, турярый! Ты стоишь В гуще боя с грозными врагами, Прыщешь стрелы в половцев, гремишь О шелом булатными мечами. Шлем аварский саблей рассекая, Где б ты, ярый тур, ни проскакал, Шлемом золотым своим сверкая, Там поганый голову терял. И какие раны испугаться Может тот, кто в бой жестокий шёл, Позабыв про жизнь и про богатство, Про златой черниговский престол; Кто забыл в кровавой этой стычке Глебовну прекрасную свою, Про её обычаи-привычки, Про свою любимую семью?

Были битвы в прошлые года, Но как ныне – не бывало никогда.

От рассвета до заката, От заката до восхода О шелом гремят булаты; Заслонив полнебосвода, Тучи стрел летят каленых, Копья острые стучат На полях тех незнакомых, Во владеньях половчан. Кости сея, поливали Алой кровью – не водой, На Руси же прорастали Всходы горем и бедой.

Что мне шумит, Что мне звенит -Рано до зари издалека? Игорь до конца стоять велит Воинам разбитого полка. Игорь в бой их возвращает снова, Хоть уж силы нет ни у кого, Потому что жаль ему родного Всеволода, брата своего. Бились день, второй – упорно бились, Но на третий - в полдень стяги пали. Тут родные братья разлучились На реке неведомой Каяле. Тут вино кровавое пролили Русичи в степные ковыли, На пиру сватов всех напоили И за землю Русскую легли. Потемнело небо в третий день, И померкли оба солнца ясных. Всё накрыла сумрачная тень. Два луча багряные погасли И далёко в море погрузились, Не осталось отблеска от них. С ними оба месяца младых -Святослав с Олегом тьмой укрылись. Сникнула от жалости трава. С горем приклонились дерева.

IX.
На Каяле свет покрылся тьмой.
И в поганых смелость пробудилась,
Как гепарды хищною семьей —
По Руси орда их прокатилась.
Уж позор унизил нашу славу,
Уже волю нашу гнет насилье,
Уже Див среди лесной дубравы
Пал на землю с дерева в бессилье.
А у моря готские девицы
Снова зазвенели русским златом,
Снова стали петь и веселиться,
Вспомнив Буса, жившего когда-то,
И за Шарукана месть лелея.
Ну, а мы, дружина, без веселья.

Время, братья, грустное настало, Степь укрыла силы нашей много. И тогда Обида девой встала Среди внуков самого Даждьбога, И ступая по земле Трояна, На Дону, у моря-океана,

Словно лебедь крыльями плескала, Времена обилия прогнала. Далеко лететь по поднебесью Вздумал сокол, воронов клюя. А теперь, князь Игорь, не воскреснет Вся дружина храбрая твоя. Карна по погибшим зарыдала; С рогом пламенеющим своим Желя по Руси родной скакала, Всех и всюду обжигая им. Плачут жены русские, скорбят, Причитая с горькими слезами: "Мыслью нам не смыслить милых лад, Думою не сдумать и глазами Их уже вовек не повидать, Злата-серебра не подержать". И от горя Киев как во мгле, И Чернигов стонет от напасти, И по Русской потекли земле Грусть с тоскою и печаль с несчастьем.

Всеволод и Игорь - оба брата, Оба Святославича отважных. За раздор и смуту вашу плата От поганых оказалась страшной. А ведь прежде усмирил погоных Киевский великий Святослав, Против них воюя неустанно, Всех своей грозою напугав. Со своими сильными полками Он на землю половцев вступил, Крепкими булатными мечами Силы их в сраженьях сокрушил. Он на землях половцев поганых Притоптал овраги и курганы, Возмутил их реки с родниками, Иссушил болота с ручейками. Он как вихрь поганым всем на горе Разгромил железную их рать, Захватил Кобяка в лукоморье И отправил в Киев умирать. Тут венецианцы и морава, Немцы, греки правят торжество, Прославляют князя Святослава. Восхищаясь подвигом его. А теперь они в большой печали Игоря корят со всех сторон И скорбят, что в той реке Каяле Утопил богатство русских он. Из седла златого тут впервые Игорь сел в кощеево седло. Приуныли стены городские, Из Руси веселие ушло.

ΧI В это время в Киеве холмистом Святослав увидел смутный сон. Одевали ночью этой мглистой Черным покрывалом, - молвил он, -На кровати тисовой ложили; Черпали мне синее вино, Тем вином во сне меня поили: Было с горем смешано оно. И на грудь колчаном иноверским Крупный жемчуг насыпали мне. А мой терем с золотистым верхом Без конька стоял в том смутном сне. И всю ночь вороны на Кияни Каркали у Плесеньска, дрались, А затем из леса утром ранним Все на сине море понеслись".

И бояре князю рассказали: "Помутился ум от горя злого. Это ведь два сокола взлетали С отчего престола золотого. Захотели соколы награды В половецком поле незнакомом: Поискать Тмутаракани-града Или Дон испить своим шеломом. Но враги расправились над ними, Крылья их могучие подрезав Саблями погаными своими, А самих опутали в железо. Солнца свет для Игоря погас. Не к добру деревья листья сбросят: По Суле идут враги на нас, Делят города уже по Роси. Не воскреснет Игорева рать! Не поднимешь воинов бесстрашных! Кличет Дон: пора тебе сзывать На победу всех князей отважных. А Олеговичи храбрые не ждали, И на брань свою они не опоздали...

XII.

И тогда великий Святослав Изроняет слово золотое, Со слезами горькими смешав И наполнив скорбью и тоскою: "Всеволод и Игоры! Сыновья! Рано вы на половцев напали, Им мечом обиды сотворя. Легкой славы вы себе искали. И хотя сердца у вас когда-то Смелостью в боях закалены, Скованы из крепкого булата,

Шли в поход нечестно вы, сыны, И нечестно кровь поганых лили Для добычи воинской своей. Вы же столько горя сотворили Седине серебряной моей. Вы сказали: "В бой пойдем кровавый Мы одни, презрев чужой совет, И похитим будущую славу, И присвоим славу прежних лет". Разве дивно будет, братья, если Старику придется молодеть? Старый сокол может в поднебесье Даже молодого одолеть,. Если он гнездо своё спасает. И меня ждут златы стремена. Жаль, что мне никто не помогает Из`князей в худые времена. Уж кричат под саблями поганых В Римове. Беда уже близка! А Владимир мучается в ранах. Глебовичу – горе и тоска!

Уж не вижу власти брата Ярослава сильного. Прежде жившего богато, Войском изобильного. С воеводами отважными, Из Чернигова боярами, С татранами бесстрашными, С шельбирами ярыми, С топчаками смелыми. Со стойкими ольберами, С удалыми ревугами -Верными слугами. Без щитов, с ножами их сапог Те ковуи, принося победы, Кликом разгоняли вражий полк, Сохраняя славу наших дедов".

XIII.

Князь великий Всеволод! Неужто Ты не мыслишь издали прийти? В Киеве не хочешь почему ж ты Отчий золотой престол блюсти? Дон ты можешь вычерпать шлемами, Веслами всю Волгу взволновать. Ты бы мог по резани — рабами, По ногате пленниц торговать. Ведь летят твои живые стрелы — Глеба удалые сыновья В самые далекие пределы, В самые далекие края.

С воинами в золотых шеломах Всех своих врагов в крови топили На полях далеких, незнакомых? И не вы ль с своей дружиной храброй Рыкали в сражениях всегда, Словно туры раненые саблей? В злат стремень вступите ж, господа, За обиды наши от поганых, За всю Русь, за Игоревы раны, Удалого Святославича!

Ярослав – князь Галицкий! Не зря Осмомыслом ты проименован. Высоко, где соколы парят, Твой престол стоит из злата кован. Ты подпер Угорские хребты Храбрыми железными полками; Устье затворил Дунаю ты, Грузы провозя над облаками. Королям ты преграждаешь путь И суды свершаешь до Дуная. Твои грозы по земле текут, Киеву ворота отворяя. Бьешь салтанов дальних ты один, С отчего престола стрелы сея. Так стреляй скорее, господин, В Кончака, поганого кощея, За обиды наши от поганых, За времен сегодняшних печаль, За всю Русь, за Игоревы раны, Удалого Святославича!

Ты, Роман удалый, и Мстислав! Храброй мыслью ум влечёт ваш к бою. Словно сокол, ветры обогнав, Вы стремитесь в небо голубое. К подвигам отвага вас позвала Вражьих птиц побить в конце концов. С шлемами латинскими немало Есть у вас железных молодцов. А от них земля уже дрожит, И трепещут вражеские страны: И Литва с ятвягами бежит, Деремела спрятаться спешит, Отступают хиновские станы; Прекращают половцы бои, Копья и ножи к ногам роняют, Головы поганые свои Под мечи булатные склоняют.

Всеволод, Ингварь и трое братьев – Сыновья Волынского Мстислава! Из гнезда хорошего летать вы Начали, орлы. Но не по праву, Не победой вы владенья взяли. Где же ваши копья польской стали И щиты, и шлемы с позолотой? Защитите, братья, нашу волю! Поскорей загородите Полю Стрелами калеными ворота За обиды наши от поганых, За времен сегодняшних печаль, За всю Русь, за Игоревы раны, Удалого Святославича!

Внуки Ярослава и Всеслава! Боевые стяги преклоните, Не тубите дедовскую славу, В братской ссоре меч свой не тупите! Это вы усобицей кровавой За делёж владения Всеслава Привели на Русь полки поганых Половецких ханов окаянных. Но как прежде в распрях постоянных Меж собою ссорятся князья, И идет насилье от поганых, Гибелью родной земле грозя. И покуда братья меж собою Называют малое великим И своим - владение чужое, Нет преграды ордам этим диким. Приходить на Русь с победой будут Половцы поганые повсюду.

XIV.

Голос Ярославны на Дунае слышен, Словно стон печальный чайки одинокой: "Полечу я чайкой, поднимаясь выше, По реке Дунаю к стороне далекой. А когда достигну дальнего предела, Омочу в Каяле свой рукав шелковый И омою раны на могучем теле Дорогого лады, Игоря родного".

Ярославна плачет рано на рассвете На стене Путивля, тихо причитая: "Что ж ты злобно веешь, о ветрило-ветер, На дружину князя с неба налетая? И зачем на крыльях легких, господине, Мчишь ты вражьи стрелы на дружину лады? Разве тебе мало веять в небе синем, Облаков летучих разгоняя стадо? Разве тебе мало веять в море синем, На волнах шумящих корабли лелея? Так зачем в далеком поле, господине,

Ты мое веселье в ковылях развеял?"

Ярославна плачет рано на рассвете На стене Путивля, тихо причитая: "О, мой Днепр Словутич! Ты один на свете, В половецких землях горы пробивая, Войско Святослава на себе лелея, Уносил дружины к половецким станам. Возлелей ко мне ты милого скорее, Чтобы я не слала слез на море рано".

Ярославна плачет рано на рассвете На стене Путивля, тихо причитая: "Свет лое-пресвет лое солнышко! Всем светит Свет твой негасимый, всех теплом питает. Так зачем же лады воиное отважых Ты лучом горячим обожгло, владыко, Луки им скрутило нестерпимой жаждой, Колчаны заткнуло горем в поле диком?"

XV.

Полночью море бушует, Тучами смерчи пошли. Игорю Бог указует Из половецкой земли Путь на Русь через поля и долы К золотому отчему престолу.

Зори вечерние гаснут, Месяц на небе глядит, Звездочки вспыхнули ясно. Игорь и спит и не спит. Игорь мыслью мерит поля до конца От великого Дона до малого Донца.

За рекою в полночь свист раздался — То Овлур зовет своих коней. Чтобы князь в плену не оставался, Он торопит Игоря скорей. Дрогнула земля, трава шумит – Взволновались вежи половчан. Князь из плена вырваться спешит, На своем борзом коне умчав. Горностаем скачет в тростники, Прянул белым гоголем на воду. По Донцу к излучине реки Скачет на борзом коне по броду. Серым волком соскочил с коня, Соколом взлетел под облаками. Стаи белых лебедей гоня, Ужиная дикими гусями. Полетел, загнав своих коней, Игорь, словно сокол в вышине. Побежал Овлур, как волк в лесу,

Отряхнув студеную росу.

XVI. Говорит Донец-река: "Игорь величавый! Кончаку теперь тоска. А для русских - слава". Князь сказал: "И ты, Донец. -Величавый молодец. На своих больших волнах Князя ты лелеешь. На серебряных брегах Зелень-травы стелешь; Одеваешь ты его В теплые туманы, Словно друга своего Прячешь от поганых. Гоголь с чайкой на воде. Черняди летая Извещают о беде. От врага спасая.

Но не такова река Стугна, И имея струи небольшие, К устью расширяется она, Поглотив в себе ручьи чужие. Широка, бурлива, глубока, В берега она волною била. Эта своенравная река Князя Ростислава попубила. И на темном берегу реки Мать по князю юному рыдает. И цветы поникли от тоски, Древо с грустью ветви приклоняет".

XVII.

Это не сороки стрекотали — Это князю Игорю вослед Ханы Гзак с Кончаком поскакали, Хоть и не настал еще рассвет. И тогда затихли птичьи стоны, Галки приумолкли на ветвях, И совсем не граяли вороны, Только змеи ползали в кустах, Только дятлы по стволам стучали У речной стремительной струи, Да рассвет веселый предвещали Песнями своими соловы.

Гзак Кончаку говорит:
"Если сокол улетит,
И его мы не поймаем,
Золотыми стрелами
Соколенка расстреляем.

Вот что с ним мы сделаем".

Гзаку говорит Кончак:
"Лучше сделаем мы так.
Если сокол сможет скрыться
Из капкана нашего,
Мы опутаем девицей
Соколенка младшего".

Но сказал Кончаку Гзак: "Если сделаем мы так, Потеряем мы девицу С соколенком вскоре, И тогда начнут нас птицы Бить на нашем поле".

XVIII

Песнотворцы князя Святослава Были на Руси Боян с Ходыной, Князю Ярославу пели славу, Вспоминая прежние годины. Князь Олег всег да любил их речь, И они промолвили тогда: "Тяжко будет голове без плеч, Телу тоже без главы беда". Точно так же и Русской земле Быть без князя Игоря во мгле.

Но на небе солнце вновь сияет, А на Русь вернулся Игорь-князь. И поют девицы на Дунае, Песнь звучит их, к Киеву стремясь. Игорь едет на Боричев холм крутой К Пирогощей Богородице Святой. И весе рады, И веселы грады.

Пели песню мы князьям былым, А теперь споем и молодым:

Слава Игорю, сыну Святослава! И буй туру Всеволоду — слава! Слава и Владимиру, Игореву сыну! Здравы будьте, князья и дружина, Христиан спасая от врагов кровавых! И князьям, и всей дружине — слава! Аминь.

христианские мотивы в "слове о полку игореве"

В обширной и разнообразной литературе о "Слове о полку Игореве", созданной за два столетия тщательнейшего изучения этого литературного памятника Древней Руси, пожалуй, нет более устойчивого и общепризнанного и в то же время объективно почти совсем не рассмотренного мнения, что великий автор "Слова" либо открыто враждебен по отношению к христианству, либо полностью равнодушен к нему. В лучшем случае исследователи и комментаторы поэмы сдержанно, без какой-либо развернутой аргументации признают автора христианином, но при этом всячески подчеркивают его далекие от церковности положение и взгляды, явные симпатии к языческим богам и почти полное отсутствие христианской религиозности в "Слове" (25. 328-329) . Подобные скептические представления о религиозном мировоззрении автора "Слова" выражали даже такие выдающиеся ученые, самые авторитетные знатоки "Слова", как академики Д.С. Лихачев и Б.А. Рыбаков (18, 81; 26, 274-275).

Поразительно, но факт! За двести лет, прошедшие после первой публикации "Слова", ученые подвергали сомнению все, что угодно: предлагаемые датировки и гипотезы о личности автора, прочтение и толкование различных фраз и отдельных слов и даже самое подлинность поэмы. "Слово" было объектом пристального исторического, литературоведческого и лингвистического анализа, философских, мифологических и даже натуралистических исследований, изучалось в широком контексте мирового литературного процесса, в связи с западноевропейской поэзией и восточным народным эпосом, на фоне русского и зарубежного фольклора. Но до сих пор никто не взял на себя труд провнализировать все христианские аспекты "Слова", выявить и пояснить его христианскую символику, рассмотреть сюжет и композицию поэмы с позиции христианского мировоззрения, определить соотношение христианских и языческих составляющих в религиозных воззрениях автора "Слова". По всем этим вопросам в научной литературе о "Слове" неизбежно сталкиваешься либо с полным игнорированием их важности, либо с бездоказательными, не основанными на конкретных фактах и явно ошибочными суждениями.

Вот один вполне типичный пример таких суждений. "Поэма решительно порывает со всякой церковностью, в ней нет никакой христианской символики. Она вся сплетена из элементов анимизма и фетишизма. "Слово" - произведение насквозь языческое. Автор "Слова" полон языческой традиции своего народа, он погружен в нее, в ней черпает свое мужество и вдохновение. Именно устремленность к миру, к реальной действительности определяла его языческое умонастроение, ставила в оппозицию к церковной доктрине. Он мыслил образами языческой мифологии, принимая само язычество как способ бытия, утверждения человеческого духа" (9, 133-137). Высказавший такую оценку современный ученый даже утверждал, что вообще главной философской заслугой автора "Слова" является возрождение именно языческого мировоззрения (9, 137).

Любопытно, что тенденция противопоставлять "Слово" и взгляды его автора христианской религии весьма ранняя и возникла еще в начале XIX в., т.е. практически сразу же после публикации поэмы. В 1818 г. один из первых исследователей "Слова", историк и писатель Н.М. Карамзин в своей "Истории государства Российского" писал: "Слово о полку Игореве" сочинено... без сомнения мирянином: ибо монах не дозволил бы себе говорить о богах языческих и приписывать им действия естественные" (11, I, 374). Иными словами, Н.М. Карамзин допускал, что автор "Слова" не был христианином, а верил в языческих богов.

Окончательно же стереотип "нехристианства", и даже "антихристианства", приписываемый автору "Слова", был утвержден в науке в 1920-30-ые гг. работами А.С. Орлова, В.Н. Перетца, С.А. Бугославского и других ученых ХХв. (14, 16). Своего крайнего выражения отмеченный стереотип достигает, на мой взгляд, в книге А.А. Косо-30 рукова "Гений без имени". Все "Слово" целиком и отдельные ее части исследователь рассматривает как продукт мифологии и символики древнерусского язычества, автор "Слова" представлен откровенно враждебным христианству язычником. Такими же язычниками являются, по мнению А.А. Косорукова, и все главные герои "Слова". Более того, исследователь в своей работе приходит к выводу, что в XII веке как в широких народных массах, так и в высших слоях русского общества язычество сохраняло свои господствующие позиции. Те же фразы "Слова", которые имеют явно христианское содержание, А.А. Косоруков считает позднейшими вставками, чужеродными подлинному тексту. Мне еще придется в настоящей статье коснуться некоторых рассуждений этого автора.

Хотя большинство современных исследователей не столь категоричны по вопросу о христианстве "Слова", но и они сводят все его христианские реалии к двум-трем деталям. Даже Б.А. Рыбаков в одной из своих книг ошибочно утверждал, что "христианский бог упомянут здесь (т.е. в "Слове") лишь дважды" (27, 775). В другой своей работе, говоря об отношении автора "Слова" к церкви, он охарактеризовал его как безразличное невнимание (26, 274), а важнейшим отличием поэмы считал отсутствие

в ней церковной терминологии (26, 157).

Между тем, еще Пушкин, комментируя "Слово", указывал на наличие в нем поэтических параллелей со Священным писанием, хотя и не привел конкретных примеров (23, VI, 378), а историк XIX в. Н.С. Тихонравов находил языковые параллели между "Словом" и самой древней из сохранившихся древнерусских книг — Остромировым евангелием. И действительно, христианские мотивы, образы и различные детали христианского характера в "Слове" очень многочисленны, весьма разнообразны и играют чрезвычайно важную роль как в общей идейной направленности и сюжете позмы, так и во многих ее отдельных фрагментах и фразах. По характеру использования все эти христианские реалии можно разделить на три группы:

I. Первую группу составляют явные проявления христианской религиозности ав-

тора "Слова";

II. Ко второй группе я отношу большое количество в "Слове" прямых заимствований конкретных библейских образов и метафор, наличие в нем реминисценций и цитат из Ветхого и Нового Завета и другие переклички "Слова" и Библии;

III. И, наконец, к третьей группе можно отнести использованные автором "Слова" обобщенные христианские символы, которые создают в поэме общий христианский дух и придают ей христианский смысл, и другие свидетельства христианской религиозности автора "Слова".

Итак, рассмотрим христианские мотивы "Слова" по выделенным группам, начиная с первой. В нее входят восемь фраз "Слова", христианский характер которых не вызывает сомнений²:

1) Тому (Всеславу) въ Полотьске позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы;

2) Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду су да божиа не минути;

- 3) Бориса же Вячеславлича слава (т.е. гордыня, хвастовство и т.д.) на судъ (Божий) приведе... за обиду Олгову;
 - 4) Съ тоя же Каялы Святоплъкь повелеяти отца своего... ко святей Софии къ Киеву;

5) Игореви князю богъ путь кажеть;

- 6) Игорь едеть по Боричеву къ святей богородици Пирогощей;
- 7) Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганые плъки;

8) Аминь (завершающая строка "Слова").

Некоторые из приведенных фраз "Слова" не только бесспорно христианские, но и, вопреки расхожему мнению об отсутствии в нем библейских цитат и вообще какой бы то ни было его связи с религиозной литературой, содержат прямые заимствования из Евангелий и апостольских посланий. составляющих Новый Завет.

Большинство исследователей справедливо считают, что в контексте фразы 3 о Борисе Вячеславиче суд следует понимать как Божий, поскольку в Древней Руси и междоусобные сражения, и индивидуальные поединки рассматривались именно так (7, 203; 16, 171). Выражения "пусть Бог нас рассудит", "как Бог даст" было общепринятой формулой объявления войны. В "Слове" речь идет о гибели Бориса Вячеславича в 1078 г. в битве у Нежатиной Нивы против Изяслава и Всеволода Ярославичей. На предложение своего союзника Олега не вступать в бой с превосходящими их по силам противниками Борис самоуверенно заявил, что он один, без Олега-разобьет своих врагов, начал сражение и погиб одним из первых.

По-видимому, фразы 2 и 3 о Божьем суде над Всеславом Полоцким и Борисом Вячеславичем имеют евангельское происхождение. Возможным источником этих фраз является одно из посланий апостола Павла (Рим. 2:3): "Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия?" Непосредственно перед этим вопросом ап. Павел перечисляет грешников, которым придется отвечать перед Божьим судом, в частности, тех, кто исполнен распрей, самохвальства, гордыни, обиды и кто безрассуден и непримирим. "Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти", - заключает ап. Павел (Рим. 1:29-32). Как видим, приведенная библейская цитата и текст "Слова" (с учетом подробностей гибели Бориса) сближаются как по общему смыслу, так и по лексике.

Кроме припевки о Божьем суде, приписываемой автором "Слова" древнерусскому поэту Бояну, находит свое соответствие в евангельских текстах и другая фраза о Всеславе: "Аще и веща душа въ дръзе теле, нъ часто беды страдаше". Один из вариантов перевода этой фразы — "хоть и вещая душа (у Всеслава) в храбром теле, но часто (она, его душа) от бед страдала" - очень близок к широко известным евангельским изречениям: "Сберегший душу свою ("веща душа"), потеряет ее ("часто беды страдаше"); Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?" (Мат. 10:39; 16:25-26; Мар. 8:35-36; Лук. 9:24). Эти слова вполне подходят к характеристике князя Всеслава, который долгое время боролся против братьев Ярославичей и их сыновей за великокняжеский престол в Киеве (можно сказать: хотел "приобрести весь мир"), потерпел поражение, сидел в подземной тюрьме, затем был освобожден во время народного восстания и даже захватил власть в Киеве, но вскоре снова был побежден сыновьями и внуками Ярослава Мудрого.

Еще одним возможным библейским источником фразы о Всеславе Полоцком могут быть следующие строки из другого послания ап. Павла: "Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина (т.е. тело) разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. Мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем. Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое" (2 Кор. 5: 1-2, 4, 10). В данном новозаветном тексте, как и в "Слове", мы имеем не только Божий суд ("судилище Христово") и страдания души от бед ("воздыхаем под бременем"), но и присущее христианству разделение, отчуждение личности и души человека от его собственного тела ("вещая душа в храбром теле" — "мы, находясь в этой хижине", "что он делал, живя в теле"). Таким образом, христианские по духу фразы "Слова" о Борисе Вячеславиче и Всеславе Полоцком совпадают с евангельскими текстами не только по смыслу и содержанию, но даже и по лексическому составу.

Также дважды автор "Слова" упоминает храмы Святой Софии (фразы 1 и 4). Один раз — сразу же после слов о гибели Бориса Вячеславича и Божьего суда над ним, как продолжение религиозной темы. Речь идет о главном храме Древней Руси, находящемся в Киеве. Другое упоминание храма Святой Софии связано опять же с князем Всеславом Полоцким. Заметим, что в обоих случаях Божий суд в "Слове" автором прямо связывается или, по крайней мере, ставится рядом с православными храмами, т.е. подразумевается именно христианское, а не языческое толкование Божьего суда.

Попытки А.А. Косорукова опровергнуть христианский смысл приведенных выше фраз о Всеславе выглядят весьма слабыми и не основанными на конкретных исторических и литературных аргументах. Звон колоколов Святой Софии в Полоцке он интерпретирует "не как призывный голос бога, а как голос дисгармоничный, чуждый Всеславу". В этом звоне, по мнению А.А. Косорукова, "нет ни радости, ни величия" (13, 166). Чувствовать радость и величие в церковном звоне или нет – это, наверное, вопрос личных пристрастий исследователя. Что же касается самого Всеслава, то после всех превратностей своей судьбы он вернулся в Полоцк и успешно правил своим удельным княжеством еще целых 32 года, дожив до глубокой старости. По-видимому, "призывный голос" Бога из Полоцка оказался в конечном итоге ему отнюдь не

"Припевку" Бояна о неизбежном Божьем суде над Всеславом А.А. Косоруков посчитал чужой вставкой лишь на том основании, что христианская дидактика якобы чужда Поэту (т.е. автору "Слова"). "Если бы Поэт верил в догмат о Страшном Суде, - рассуждает А.А. Косоруков, - можно не сомневаться, что "Слово" было бы пронизано 32 духом христианской религии" (13, 133).

В ходе своей работы я полытаюсь показать, что дело именно так и обстоит: "Слово" действительно заполнено христианскими идеями, символами и образами. К тому же, автор "Слова" прямо сказал, что "припевку" о Божьем суде над Всеславом сочинил не он сам, а Боян. Так что у А.А. Косорукова нет никаких причин считать эту "припевку" позднейшей вставкой, даже если бы автор "Слова" не был христианином. К роме того, как уже говорилось, в "Слове" имеется и второе — авторское — упоминание о Божьем су де, которое без сомнения не является чуждой припиской, поскольку его невозможно изъять из контекста поэмы. Так что в данном случее мы в очере дной раз сталкиваемся с ошибочной предвзятостью и без доказательной тенденциозностью, граничащими с научной не добросовестностью исследователя.

Таким же образом построена критика А.А. Косорукова и других христианских мест "Слова". Даже те исследователи, которые достаточно критично оценивают значение христианства в поэме, согласны, что фраза"Игоревикнязю богь путь кажеть" подразумевает именно христианское толкование (25, 328; 26, 775). Пожалуй, лишь А.А. Косоруков, исходя из своей трактовки солнца в "Слове" как высшего безличного божества, полагает, что именно оно, солнце, "умилостивленное кровавой жертвой русичей и упрошенное Ярославной, сменяет гнев на благосклонность" и "выступает в роли вдохновителя и организатора побега Игоря из половецкого плена" (13, 144). Причем, развивая свою главную и явно ошибочную идею, что "философской основой мировоззрения Поэта является миф о Солнце, хозяине Света и Тьмы, повелителе Неба и Земли" (13, 3), А.А. Косоруков приходит к противоречивым выводам. С одной стороны, он утверждает, что для русичей XII в. главные древнерусские языческие боги Даждьбог, Стрибог, Велес, Хорс и другие сохраняют свои функции и ореол (13, 50, 145, 162). С другой стороны, в диссонанс своим утверждениям А.А. Косоруков здесь же пьпается доказать, что в религиозных представлениях Игоря, его воинов, Ярославны и самого автора "Слова" солнце заменило всех основных языческих богов (13. 98-99, 145, 162). Чтобы как-то объяснить это противоречие, А.А. Косоруков вынужден заявить, что религиозные взгляды автора "Слова" во многом отличаются от древнерусских языческих представлений, что поэт создал свой собственный миф о Светлом и Пресветлом Солнце (13, 162). Таким образом, по мнению А.А. Косорукова, автор "Слова" не только является противником христианства, но и отвергает русское язычество, проповедуя некую собственную религию. С подобной путаницей, ошубочными или, по крайней мере, спорными суждениями, взаимоисключающими выводами, противоречиями общеизвестным фактам встречаешься едва ли не на каждой странице книги А.А. Косорукова. Выявлять и опровергать их в данной работе у меня нет ни возможности, ни желания, здесь я рассматриваю лишь христианские аспекты "Слова".

Замену христианского бога на одушевленное солнце во фразе "Игореви князю богь путькажеть" А.А. Косоруков основывает на мнимой близости религиозных взглядов автора "Слова" с "плачем" Ярославны, в котором она обращается к персонифицированным силам природы (13, 144-145). Однако, как уже неоднократно указывалось в научной литературе, плач Ярославны по своему характеру собственно и есть народный "плач", представляющий собой жанр устной народной поэзии, элементы которой в "Слове" очень явственны. Хотя подобные народные "плачи" имеют очень древние истоки, они уже давно утратили свое религиозное значение. Анимистические заклинания Ярославны отнодь не определяют ее религиозность, это лишь поэтические метафоры, художественные символы, ярко и эмоционально выражающие переживания героини. Точно так же и упоминания в "Слове" русских языческих богов выполняют не религиозные, а художественные функции (17, 78-81; 18, 81-82; 19, 110-112).

Но даже если плач Ярославны воспринимать как свидетельство ее языческих верований, это не дает никакого повода объявлять автора "Слова" язычником-солицепоклонником, а освободителем Игоря из плена — не Бога, а солнечное божество. Вопервых, потому что Ярославна молит о возвращении Игоря вовсе не солице, а Днепр: "Възпелей, господине, мою паду къ мне". А во-вторых, сам автор сразу же после плача Ярославны в противоположность ее мольбам, словно поправляя ее, недвусмысленно говорит: "Богь путь кажеть". Если бы он был сторонником верховного солнечного божества, он вместо Бога назвал бы именно солице и, скорее всего, назвал бы по имени, как это он сделал, дважды упомянув языческого бога солица Даждьбога и один раз — другое солнечное божество Хорс.

То, что под словом "Богъ" автор подразумевает именно христианского Бога, подтверждается следующей христианской фразой: "Игорь едеть по Боричеву къ святей Богородици Пирогощей". Д.С. Лихачев отмечает особую важность этой фразы, указав, что именно она завершает повествовательную линию "Слова", его фактическую, событийную часть (18, 271, 274). В этой же статье Д.С. Лихачев убедительно пояснил, почему Игорь поехал не в ближайшие черниговские или новгород-северские храмы и не в главные храмы Киева (Святой Софии и Богородицы Десятинной), а в киевский храм Богоматери Пирогощей. Это объясняется феодальным этикетом и религиознокультовыми традициями того времени (18, 270-287).

Казалось бы, отрицать христианский характер фразы о Богородице Пирогощей совершенно невозможно. Но и здесь А.А. Косоруков использует свой испытанный метод — объявляет данную фразу, а заодно и всю концовку "Слова", позднейшим добавлением невежественного дописчика лишь на том основании, что в идейно-образной структуре "Слова" якобы нет ничего позволяющего считать Поэта христианном (13, 158-159). Метод А.А. Косорукова действительно безотказен: он либо произвольно изымает из "Слова" все христианские мотивы, не видя в нем ничего христианского, либо не обнаруживает в "Слове" никакой христианской религиозности, поскольку сам же изъял оттуда все ее проявления. В результате появляются нелепые утверждения, противоречащие историческим фактам, сведениям летописей и самому "Слову". Как, например, такое: "Игорь от маловерия (в язычество) вернулся в итоге тяжких испытаний к языческой вере в Солнце, в одушевленную Природу" (13, 145).

Вся заключительная часть "Слова" буквально пронизана духом христианства. После христианской фразы о поездке Игоря в храм Богородицы, завершившей сюжетную сторону "Слова", следуют авторские прославления Игоря, других князей и всей дружины. Эти "славы", как и "плачи" в "Слове", исследователи связывают с устной народной поэзией (15, 149-152; 19, 102-106). Но в то же время, на мой взгляд, эти песенные прославления вполне соотносятся с традициями евангельских текстов. Большинство апостольских посланий завершаются подобными прославлениями и приветствиями, зачастую такими же поименными(Рим. 16:3-16; 2 Тим. 4:19; 1 Пет. 5:13-14; 1 Кор. 16:19-20; Фил. 4:21-22; Кол. 4:10-15 и др.). О возможности такого соответствия между Новым Заветом и "Словом" говорит наличие христианского содержания в одной из завершающих здравиц: "Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганые плъки" (Здравы будьте, князья и дружина, борющиеся за христиан против поганых полков). Автор "Слова" потому и заканчивает свою поэму именно этой фразой, что в ней заключена одна из главнейших идей всего произведения. Поэт прославляет русских князей и их воинов не только за то, что они защищают Русскую землю от врагов, но и за то, что они защищают православную веру, борясь за христиан против язычников-половцев. Таким образом, патриотическая направленность "Слова" дополняется глубоким религиозным смыслом и содержанием.

Появление религиозной идеи в "Слове" вполне закономерно. Важнейшим событием конца XI-XII вв. были крестовые походы европейских феодалов на Восток. На Руси хорошо знали об этих походах, поскольку они прямо затрагивали политические, экономические и военные интересы русских княжеств. Русь имела устойчивые торговые связи со странами Западной Европы, и борьба русских с половцами, затруднявшими международную торговлю в Северном Причерноморье, становилась частью общей борьбы европейцев против восточных народов за контроль над торговыми путями и имела европейское значение, неизбежно приобретая религиозную окраску. Это видно на примере похода Владимира Мономаха против половцев в 1111 г. В начале похода впереди войска с пением шли священники, неся большой крест, а все воины получили благословение епископа. Священники сопровождали русское войско в течение всего этого похода. Таким образом, Владимир Мономах сознательно обосновал свой поход религиозной идеей, придав ему характер крестового похода.

Создание "Слова" пришлось на время обострения международной ситуации и подготовки третьего крестового похода Фридриха Барбароссы и Ричарда Львиное Сердце против султана Саладина. Некоторые исследователи полагают, что восхищавший автора "Слова" Ярослав Галицкий Осмомысл также готовился принять участие в этом походе (7, 213; 16, 179). Свое предположение они основывают на фразе "стреляеши... сальтани за землями". И хотя Б.А. Рыбаков возражает против такого толкования этой фразы (26, 129), сама возможность того, что русские войска готовились к участию в крестовом походе 1189-1192 гг., говорит о многом.

И. наконец, еще одним подтверждением христианской религиозности "Слова" и его связи с церковной литературой является последнее слово поэмы "аминь". Именно такое окончание является характерной особенностью евангелий, апостольских посланий, житийной и другой религиозной литературы. Таким образом, налицо факт, что "Слово" следует некоторым традициям христианских литературных произведений.

Как мы могли убедиться, даже явные христианские мотивы в "Слове" и открытые проявления религиозности его автора достаточно многочисленны и очень важны в идейном содержании поэмы. Но не менее значимы в поэтике и образной системе "Слова" на первый взгляд незаметные, заимствованные из Библии сюжеты и образы, выделенные мною во II группу христианских элементов. Их влияние чувствуется в некоторых ключевых эпизодах "Слова", как, например, "Вещий сон Святослава". В литературе о "Слове" существует мнение, что христианство не признает вещее значение снов, а для язычников такие сны являлись внушением богов, и значит, автор "Слова", придавший такое серьезное значение сну Святослава, был язычником (13, 272). Но на самом деле именно в христианстве вера в вещие сны и возможность их истолкования является неотъемлемой частью религиозных представлений. В Библии мы встречаем около двух десятков эпизодов, когда су дьбы библейских героев оказывались связанными с такими снами. Причем вешие сны предсказывали и определяли бу душую судьбу главнейших евангельских персонажей, самых знаменитых ветхозаветных пророков и предвещали важнейшие события христианской истории.

Так, Авраам во сне получил предсказание Господа о том, что его потомки будут порабощены на 400 лет, а затем освободятся с большим богатством (Быт. 15:12-16). Иосиф в книге Бытия не только сам видел вещие сны, предсказавшие его возвышение, но и растолковывал сны египетского фараона и его слуг (Быт. 37). Также во сне Иакову были предсказаны приход евреев в Египет и исход из него (Быт. 46:2-4). В таких же снах Бог даровал царю Соломону му дрость, богатство и славу (3 Цар. 3:5-14), а пророк Даниил ви дел бу дущие царства и их царей (Дан. 7:8). И, наконец, святой Иосиф во сне узнал от ангела о предстоящем рождении в его семье Иисуса Христа (Мат. 1:20- а апостол Павел получил повеление Господа отправляться в Рим (Деян. 23:11). В библейской книге Иова говорится, что именно во сне Бог "открывает у человека ухо и запечатлевает Свое наставление, чтобы отвесть человека от какого-либо предприятия и удалить от него гордость, чтобы отвесть душу его от пропасти и жизнь его от

Вешие сны встречаются и в других произведениях религиозной литературы, которые были очень популярны в Древней Руси XI-XII вв., например, в "Житии Евстафия-Плакиды". В этой агиографии рассказывается, как жена святого мученика Евстафия именно во сне приобщилась к христианской вере (10, 38). Таким образом, "мутенъ сонъ" Святослава описан автором "Слова" вполне в духе христианства, а вовсе не язы-

чества.

поражения мечем" (Иов 33:14-18).

Более того, в Библии имеются эпизоды, по сюжету весьма схожие с описанием сна Святослава и истолкования этого сна боярами. Это эпизоды из книг Бытия и Даниила (Быт. 41:1-36; Дан. 2; 4:1-24). И в этих библейских книгах, и в "Слове" мы имеем один и тот же сюжет: правитель видит тревожный сон, а его придворные объясняют

ему значение этого сна, и выясняется, что сон предвещал несчастье.

Не претендуя на полную убедительность, с большой осторожностью выскажу свое субъективное мнение о возможном художественном влиянии на "Слово" библейской 2-ой книги Царств. Оплакивание Давидом погибших Саула, его сына Ионафана и их воинов по форме и содержанию очень напоминает и "золотое слово" Святослава, и сетования автора "Слова" после поражения Игоря. В этом же плаче Давида есть упоминание о дочерях филистимлян, радующихся и торжествующих победу над Саулом, подобно тому, как радуются готские девы поражению Игоря. И здесь же Давид говорит о дочерях израильских, плачущих о Сауле, который одевал их "в багряницу с украшениями и доставлял на одежды золотые уборы" (2 Цар. 1:20, 24). Это также похоже на причитания русских жен, которым "злата и сребра ни мало того потрепати".

С точки зрения возможного заимствования из Библии обращает на себя внимание следующая фраза "Слова": "Темно было в третий день: два солнца померкли... и с ними два молодых месяца... тьмою заволоклись". Эта фраза необычна своей неестественностью: и количеством небесных светил, и тем, что одновременно меркнут и солнце, и месяц. Описание именно такого необычного одновременного помрачне- 35 ния сразу и солнца, и луны несколько раз встречается в Библии: "Ивдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего" (Мат. 24:29. См. также: Ис. 13:10; 24:23; Иез. 32:7-8; Иоил. 3:31; Мар. 13:24; Деян. 2:20; Откр. 6:12).

С очень большой долей вероятия можно утверждать, что предложение" Дружину твою, княже, птиць крилы приоде, а звери кровь полизаша" также является библеизмом. Угроза отдать трупы врагов на съедение птицам небесным и зверям земным является устойчивым, традиционным выражением в библейских текстах. Это выражение с небольшими вариациями встречается более десяти раз в пяти книгах Библии (1 Lap. 17:44, 46; Иер. 7:33; 15:3; 16:4; 19:7; 34:20; Иез. 29:5; 32:4; 33:27; 34:28; 39:4; 39:17; Псал. 78:2; Откр. 19:17-21).

Кстати, следующая после фразы о зверях и птицах фраза из "Слова" также имеет сходство с библейским текстом, хотя и более от даленное:

Слово о полку Игореве

Не бысть ту брата -Брячислава, ни другаго — Всеволода. Един же (Изяслав) изрони жемчюжну душу. 1-ое соборное послание св. ап. Иоанна Богослова

Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев. (3:16)

Отметим и такое текстуальное совпадение Библии и "Слова":

Луци у нихъ напряжени, сабли изъострени. Стрелы его заострены, и все луки его натянуты (Ис. 5:28).

Христианская идейность "Слова" не только открыто декларируется автором, но и прослеживается в действиях и словах героев поэмы, в описаниях отдельных событий и изложении всей фабулы "Слова", в символике и терминах, испоъзованных поэтом. Все эти элементы составляют III группу христианских мотивов, создавая в "Слове" общий религиозный фон. Христианская вера вполне отчетливо выражается автором и персонажами "Слова" уже в начале поэмы, в описании затмения солнца и отношения к этому явлению Игоря и его воинов. Невозможно согласиться с мнением А.А. Косорукова, что "Игорь смотрит на Светлое Солнце как на бога. Он понимает его чу десный "язык" Света и Тьмы и не сомневается в эловещем смысле Тени, прикрывшей войско" (13, 37). Если бы отношение Игоря к солнцу было такое простое, если бы он поязычески воспринимал его как божество (тем более — верховное) и признавал его волю, он попросту отказался бы от намеченного им похода. Это, кстати, признает и сам А.А. Косоруков. Отказ Игоря подчиняться солнцу он, противореча своим же утверждениям, объясняет неверием Игоря и других князей в могущество старых богов, общим кризисом и ослаблением язычества (13, 38-39).

Однако отношение Игоря к солнцу и солнечному затмению более сложное. Оно именно христианское. В Древней Руси солнечные и лунные затмения и другие необычные явления природы, как правило, считались предвестьем беды (31, 118-120). Такое толкование в целом соответствовало христианским представлениям и подтверждалось религиозной литературой. Например, в Библии имеется описание схожей ситуации, ког да Господь насылает на Египет тьму (затмение), предупреждая фараона о грядущих несчастьях. Однако фараон, как и Игорь, игнорирует это и другие знамения природного характера (Исх. 10:21-23). В евангелиях от Матфея и Луки говорится об ужасных знамениях, предвещающих второе пришествие Христа: "Будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления и великие знамения с неба. Ибудут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится; люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий" (Лук. 21:11, 25-26; Мат. 24:29). Но в то же время христианская церковь отнюдь не воспринимала подобные природные знамения и предсказания на их основе так прямолинейно и однозначно негативно, как это делали язычники. Хотя христиане признавали, что Божья воля может быть выражена в таких знамениях, однако с большой осторожностью относились к попыткам истолкования этой воли и конкретным пророчествам. Далеко не каждый мог это делать и имел на это право. Неслучайно в евангелиях имеются предостережения против лжепророков и языческого отноше-

ния к различным знамениям: "Восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных" (Мат. 24:24). Есть и более категоричное высказывание Христа на этот счет: "Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему" (Мат. 16:4).

Поведение и речь Игоря в эпизоде с затмением солнца нельзя объяснить только его упрямством и неразумностью, как это делает А.А. Косоруков (13, 38-39), или, напротив, рационализмом Игоря, определенным уровнем знаний, как полагает И.И. Шкляревский (35, 46-48). В данном эпизоде Игорь поступает как христианин. Он понимает, что затмение выражает волю Бога, вероятно, даже суровую по отношению к нему и его дружине. Но он знает и то, что никто не может постичь эту волю до конца, никто не может точно истолковать это знамение, поскольку это — тайна Бога, а пути Господни неисповедимы. Раз Бог предопределил его судьбу, значит, это предопределение должно исполниться, несмотря ни на что. Чему быть, того не миновать. Таким образом, Игорь поступает не вопреки воле языческого божества, а послушно воле христианского Бога. Игорь готов принять эту волю, какой бы она ни была: "Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону". Именно такое объяснение поведения Игоря во время затмения подтверж дается и Ипатьевской летописью, в которой приводятся его слова: "Тайны божия никто же не весть! А знамению творець бог и всему миру своему. А нам что створить бог или на добро, или на наше зло — то же нам видити!" (26, 68). Сам же автор "Слова", ретроспективно описывая события мая 1185 г. и зная их трагический исход, оценивает это затмение солнца уже как вполне очевидное знамение, сулившее Игорю несчастье, но непонятое им: "Жалость ему знамение заступи". Такой взгляд, как уже было сказано, не противоречил христианским представлениям, и потому нет никаких причин считать поэта язычником-солнцепоклонником, как предлагает А.А. Косоруков (13, 38-39). Более того, возможно, здесь мы имеем проявление христианского провиденциализма в мировоззрении автора "Слова".

Проблема религиозной оценки эпизода с затмением солнца тесно связана с общей символикой "Слова", в которой важнейшую роль играет противопоставление света и тьмы. Этот символический образ автор "Слова" использует также при описаниях похода ("солнце ему тъмою путь заступаше"), битвы ("чърные тучя хотять прикрыти 4 солнца", "два солнца померкоста, оба багряная стлъпа погасоста, тъмою ся поволокоста") и последствий поражения ("на реце Каяле тьма светь покрыла", "нь уже, княже Игорю, утръпе солнцю светъ"). Но именно такое противопоставление света и тьмы является важнейшим христианским символом, означающим противопоставление веры и неверия, христианства и язычества, праведности и греховности. Приведение конкретных цитат и даже простое перечисление ссылок на источники заняли бы слишком много места, так как этот символ является, пожалуй, самым распространенным в евангелиях и основных новозаветных канонических произведениях, в чем может убедиться любой желающий. Это в особенности относится к Евангелию от Иоанна. в котором Христос и христианство несколько раз прямо ассоциируется со светом, а символическое противопоставление света и тьмы служит лейтмотивом всего Евангелия (Иоан. 1:4-9; 3:19-21; 9:5; 12:36, 46). Для автора "Слова", как и для любого образованного человека средневековья, этот символ был не только поэтическим образом, но и приобретал религиозный смысл.

Характеризуя сюжет "Слова", Д.С. Лихачев использовал философский термин Аристотеля "катарсис". Именно катарсис, как трагическое нравственное очищение, полагал Д.С. Лихачев, лежит в основе всего сюжета поэмы (18, 265-269). Здесь надо сказать, что в данном случае термин использован не совсем правильно. Хотя Аристотель не раскрыл подробно, что он подразумевал под катарсисом, но, по всей видимости, катарсис в его понимании означал воздействие трагедии на зрителей. Причем зритель должен испытывать сострадание к герою и даже страх за него в те моменты, когда этот герой проходит через незаслуженные страдания, когда в его судьбе происходит перелом от счастья к несчастью по независящим от него обстоятельствам. Таким образом, по Аристотелю, катарсис — это трагическое очищение не самого героятрагедии, а ее зрителей. Души зрителей очищаются сочувствием и страданием за безвинного героя (34, 364).

Однако в "Слове" мы имеем совсем иную ситуацию и по отношению автора к Игорю, и по воздействию поэмы на читателя. Как показал Б.А. Рыбаков, отношение автора "Слова" к Игорю было очень сложным, если не сказать недоброжелательным (26, 37 148-154). А впечатление, производимое поэмой на читателя, при всем ее потрясающем трагизме, необычайно светлое. Все произведение пронизано любовью автора к Русской земле и незыблемой верой в ее духовные силы. Поэтому было бы правильнее сказать, что основу всей фабулы "Слова" составляет не катарсис в аристотелевском этическом понимании, а преображение, т.е. просветление в христианском духе. Кстати, по мнению литературоведов, именно на таком чудесном просветленном преображении основаны сюжеты и изменения в характерах героев многих классических произведений русской литературы XIX-XX вв. (20, 187 прим. 6). Можно сказать, что "Слово" о полку Игореве стало истоком этой характерной особенности великой русской литературы. Как бы тьма ни заступала путь, сколько бы она ни прикрывала солнце и свет, сколько бы тоска и печаль ни разливались на Русской земле, но в конце концов, несмотря ни на что, "солнце светится на небесе", "страни ради, гради весели". "Свет во тьме светит, итьма не объяла его" (Иоан. 1:5). По моему убеждению, исторический оптимизм автора "Слова" напрямую связан с его религиозностью, и это отразилось в идейно-образной структуре, композиции и сюжете поэмы.

Христианская и дей ность "Слова" выражена, на мой взгляд, и в эпитете "поганые", который постоянно используется автором по отношению к половцам. В научной литературе по поводу этого термина имела место небольшая полемика сторонников антихристианского и прохристианского интерпретирования "Слова". Против общепринятой в науке трактовки термина "поганые" как "язычники" (от лат. paganus) активно выступил специалист по истории философской мысли в Древней Руси А.Ф. Замалеев (9, 135). Но при этом он не выдвинул никаких аргументов против такого толкования и не предложил никакого другого значения этого слова. И это вполне естественно. Ведь во всех произведениях древнерусской литературы слово "поганый" всегда означает "язычник" и ничего более. Та настойчивость, с которой автор "Слова" называет половцев "погаными" (13 раз), означает, что этот эпитет неслучаен и имеет именно религиозное, а не просто эмоционально-осуждающее значение. Для автора "Слова" половцы не только враги Русской земли, но и язычники, враги христианской веры, которую хранит и защищает русский народ.

Религиозный смысл противоборства русских и половцев, как христиан и язычников, подчеркивается автором "Слова" упоминанием Тмутараканского идола и тем, что в одном месте половцы даже названы "дети бесови". За два века изучения "Слова" исследователи выдвинули немало гипотез о значении словосочетания "тьмутороканьский блъванъ". Предполагалось, что "болваном" автор "Слова" мог назвать статую или маяк со статуей эллинистической эпохи, пограничный столб, крепостную башню, какую-то конкретную личность (например — Кончака) и даже Керченский пролив (24, 172-173, 186-188). Но в настоящее время большинство исследователей признают единственно верным традиционное, основное толкование древнего общеславянского слова "блъванъ" как "идол", "истукан", "статуя" (7, 198; 16, 168). Многочисленные каменные идолы, повсеместно устанавливаемые половцами, были для них главными объектами религиозного поклонения. Рядом с такими идолами сооружались капища, совершались жертвоприношения, возможно, человеческие и даже детские (22, 139-140). Очевидно, в Тмутаракани находился идол какого-то особо почитаемого половецкого божества. В.Ф. Ржига обращал внимание на то, с какой ненавистью и гневом обращается автор "Слова" к тмутараканскому "болвану", словно к своему заклятому врагу (24, 188). Несомненно, что в основе такого отношения к языческому идолу находится не только непримиримость поэта к врагам родной земли, но и его религиозные убеждения. Все это еще раз убеждает нас в закономерности завершающей фразы "Слова", которая впосит глубокий христианский смысл в идейное содержание поэмы: "Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганые плъки!"

Подводя итоги настоящей работы и обобщая все вышеизложенные наблюдения, я хотел бы сделать еще несколько уточняющих замечаний. Как и все читатели и исследователи, я охотно признаю, что "Слово о полку Игореве" – произведение в целом отнюдь не религиозное, светское и по жанру, и по стилистике, и по своему основному содержанию. Но тем примечательнее, что в светском произведении сравнительно небольшого объема имеется такое большое количество разнообразных по своим функциям и значению деталей религиозного характера. И это при том, что автор вовсе не стремится специально выразить свои религиозные пристрастия. Однако как будто независимо от воли самого поэта его христианские взгляды постоянно проявляются в 38 художественных образах, в словах и действиях героев "Слова", в некоторых авторских высказываниях и в самом сюжете поэмы.

Я вполне допускаю, что некоторые из отмеченных мной параллелей между "Словом" и библейскими текстами не являются результатом прямого целенаправленного заимствования, а представляют собой случайные совпадения или обусловлены схожестью изображаемой ситуации. Но даже и в этом с'лучае подобные совпадения только подтверждают, что автор "Слова" мыслит в русле христианского мировоззрения, а его творчество пронизано христианским духом.

Этот вывод заставляет внести некоторые коррективы в наши представления о личности автора "Слова", по крайней мере, относительно его религиозных взглядом. Прежде всего следует отвергнуть преобладающее до сих пор в науке мнение, что автор "Слова" был человеком далеким от христианской церкви или даже враждебным по отношению к ней. Представляется вполне очевидным, что поэт, сочинивший "Слово о полку Игореве", как и абсолютное большинство людей его эпохи, был глубоко верующим человеком. Проявления его христианской религиозности в поэме не были формальным, показным выражением своей лояльности главенствующей в обществе и деологии. Все христианские мотивы "Слова" - это выражение искренней, глубокой душевной устремленности автора.

Кроме того, по всей видимости, христианство было не только основой философских, исторических и эстетических воззрений автора "Слова", но и в какой-то мере влияло на его политические взгляды. При всех разногласиях исследователей по поводу жанровой природы "Слова" невозможно отрицать наличие в нем определенных политических аспектов (26, 144-146). Б.А. Рыбаков вслед за И.П. Ереминым считает, что по своему жанру "Слово" скорее является памятником политического красноречия (26, 143). Следовательно, автор, используя религиозную риторику, преследовал определенные политические цели. Вероятней всего, в христианстве он видел один из главных факторов, способствовавших возрож дению и сохранению военно-политического единства и государственной стабильности Руси. Патриотизм, защита Родины от врагов, прекращение внутренних усобиц в сознании автора "Слова" были неот делимы от христианской религии. С такой точки зрения можно рассматривать и обращение "братие", адресованное автором "Слова" своим слушателям. Если согласиться с Б.А. Рыбаковым, что "Слово" было прочитано поэтом на княжеском съезде, то такое обращение следует расценивать как христианское обращение к братьям по вере, а не как выражение феодального равенства, поскольку к конкретным князьям автор в своем "Слове" обращался со словами "княже", "господине", "господина" (множ. чис. зватель. пад.) или по именам. Обращаясь ко всем князьям со словом "братие", автор тем самым пытался апеллировать к их религиозным чувствам. В любом случае обращение "братие" соответствует традициям апостольских посланий и практике православной церкви.

Мои утверждения о глубокой христианской религиозности автора "Слова" могут показаться неожиданнымитолько на первый взгляд. На самом деле этот вывод вполне закономерен, его можно было предсказать а priori, даже не прибегая к текстологическому анализу поэмы. Ведь никто из исследователей не сомневается в том, что автор "Слова" был высокообразованным человеком своего времени. Но хорошо известно и то, что распространение образованности в Древней Руси было прямо связано с деятельностью христианской церкви. Самыми просвещенными и грамотными людьми были представители духовного сословия. Пушкин, говоря о благотворном влиянии духовенства в Древней Руси, писал: "Мы обязаны монахам нашей историею, следственно и просвещением" (23, VII, 164). Большая часть создаваемой в X-XII вв. оригинальной и переводной литературы имела религиозный характер и предназначалась для церковных нужд. Можно сказать, что вообще русская литература зародилась именно как литература религиозная. То же самое мы можем сказать и о таких видах искусства, как живопись и архитектура. Как заметил крупнейший русский историк XIX в. С.М. Соловьев, говоря о тесной связи просвещения с религией на Руси в XI-XII вв., "кто больше читал, тот, значило, был больше утвержден в вере; отсюда религиозное направление, столь могущественное, необходимо влекло за собою стремление к распространению грамотности, приобретению книг" (31, 72). Самые образованные, начитанные, владевшие иностранными языками русские князья XI-XII вв., такие, как Святослав и Всеволод Ярославичи, Владимир Мономах, Святослав Давыдович, Роман Ростиславич Смоленский, Ярослав Владимирович Галицкий (Осмомысл), Константин Всеволо дович и другие, были очень религиозными людьми и хорошо знали Библию и 39 другую христианскую литературу (31, 72-73).

Поэтому нас не должно у дивлять, что и автор "Слова", будучи широко образованным, эрудированным человеком, обладавший обширными сведениями по русской и европейской истории, прекрасно разбиравшийся во всех сложностях внутренней и международной политики, знавший устную народную поэзию, также был глубоко и искренне верующим христианином.

Более того, этот вывод, как мне кажется, вполне соотносится с самой аргументированной, основанной на реальных фактах и весьма убедительной гипотезой о личности автора "Слова". Я имею в виду гипотезу, выдвинутую и всесторонне исторически
обоснованную в ряде работ Б.А. Рыбаковым и по ддержанную некоторыми известными специалистами по истории и древнерусской литературе, - гипотезу, отождествляющую автора "Слова" с видным государственным деятелем XII в., дипломатом, тысяцким (главой боярства) Киева, великокняжеским летописцем Петром Бориславичем. И хотя сам Б.А. Рыбаков в одной из последних своих работ, книге "Петр Бориславич: Поиск автора "Слова о полку Игореве", посвященной историческому осмыслению "Слова" и личности его автора, представляет его как человека нерелигиозного,
далекого от христианской церкви, но некоторые факты, приведенные ученым, все же
говорят об обратном.

Например, Б.А. Рыбаков обращает внимание на сведения из утраченной летописи, которой пользовался историк XVIII в. В.Н. Татищев. Там приводятся слова Петра Бориславича об Игоре Ольговиче, дяде князя Игоря Святославича: "Сей Игорь Ольгович был муж храбрый и великий охотник в ловле зверей и птиц. читатель книг и в пении церковном учен. Часто мне с ним случалось в церкви петь, ког да был он во Владимире (Волынском)" (26, 174). Ясно, что частые церковные песнопения Петр Бориславич, не являвшийся духовным лицом, совершал не по необходимости или принуждению, а по собственной душевной потребности. Несомненно также и то, что Петр Бориславич, часто и охотно певший в церковном хоре, хорошо знал молитвы, псалмы и другие священные тексты, необходимые для богослужебных обрядов. Это, в свою очередь, может быть, объясняет, почему в "Слове" имеется большое количество библейских образов, смысловых и содержательных параллелей и иных мотивов. Петр Бориславич, сочиняя "Слово", мог использовать некоторые запомнившиеся ему библейские тексты, если можно так выразиться, автоматически, не стремясь к точному, дословному цитированию. Не исключено также, что Петр Бориславич мог читать Библию на иностранных языках, скорее всего, по-гречески, поскольку в XII в. Библия еще не была переведена на русский язык целиком.

Особо выделяет Б.А. Рыбаков рассказ из Ипатьевской летописи о посольстве Петра Бориславича в Галич в феврале-марте 1153 г. с труднейшей миссией: убедить вероломного галицкого князя Владимира выполнять условия договора, подписанного им с великим киевским князем Изяславом и венгерским королем Гейзой II и подкрепленного клятвой с целованием креста. Именно этот рассказ послужил основой для гипотезы об авторстве Петра Бориславича значительной части Киевского летописного свода 1198 г.

Находясь в резиденции враждебного князя, сильно рискуя, Петр Бориславич смело обвинил Владимира Галицкого в клятвопреступлении. Особый упор боярин Петр сделал на том, что князь нарушил крестоцелование. Между ними даже прошла религиозная дискуссия. На ехидный вопрос Владимира "Не этот ли маленький крестик?" Петр Бориславич ответил проникновенными словами: "О, князь! Хотя крест и невелик, но сила его велика, как на небесах, так и на земле; так как бог по своей воле простер на нем свои руки" (Перевод Б.А. Рыбакова). Петр даже предрек князю Владимиру скорую смерть: "Если же нарушишь крестоцелование, то жив не будешь". Но разгневанный князь, не желая более разговаривать с киевским посланником, повелел ему немедленно уезжать. Однако далеко уехать Петр Бориславич не успел. Утром его догнал дружинник из Галича с приказом от князя возвращаться назад. В недоумении, готовый к любым неприятностям, Петр Бориславич вернулся в Галич и узнал, что галицкий князь Владимир ночью скоропостижно скончался. Грозное пророчество Петра Бориславича сбылось. Новый галицкий князь Ярослав Владимирович (знаменитый Ярослав Осмомысл "Слова"), потрясенный случившимся, в отличие от отца оказал киевскому послу подобающие почет и уважение и обязался выполнить условия договора, подписанного и нарушенного своим отцом (26, 163-165).

Бориславича автобиографичен, а впоследствии Б.А. Рыбаков по различным признакам выявил остальные части летописи, написанные именно Петром Бориславичем. По словам Б.А. Рыбакова, "этот интересный и живой рассказ послужил ключом, открывшим нам красочный (хотя подчас и субъективный) мир летописания киевского боярина" (26, 165). Но, как мне кажется, этот действительно замечательный рассказ открывает еще один мир — духовный мир Петра Бориславича, историка, писателя и самого вероятного автора "Слова". Очень странно, что после этого рассказа такой выдающийся ученый, проницательный исследователь и мудрейший человек, как Б.А. Рыбаков, может отрицать религиозность Петра Бориславича. Неужели в его словах о святом кресте он видит только дипломатический ход, способ оказать давление на политического противника? Я воспринимаю этот рассказ как собственное признание Петра Бориславича в незыблемости своей православной веры, впечатляющее свидетельство его готовности отстаивать не только интересы своего князя, но и правоту своей веры, рисковать ради нее. В этом рассказе ПетраБориславича о себе и своих переговорах с князем Владимиром есть и христианская вера в силу святого креста, и уверенность в неотвратимости Божьей кары над грешником (вспомним неминуемый Божий суд в "Слове") и справедливой награды праведнику.

Относительная слабость религиозных мотивов в летописях Петра Бориславича, отмеченная Б.А. Рыбаковым в сравнении с летописями, написанными монахами (26, 274), не должна вво дить нас в заблуждение. Ведь Петр Бориславич все-таки был светским лицом, отсюда и отличия его летописной манеры, литературных особенностей, социальных и политических интересов.

В общем, все отмеченные выше христианские аспекты "Слова о полку Игореве" и установленная религиозность его автора могут рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу гипотезы Б.А. Рыбакова, отождествляющей автора "Слова" с летописцем Петром Бориславичем. В любом случае религиозность автора "Слова" - это еще один важный штрих его личности, заставляющий по-новому взглятуть на него и оценить его творение. И исследователям еще предстоит внимательным образом осмыслить эту черту его личности и сделать выводы, позволяющие полнее и лучше понять его бессмертную поэму.

^{&#}x27; Здесь и далее в скобках даются ссылки на использованную литературу, список которой в алфавитном порядке приводится в конце работы. Первая цифра означает порядковый номер этого списка, остальные цифры — страницы источника.

² По техническим причинам все текстына древнерусском языке приводятся по упрощенной транскрипции.

троян в "слове о полку игореве" и народных ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ древней руси

Среди многих нерешенных вопросов, связанных с изучением и осмыслением "Слова о полку Игореве" и разгадкой его "темных" мест, толкование образа Трояна и правильное понимание смысла тех фраз, в которых он фигурирует, являются, пожалуй, одной из самых сложных и дискуссионных проблем.

Этот загадочный персонаж "Слова" вызвал к жизни большое количество разнообразных гипотез и до сих пор остается объектом неутихающих споров среди исследователей поэмы. Не претендуя на исчерпывающее рассмотрение всех этих гипотез и окончательное решение проблемы Трояна (если оно вообще возможно), я бы хотел в общих чертах наметить один из возможных вариантов такого решения, которое хотя бы в какой-то мере сблизило бы различные гипотезы и устранило бы противоречия между ними.

Как известно, в научной литературе о "Слове" существуют две основные гипоте-

зы, различным образом трактующие образ Трояна:

1. Религиозная гипотеза. Сторонники этой гипотезы (их большинство) считают Трояна языческим богом. Но при этом остается неизвестным, был ли Троян только восточнославянским (русским) божеством или же его культ имел общеславянское значение. Исследователи также не могут прийти к единому мнению о месте и функциях бога Трояна в языческом пантеоне. Кроме того, версия "Троян-бог" не находит подтверждения в других исторических источниках.

2. Историческая гипотеза. Ее суть заключается в том, что под Трояном в "Слове" подразумевается реальное историческое лицо, а именно знаменитый римский император и полководец Марк Ульпий Траян (98-117 гг.). Этого взгляда придерживались такие ученые, как Н.М. Карамзин, Н.С. Державин, А.С. Орлов, М.Н. Тихомиров. В последние десятилетия гипотеза "Троян в "Слове" - император Траян" получила свое

дальнейшее развитие и обоснование в работах академика Б.А. Рыбакова.

Высказывались также мнения, что Трояном автор "Слова" мог назвать одного из русских князей, имевшего трех сыновей (Святослав I или Олег "Гориславич"). Еще одна точка зрения, высказанная историком XIX в. Н.С. Тихонравовым и поддержанная литературоведом А.К. Юговым, заключается в том, что Троян появился в "Слове" в результате искажения имени Бояна древним переписчиком или неправильного прочтения этого имени первыми издателями "Слова" (30, 127-128, 182-184, 217-225). Однако обе эти версии не получили поддержки других исследователей.

Две основные гипотезы, как религиозная, так и историческая, имеют свои слабости и изъяны. Приверженцы интерпретации Трояна как языческого бога чаще всего ссылаются на очень распространенный в Древней Руси апокриф "Хождение Богородицы по мукам", где Троян упомянут в одном ряду с языческими богами Хорсом, Велесом и Перуном. Это упоминание, конечно, заслуживает внимательного отношения, но все же является довольно шатким основанием для построения убедительной гипотезы. Такие авторитетные специалисты по древнерусской литературе, называвшие Трояна языческим богом, как А.Н. Робинсон и Л.А. Дмитриев, предпочитали это делать с некоторыми оговорками ("видимо", "вероятнее всего"), не уточняя, ограничивалось ли признание Трояна русскими землями или же распространялось и на другие славянские народы (7, 195-196; 25, 329).

мик Д.С. Лихачев. Исходя из контекста "Слова", Д.С. Лихачев неоднократно выражал уверенность, что Троян — это именно русский языческий бог, однако и он не определил сферу влияния, функции и характер этого божества (16, 167, 171, 173, 182; 18, 101-104). Попытку дать более точную характеристику Трояну как языческому богу предпринял писатель и литературовед А.А. Косоруков в своей книге "Гений без имени". Следует заметить, что и общая оценка, даваемая А.А. Косоруковым "Слову", и его точка зрения по различным проблемам поэмы отличаются большим своеобразием. Причем своеобразие мнений исследователя зачастую таково, что он с легкостью вычеркивает из "Слова" отдельные фразы и даже целые фрагменты, считая их позднейшими подделками, если они не укладываются в избранную им концепцию. К тому же вся книга А.А. Косорукова чрезвычайно усложнена громоздкими логическими построениями и философскими изысками, которые он искусственно создает едва ли не на каждой строке "Слова". При чтении этой книги возникает впечатление, что автор "Слова" был не столько озабочен реальной угрозой нашествия половцев и межкняжеских усобиц, сколько стремился как можно сложнее зашифровать свои философские воззрения и языческие верования, разглядеть которые оказалось под силу только А.А. Косорукову. Я не хочу сказать, что книга этого автора неинтересна или бесполезна. По крайней мере, меня она заставила задуматься если не над проблемами "Слова", то, во всяком случае, над проблемами литературоведения в целом. В конце концов, я вполне признаю, что каждый исследователь имеет право на высказывание своей точки зрения. Но при этом следует помнить, что неизбежная в любом литературном исследовании доля субъективизма не должна превышать определенных пределов. Иначе исследователь — хочет он этого или нет — идеи произведения, которые он берется высветить перед читателем, подменяет своими собственными фантазиями и пристрастиями, что мы и видим в случае с книгой А.А. Косорукова, включая и его трактовку образа Трояна.

Без малейших сомнений, всег да присутствующих при рассмотрении сложных вопросов, А.А. Косоруков объявляет Трояна в "Слове" древнерусским языческим богом — покровителем военного дела (13, 29, 45-50, 267, 270). Я не бу ду разбирать все его сложные и противоречивые выкладки, с помощью которых он пытается доказать свое утверждение. Опровергать все это даже как-то неловко, поскольку абсолютно каждый, кто хоть немного интересовался историей Древней Руси, наверняка знает, что древнерусским языческим богом войны был Перун, естественно совмещавший с военными функциями покровительство княжеской власти и функцию божества грозы. Общеизвестно, что первые русские князья — язычники Олег, Игорь и Святослав и их воины, заключая мирные договоры с Византией после войн с этой империей, клялись, прежде всего, именем Перуна, а также своим оружием и богом скота Велеса, который олицетворял еще и богатство. В 944 г. принятие такой клятвы Игорем и его дружиной сопровождалось особой церемонией на священном холме перед статуей Перуна, к подножию которого были возложены оружие, щиты и золото. Именно Перуна Владимир I в начале своего правления провозгласил главным божеством всего русского языческого пантеона, стремясь утвердить культ этого военного бога, покровителя князей и дружинников, в широких массах, которые предпочитали других богов. Существование какого-либо другого божества войны никакими источниками не подтверждается, поскольку такого бога попросту не было. Повторюсь: все это известно любому дилетанту, кроме А.А. Косорукова, или проигнорировано им. Таким образом, его книга "Гений без имени" не только не решает проблему Трояна в "Слове", но скорее вносит еще большую путаницу в этот и без того очень сложный вопрос.

Еще одна весьма слабая попытка определить функции Трояна как божества имеется в небольшой брошюре о "Слове", написанной поэтом и писателем И.И. Шкляревским. Он пишет: "Троян, как я подозреваю, - бог расстояний" (35, 25). Не зная, на чем основано данное подозрение автора, нам остается лишь согласиться, что это всего лишь подозрение и не более того.

Итак, как мы могли убедиться, гипотеза, представляющая Трояна как языческое божество, несмотря на большое количество своих сторонников, в целом выглядит несколько неопределенно и не решает всех вопросов, связанных с толкованием этого персонажа из "Слова". По сути, эта гипотеза остается недоказанной.

Гораздо более взвешенной, хорошо учитывающей контекст "Слова" и объясняющей его смысл, представляется историческая гипотеза о Трояне, достигая высокой степени убедительности в работах Б.А. Рыбакова. Как уже было сказано, суть этой 43 гипотезы заключается в том, что автор "Слова" Трояном называет римского императора Марка Ульпия Траяна из династии Антонинов. В годы правления этого императора (98-117 гг.) происходит столкновение формирующихся славянских народов с Римской империей и их последующее взаимодействие. С этого же времени, по мнению Б.А. Рыбакова, начинают отсчет "вечи Трояни", продолжавшиеся до нашествия гуннов в IV в. и сохранившиеся в народной памяти как три счастливых столетия, когда неуклонно возрастает военное могущество восточных славян, происходит интенсивное социально-экономическое развитие восточно-славянских территорий, благодаря помимо прочего активной взаимовыгодной торговле с Римом. Отсюда же и фраза "Слова" о Всеславе Полоцком, бросившем свой жребий "на седьмомъ веце Трояни", т.е. через семь столетий после "трояновых веков": IV в. (окончание "веков Трояна") + 700 лет = XI в. — время борьбы Всеслава против сыновей Ярослава Мудрого (26, 38, 47).

В отличие от Д.С. Лихачева, считавшего "землю Трояню" Русью (16, 173), Б.А. Рыбаков полагает, что "землей Трояна" автор "Слова" называет, "низовья Дуная, где императором Траяном после завоевания Дакии в начале II века нашей эры были построены три огромных оборонительных вала по обемм сторонам дельты Дуная, вплоть до XIX века сохранявшие имя Траяна" (26, 17). И наконец, еще одна фраза "Слова" о Трояне — "рища въ тропу Трояню". Ранее Б.А. Рыбаков считал, что "тропа Трояна" - это горная тропа через Балканский хребет, проложенная или использованная императором Траяном (Via Тгајапі). Но впоследствии он изменил свое мнение, придя к выводу, что под "тропой Трояна" в "Слове" подразумевается огромный монумент, построенный Марком Ульпием Траяном южнее устья Дуная (территория современной Румынии) в честь победы Рима над Дакией. Этот монумент (Tropheum Trajani) находился на пути, по которому в V-VI вв. и позже славяне совершали походы на Византию.

Но и версия Б.А. Рыбакова, отождествляющая Трояна "Слова" с императором Траяном, несмотря на то, что она очень удачно поясняет контекст поэмы, все-таки имеет одно слабое место. Это как раз тот случай, когда в точных, объективных выводах не учтены некоторые субъективные моменты. Кажется, никто не сомневается в высокой образованности и эрудиции автора "Слова". Он наверняка хорошо знал не только русскую историю, но и европейскую, в том числе историю Рима и Траяна, одного из самых известных и популярных императоров. Но здесь возникает вопрос: как воспринималось имя Трояна большинством слушателей и читателей "Слова"? Видели ли они в нем именно римского императора Траяна, как вполне мог иметь в виду автор "Слова", или же их восприятие было все-таки несколько иным? Сам Б.А. Рыбаков считает, что "автор обращался к высокообразованной ау дитории, знавшей и о Траяне и о готах Германариха, и о нашествии гуннов ("хиновы") в конце IV века" (26, 18). Однако это утверждение выглядит сомнительно. Я вовсе не отрицаю, что в Древней Руси того времени было немало достаточно образованных и начитанных людей, которые знали и о Траяне, и о готах с гуннами. Но даже если большинство слушателей и читателей "Слова" понимали смысл "трояновских" фраз именно так, как подразумевал автор поэмы и как их объяснил Б.А. Рыбаков, вряд ли все эти читатели и слушатели (пусть даже грамотные) знали с полной достоверностью, кем был реальный Траян. Ведь даже в наше время с обязательным образованием далеко не каждый сможет точно ответить на этот вопрос.

По всей вероятности, у русичей XII в. существовало какое-то свое определенное, устоявшееся представление о Трояне, и автор "Слова", конечно, знал об этом, раз он использовал этот персонаж и даже отводил ему важное место в своей поэме. Он сознательно использовал образ Трояна в расчете именно на это представление, в расчете вызвать определенные ассоциации у большинства слушателей (читателей), хотя бы и отличающиеся от представлений самогоавтора. Даже если все современники автора "Слова" понимали, что "века Трояна" - это период расцвета восточного-славянства почти тысячелетней давности (II-IV вв.), а "земля Трояна" - это северо-западное Причерноморье, все-таки остается невыясненным, кем же был сам Троян в массовом сознании русского народа в XII в. Таким образом, историческая гипотеза, разработанная Б.А. Рыбаковым, хотя и верно ведет происхож дение Трояна "Слова" - от императора Траяна и хорошо объясняет смысл всех "трояновских" фраз, не отвечает на главный вопрос: как представлялся Троян для абсолютного большинства рядовых руси-44 чей XII в., а не только тем, кто обладал обширными историческими знаниями, подоб-

но самому автору "Слова"? Ведь сам автор предназначал свое творение, скорее всего, не только грамотным князьям и другой просвещенной публике, но и широким народным массам, и долженбыл учитывать, как его произведение бу дет восприниматься простыми людьми.

Прежде чем приступить к выяснению, кем был Троян для русских в XII в. и какие функции этот образ выполняет в "Слове", я хочу сделать одно предварительное замечание. В целом я разделяю мнение Б.А. Рыбакова, что многочисленные логические разрывы в тексте, хронологическая непоследовательность, некоторая спутанность эпизодов "Слова", часто объясняемые поэтической вольностью или целенаправленным замыслом автора, на самом деле являются результатом ошибок переписчика или переплетчика XIV-XV вв., спутавшего страницы и отдельные строки "Слова". Восстанавливая первоначальную композицию поэмы, фрагменты о Всеславе Полоцком и Олеге "Гориславиче" Б.А. Рыбаков перемещает в начало "Слова". Это действительно соответствует замыслу автора, который дважды говорит, что хочет начать "трудных повестий о пълку Игореве" "старыми словесы" (т.е. рассказом о старинных событиях), "отъ Стараго Владимера до нынешняго Игоря". Правда, Б.А. Рыбаков перед этим историческим разделом "Слова" почему-то помещает заключительное авторское обращение ко всем внукам Ярослава и Всеслава с призывом прекратить усобицы и организовать совместное сопротивление половецкому натиску. Это перемещение мне представляется ошибочным. И композиционно, и всем своим содержанием призыв автора к потомкам Ярослава и Всеслава неразрывно связан с такими же поочередными обращениями автора к отдельным князьям: Всеволоду Владимиро-Суздальскому, Рюрику и Давы ду Ростиславичам, Ярославу Галицкому Осмомыслу, Роману Мстиславичу и другим волынским князьям. Такое обобщенное воззвание автора сразу ко всем влиятельным русским князьям является очень логичным и убедительным завершением всех этих поименных, отдельных обращений. Этот злободневный, животрепещущий призыв к современным представителям двух княжеских династий никак не может быть отнесен к "старым словесам", т.е. к исторической части "Слова", которая по замыслу автора должна была предварять рассказ о походе Игоря. Этот фрагмент "Слова" с обращением "Ярославли и все внуце Всеславли!" по всем признакам несомненно занимает свое правильное место в поэме, и в данном случае нет никаких оснований изменять традиционную композицию "Слова". Зато этого нельзя сказать о другом эпизоде "Слова". Я имею в виду фрагмент, в котором говорится о борьбе против литовцев полоцких князей братьев Васильковичей и гибели одного из них - князя Изяслава. Каким-то образом этот фрагмент вклинился между обращениями автора "Слова" к русским князьям с призывами загородить Полю ворота, встать за землю Русскую, остановить насилие от земли половецкой. Фрагмент об Изяславе Полоцком имеет повествовательную форму, не содержит никаких призывов и обращений. Половцы в нем даже не упоминаются. Вот почему в сравнении с предыдущим и последующим фрагментами он выглядит совершенно обособленно. В отличие от соседних эпизодов с их жгучей современностью данный фрагмент имеет историческое содержание, он повествует об исторических событиях, произошедших до 1185 г. Этот отрывок из "Слова" (от строки "Уже бо Сула не течеть сребреными струями" до строки "трубы трубять городеньскии"), скорее всего, также должен быть перенесен в начало поэмы, в ее историческую экспозицию, предваряющую развертывание фабульного действия. Судя по содержанию, фрагмент об Изяславе Полоцком должен следовать непосредственно за рассказом о Всеславе — основателе династии полоцких князей. Таким образом, на мой взгляд, весь исторический раздел "Слова" первоначально состоял из четырех частей:

- 1. Рассказ о Владимире Мономахе ("Отъ стараго Владимера"). Этот рассказ не сохранился;
 - 2. Рассказ о Всеславе Полоцком;
 - Рассказ об Изяславе Полоцком правнуке Всеслава;
 - Рассказ о крамолах Олега Святославича ("Гориславича") деда князя Игоря.

В общем, прежде чем приступить к рассказам о походе и поражении Игоря, автор "Слова" создает обширную панораму важнейших событий, происходивших в Древней Руси на протяжении XI-XII вв., охватывая огромную территорию от Новгорода на севере и до Тмутаракани на юге.

Все это историческое обозрение, охватывающее почти два столетия, было необ- ходимо автору "Слова", чтобы показать глубокую, неразрывную связь событий про- 45

шлого и современности, объяснить причины и показать страшные последствия поражения Игоря, еще раз подчеркнуть трагическую пагубность княжеских междоусобиц и выразить главнейшую мысль своего произведения — необходимость единства всей Русской земли перед лицом страшного врага.

Это несколько затянувшееся обсуждение проблемы первоначального композиционного построения "Слова" мне понадобилось потому, что именно с образа Трояна автор начинает две исторические ретроспекции, которые иногда не совсем верно называют "лирическими отступлениями".

Свой последний исторический экскурс об Олеге "Гориславиче" автор начинает с упоминания Трояна ("были вечи Трояни"), т.е. с древнейших, незапамятных времен, именно потому, что хочет довести до сознания слушате лей (читателей) вечную актуальность, непреходящее значение идеи русского единства во все века и до современности, включая "лета Ярославля".

Для этого автор заканчивает свой экскурс сопоставлением прошлого и настоящего Руси и упреком Рюрику и в особенности Давыду за их несогласованность в борьбе с врагами: "Нъ розно ся имъ хоботы пашуть, копия поють!" - "Но врозь у них полотнища развеваются, врозь копья поют!" "О, стонати Руской земли!" - горестно восклицает автор1.

Сходным же образом и с той же целью построено другое историческое повествование, посвященное превратной судьбе полоцкого князя Всеслава Брячиславича. И в этом случае автор начинает его с упоминания Трояна ("на седьмомъ веце Трояни") и вновь завершает грустным описанием современности: "Уныли голоси, пониче веселио"².

По этим двум историческим вставкам можно определить, какую роль играет Троян в образной системе "Слова". Для автора Троян и его время являются некоей точкой отсчета, с которой начинается вся русская история. С именем этого персонажа в XII в. связывали воспоминания о "золотом веке" ранней истории восточных славян, противопоставляя это время неурядицам современности.

Кроме того, используя образ Трояна, автор раскрывает вневременную важность некоторых исторических событий, их вечную значимость в судьбе русского народа и государства.

Судя по контексту еще двух эпизодов поэмы, связанных с образом Трояна ("въ тропу Трояню", "на землю Трояню"), автор использовал его, чтобы вызвать у слушателей (читателей) впечатление огромных пространств и далеких расстояний. В общем, образ Трояна для русских людей XII в., по-видимому, означал временную и пространственную масштабность чего быто ни было. Во всяком случае, введением в текст "Слова" Трояна автор придает собътиям русской истории международное значение, связывает их с великими событиями прошлых эпох в истории Европы. Очень похоже, что понятие "троянов" ("трояни", " троянь") в Древней Руси было устойчивым синонимом гигантского, титанического, колоссального и т.п.

Для выяснения того, кембыл Троян в сознании широких масс Древней Руси и что он мог означать в "Слове", следует обратить внимание еще на целый ряд моментов. Прежде всего, по количеству упоминаний (4 раза) Троян явно превосходит другие языческие божества и мифологические персонажи: Даждьбога (2 раза), Велеса (1 раз и еще 1 раз подразумевается), Стрибога (1 раз), Хорса (1 раз), Дива (2 раза), Карну и Желю (по 1 разу). Крометого, и потрадиционной композиции, и по композиции, восстановленной Б.А. Рыбаковым, из всех этих персонажей Троян в тексте поэмы появляется первым уже в самом начале. Он словно открывает галерею языческих и мифологических образов "Слова". Это весьма наглядно показывает, что Троян был хорошо известен и даже популярен в Древней Руси. Та уверенность, с которой автор "Слова" активно использует образ Трояна, со всей очевидностью говорит, что слушатели (читатели) поэмы вполне определенно понимали смысловую нагрузку этого образа. Кроме количественного сравнения Трояна с другими мифологическими персонажами "Слова", сле дует также сопоставить контексты, с которыми они связаны. При таком сопоставлении упоминаний Трояна с упоминаниями Даждьбога, Велеса, Стрибога, т.е. трех основных языческих богов, чьи функции и место в системе древних верований нам известны, хорошо заметно, что они отличаются от Трояна. Эти боги выражают прямую родственную связь с теми или иными объектами, персонажами или даже явлениями. Проще говоря, и Даждьбог, и Велес, и Стрибог являются предками 46 ("дедами") связанных с ними объектов. Так, Боян в поэме предстает как внук Велеса, ветры определяются как внуки Стрибога, а внуком Даждьбога, по автору, является весь русский народ. В такой поэтической форме, вероятно, отражены древние языческие представления славян о космогонии и связях богов, природы и людей. В таком случае Троян явно выделяется из этого ряда богов, поскольку ни разу не упомянут в сходном с ними качестве. Правда, еще одно известное нам языческое божество — Хорс также оказывается в поэме ни с кем и ни с чем не связанным по-родственному. Но Хорс назван в "Слове" только один раз, притом в не совсем ясном контексте, так что здесь делать какие-либо обобщения затруднительно. Троян же, как уже говорилось, появляется в "Слове" 4 раза, но ни разу не предстает в таком контексте и в таких связях, в каких автор изображает языческих богов.

Данные наблюдения, как мне кажется, позволяют сделать один вполне определенный вывод. Очевидно, Троян в мифологическом сознании и религиозных представлениях русских XII в. занимал несколько иное положение, чем древние языческие божества. Вероятнее всего, несмотря на свою явную мифологизированность и широкую известность. Троян все-таки не входил в число древнерусских языческих богов.

Итак, судя по "Слову" с максимальным учетом его смысловых, образных, исторических и религиозных аспектов, Троян не был языческим богом, но в то же время представлял собой популярный мифологический персонаж, восходящий по народным представлениям к значительной древности, вероятно, наделенный волшебными признаками и функциями (напр., великанский рост, огромная сила, способность быстро преодолевать большие расстояния и т.п.). Короче, скорее всего, это был сказочный, мифический герой, герой устного фольклора, образ из преданий и легенд, имеющих древние исторические корни, персонаж народного эпоса. Отсюда, на мой взгляд, и некоторая двойственность образа Трояна в "Слове". С одной стороны, несомненная мифологизация Трояна, вводящая в заблуждение некоторых исследоватвлей и заставляющая их сближать его с языческими богами. С другой стороны, явные исторические корни этого персонажа, ведущего свое происхождение от императора Граяна, с именем которого эпическая память русского народа связывает "золотой век" становления будущего ядра русской государственности. Здесь происходит подмена противоположного типа: Троян из русских легенд и преданий, уже утративший реальные исторические черты, прямо отождествляется с римским императором.

Но в данном случае, как это часто бывает, истина, скорее всего, находится где-то посередине. Как мне кажется, в русской литературе и устном фольклоре XII в. имеется пример, аналогичный или, по крайней мере, близкий народным представлениям о Трояне. Я имею в виду широко известный в Древней Руси роман Псевдо-Каллисфена "Александрия" о жизни и подвигах Александра Македонского. В этом романе Александр предстает не как реальная историческая личность, великий полководец, завоевавший Ближний и Средний Восток и основавший огромную империю, а как легендарный, полусказочный персонаж, герой, покоривший весь мир. Роман об Александре Македонском был очень популярен в широких массах Древней Руси XII в. Его некоторые фантастические сюжеты, в частности, вознесение Александра на небо, получили отражение в ювелирном искусстве и оказали определенное влияние на изобразительное искусство (а, следовательно, и на мировоззрение) как языческого, так и христианского характера. Например, в изображениях Иисуса Христа в архитектурном декоре, скульптуре и убранстве некоторых храмов Б.А. Рыбаков прослеживает некий синтез образов Александра и языческого Даждьбога (27, 638-652).

Вероятно, нечто подобное произошло в Древней Руси и с римским императором Траяном. Как и в случае с Александром Македонским, мифологизация Траяна началась и происходила в течение нескольких веков среди некогда подвластных ему народов. Затем, по мере распространения мифологизированной информации о Траяне среди восточных славян, в ДревнейРуси формируется комплекс фантастических представлений, в которых римский император превращается в сказочного царя, героя русского исторического эпоса, приобретает русские черты вплоть до некоторого приближения по ряду признаков к русским языческим богам.

Марк Ульпий Траян (53–117 гг., император с 98 г.) былодним из самых известных и популярных римских императоров. Широкую популярность он приобрел еще в годы своего правления благодаря как своей внутриполитической деятельности (укрепление центральной власти, усиление контроля над провинциями, подавление восстаний в Иудее), так и победоносным походам в Данию, Армению, Месопотамию, обезопа- 47

сившим границы империи. Процесс мифологизации Траяна начался, очевидно, сразу после его смерти и был связан с римской традицией обожествлять умерших императоров и создавать в их честь храмы, в которых жрецы совершали обряды и поклонение культам этих новых богов. Правда, по раннехристианской традиции Траяна включали в число тех императоров, при которых совершались жестокие гонения на христиан. Именно при Траяне был распят двоюродный брат Иисуса Христа Симон, сын Клеофаса (брата Иосифа – главы Святого семейства). Симон возглавлял наиболее авторитетную раннехристианскую общину, в которую входили родственники Иисуса, в частности, его брат — Святой Иаков (12, 34). В годы правления Траяна также погибли епископ Антиохийский Игнатий Богоносец, Климент I Римский, один из первых легендарных римских епископов и другие известные деятели христианской церкви и мученики (8, 120). Христиане II в. даже выводили имя Траяна, расшифровывая мистическое число зверя 666 из Апокалипсиса (Откр. 13:18). Впрочем, используя греческий, латинский и еврейский алфавиты для написания цифр, это число легко приписывалось и другим императорам, а позднее царям и папам (8, 182).

Однако вскоре это негативное отношение христиан к Траяну меняется. Христианская церковь не решилась отвергнуть одного из самых любимых в народе государственных деятелей, который не мог отвечать за все проблемы сложного общества, хотя и был его главой. Примирительное отношение церковников к Траяну объясняется общей тенденцией христианской культуры провозглашать все положительные явления дохристианской эпохи "прообразованием" (praefiguratio), т.е. "прототипом" христианства (3, 118-119). Возникновению положительного образа Траяна в представлениях христиан способствовало и то, что на самом деле отношение этого императора к первым христианам вовсе не было таким жестоким и непримиримым. Конечно, стремясь укрепить госу дарственное единство, он был вынужден противодействовать тем движениям, которые разделяли римское общество. Но в то же время из письма Траяна легату (наместнику) Вифинии и Понта, знаменитому писателю Плинию Младшему известно, что он запрещал прислушиваться к доносам и устраивать "охоту на христиан" (2, 696).

В итоге языческая традиция мифологизации Траяна продолжияась уже в христианской среде. К VII в. этот процесс привел к возникновению легенды о Траяне как единственном язычнике, попавшем в рай без крещения благодаря покровительству папы Григория I Великого (8, 178). Эта легенда получила широкое распространение в средневековой Европе и на рубеже XIII-XIV веков была использована великим итальянским поэтом Данте Алигьери в его знаменитой "Божественной Комедии", где Траян оказывается в раю вместе с другим язычником — справедливым троянцем (жителем древнего города Трои) Рифеем (6, 213). Таким образом, в Европе уже в раннее Средневековье в народных представлениях формируется мифологический, легендарный образ Траяна.

Время формирования легенд и мифических историй о Траяне (II-VII в.) совпало с бурной эпохой "переселения народов". Это был период не только передвижений, столкновений и смешений народов, возникновения новых государств и этносов, но и интенсивного взаимодействия и контактов, культурного и религиозного взаимовлияния формирующихся европейских народов, в том числе и восточных славян (русичей). Вероятно, в таких условиях на территорию Древней Руси и стали проникать, заимствоваться, распространяться и видоизменяться мифы о Траяне, как в результате непосредственного взаимодействия восточных славян с Римской империей, так и через посредство южнославянских народов и Византии. Принятие христианства Русью в 988 г. и развитие на его основе культуры и искусства, по-видимому, еще более увеличили известность реабилитированного церковью императора Траяна, уже ставшего к тому времени героем русского фольклора.

С хлынувшим на Русь огромным потоком религиозной и светской литературы из Болгарии и Византии сюда поступает новая информация о Траяне. Сведения о нем имеются в византийских исторических сочинениях "Хроника Георгия Амартола" и "Хроника Иоанна Малалы", переведенных на русский язык в XI в. и оказавших большое влияние на оригинальное русское летописание. О том, что в Древней Руси XI-XII вв. достаточно хорошо знали историю Рима и могли знать реального, исторического императора Траяна, вполне красноречиво говорит широкая известность на Руси еврейского историка, писателя и публициста І в. н. э. Иосифа Флавия и его книги "Исто-48 рия Иудейской войны", переведенной на русский язык по поручению Ярослава Муд-

рого. Иосиф Флавий — одна из самых ярких и противоречивых личностей античной эпохи. Это был видный религиозный, государственный и военный деятель древней Иудеи, один из руководителей еврейского восстания против римлян, активнейший участник 1-ой римско-иу дейской войны. Потерпев поражение и попав в плен, он перешел на службу к римлянам и призывал соотечественников прекратить сопротивление, стремясь спасти их от уничтожения. Поселившись в Риме, он пользовался большим расположением императоров из рода Флавиев (Веспасиан, Тит, Домициан), получил их родовое имя, римское гражданство, пожизненное денежное содержание, земельные владения и другие привилегии. Иосиф Флавий умер в начале II в. в годы правления императора Траяна, сохранявшего все его звания и привилегии. По распоряжению Траяна в Риме был установлен памятник этому замечательному, талантливому писателю, автору исторических и политических произведений, популярных в средневековой Европе, в том числе и Древней Руси. На возможность знакомства автора "Слова" с "Историей Иудейской войны" (в русском переводе – "Повесть о разорении Иерусалима") указывают совпадения некоторых поэтических формул и отдельных терминов, встречающихся и в книге Иосифа Флавия, и в древнерусской поэме (14, 17; 21, 166; 32, 59). Вполне возможно и то, что с книгами Иосифа Флавия и информашией о нем на Русь также проникали как достоверные сведения, так и мифологизированные предания о самом Траяне. Об этом говорит присутствие Траяна или Трояна (написание, очевидно, варьировалось) в различных по жанру произведениях древнерусской литературы. Кроме исторических хроник и "Слова о полку Игореве", Траян (Троян) фигурирует в агиографическом романе "Житие Евстафия-Плакиды" и христианском апокрифе "Хождение Богородицы по мукам".

Таким образом, в Древней Руси XI-XII вв. существовал сложный комплекс представлений о Траяне-Трояне, сложившийся из разных источников и включавший разнообразные сведения — от реальных до легендарных. Этот информационный спектр прослеживается даже по тем немногим известным нам древнерусским произведениям: в переводных хрониках Траян предстает как реальная историческая личность, в агиографии "Житие Евстафия-Плакиды" - как литературный герой с легендарными чертами, справедливый царь — покровитель христиан, в "Слове о полку Игореве" Троян уже очевидный эпический персонаж, а в "Хождении Богородицы по мукам" Троян стоит в одном ряду с языческими богами Хорсом, Велесом и Перуном, что дало повод исследователям провозгласить его таким же языческим богом. Однако при внимательном рассмотрении всего контекста, в котором Троян упомянут с божествами, становится ясно, что это упоминание не может быть убедительным доказательством гипотезы, объявляющей Трояна русским языческим богом. В "Хождении Богородицы по мукам" сказано: "Они (язычники) бога прозваша: солнце и месяць, землю и воду, и звери и гади... Трояна, Хорса, Велеса, Перуна на богы обратиша, бесом злымъ вероваша" (33, 93). Таким образом, кроме Трояна, здесь объявляются богами и неперсонифицированные природные явления и стихии, и животные, что не соответствовало древнерусским языческим представлениям. Возможно, христианский автор "Хождения Богородицы" плохо знал русское язычество, представляя его в виде пантеизма, и включил в этот список Трояна из-за его широкой известности в народных массах. Можно привести и другое объяснение процитированного выше отрывка. Может быть, автор перечисляет здесь все элементы, составляющие по языческим представлениям Вселенную: небесные светила (солнце и месяц), неживую природу (земля и вода), животные и пресмыкающиеся и, наконец, потусторонние силы (добрые боги и злые бесы). В этой всемирной системе отсутствует одно важнейшее звено человек. Возможно, Троян, как популярный герой легенд и сказок, представлял в данной схеме человечество.

Также весьма вероятно, что в Древней Руси существовали и другие литературные произведения, в которых в том или ином качестве фигурировал Троян, однако все они погибли в страшной катастрофе монгольского нашествия. После ужасного опустошения 1237-40 гг., гибели сотен тысяч людей, уничтожения целых городов, в новой исторической обстановке, в условиях жестокого ордынского ига были утрачены многие прежние культурные достижения Древней Руси, в том числе и произведения устного народного творчества, былины, легенды, предания. Троян, как эпический герой таких легенд, постепенно исчезает из народной памяти.

Представленная в данной работе гипотеза, что Троян в "Слове о полку Игореве" является не языческим божеством и не римским императором Траяном, а мифологи- 49 ческим персонажем, эпическим героем древнерусского и общеславянского фольклора, восходящим к имени этого римского императора, но утратившим реальные исторические черты, не должна восприниматься как совершенно новая и полностью отвергающая прежние изыскания исследователей "Слова". Многие литературоведы и этнографы XIX в., такие как Ф.И. Буслаев, В.Ф. Миллер, А.Ф. Потебня, Д. Киянин и другие, указывали на наличие в славянском фольклоре сказочного царя Трояна. Однако, к сожалению, эти мысли не получили дальнейшего развития в работах других исследователей. К тому же данная гипотеза не только не отвергает категорически версии "Троян - римский император Траян" и "Троян — языческий бог", но в известной мере объединяет их, делает их совместимыми. С одной стороны, данная гипотеза признает историческое происхождение Трояна, с другой — представляет его мифологическим персонажем, вероятно, с какими-то волшебными функциями, хотя и не вошедшим в русский языческий пантеон.

Попутно замечу, что наличие в "Слове о полку Игореве" Трояна лишний раз подтверждает подлинность этого произведения, его древность, которую безуспешно оспаривали немногочисленные (в основном зарубежные) сторонники гипотезы о создании "Слова" неизвестным фальсификатором XVIII в. Вряд ли этот предполагаемый фальсификатор стал бы вводить в свою подделку такой сомнительный и загадочный персонаж, который и после 200 лет тщательнейшего изучения "Слова" остается предметом дискуссий исследователей, не имея общепризнанного толкования.

Строго говоря, образ Трояна в "Слове" имеет все-таки двойную смысловую нагрузку. Образованные люди, хорошо знавшию историю, могли воспринимать Трояна как римского императора. При таком воспризжи смысл "трояновских" фраз в "Слове", очевидно, не менялся. Возможно даже, что такой двойной смысл образа Трояна входил в планы автора "Слова". Ведь абсолютное большинство гениальных произведений всегда полифоничны, их образы часто не поддаются однозначному толкованию именно потому, что за их видимым, поверхностным смыслом скрывается другой, более глубокий "пласт", а порой и не один. Это всегда свидетельствует о высоком ху дожественном мастерстве авторов этих произведений.

В заключение хочу сказать, что предложенная гипотеза разработала мной очень схематично, в общих чертах и нуждается в дальнейших исследованиях на основе широкого круга исторических и литературных источников.

^{&#}x27; Составление комментируемого фрагмента принадлежит Б.А. Рыбакову (см.: 26, 46).

³ Комментарий двется с учетом гипотезы о перемещении фрагмента об Изясявае Полоцком в исторический раздел "Слова" после фрагмента о Всеславе.

образы "Слова о полку игореве" в сказках пушкина

Библиография темы "Пушкин и "Слово о полку Игореве" существует уже полтора столетия и насчитывает около двух десятков работ, написанных как специалистамипушкиноведами, так и профессиональными знатоками древнерусской литературы.
Имеется также целый ряд историко-литературове дческих исследований обобщающего
характера, так или иначе касающихся этой проблемы (Список литературы см.: 4, 179180). Большинство авторов данных работ свои усилия направляли преимущественно
на изучение фактической стороны обращения Пушкина к "Слову", его отношения к
этому выдающемуся памятнику русской литературы XII в., мнения поэта о подлинности и художественном своеобразии древней поэмы. Такая относительно узкая напраеленность этих изысканий привела к тому, что целый ряд вопросов, связанных с занятиями Пушкина "Словом", были изучены с достаточной полнотой, но в то же время несколько в стороне от внимания исследователей остались вопросы творческого характера. Например: как повлияло "Слово" на творчество Пушкина! Оставило ли оно какой-нибудь след в его поэтических произведениях, а не только в литературно-критических статьях и заметках!

В данном небольшом очерке речь пойдет об использовании Пушкиным в своих сказкахнекоторых образов "Слова", а точнее одного из самых лиричных и трогательных эпизодов поэмы — знаменитого плача Ярославны, поэтические достоинства которого сам Пушкин высоко оценил, сказав, что в этом плаче поэзии больше, чем у всех русских поэтов XVIII в. вместе взятых (23, VI, 373). Как всегда в подобных случаях, Пушкин не просто заимствовал чужие образы и метафоры, но творчески их переработал, придал им новое качество в соответствии с духом, жанром и сюжетом своего произведения. В то же время композиционное сходство и образный параллелизм этого фрагмента древнерусской поэмы и эпизода из пушкинской "Сказки о мертвой царевне" вполне очевидны. Имеется в виду знакомый всем с детства отрывок, в котором герой сказки королевич Елисей поочередно обращается к солнцу, месяцу и ветру.

Приведем оба текста, немного изменив для наглядности последовательность строк:

"Слово о полку Игореве" (Перевод Д.С. Лихачева) О ветер, ветрило! Разве мало тебе было под облаками веять, лелея корабли на синем море?

Зачем, господин, веешь ты навстречу?

Светлое и трижды светлое солнце!
Всем ты тепло и прекрасно.

"Сказка о мертвой царевне"

Ветер, ветер! Ты могуч, Ты гоняешь стаи туч,

Ты волнуешь сине море, Всюду <u>веешь</u> на просторе...

Свет наш солнышко! Сводишь Зиму с <u>теплою</u> весной Всех нас видишь под собой.

Исходя из собственного сюжета, выбранного для своей сказки, Пушкин не использовал обращение Ярославны к реке ("Днепр Словутич"). Вместо этого он ввел диалог своего героя с другим явлением природы — месяцем. Однако, по всей видимости, и эти строки из плача Ярославны находят свой огголосок в пределах того же эпизода с королевичем Елисеем. В ответе ветра Елисею имеется упоминание реки с соответствующими атрибутами, хотя сходство здесь более отдаленное:

О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю.

За речкой тихоструйной Есть высокая гора. В ней глубокая нора.

Но и это еще не все. В другой сказке Пушкина — "Сказке о царе Салтане", написанной в 1831 г. (всего на два года раньше "Сказки о мертвой царевне") есть эпизод, в котором главный герой, подобно Ярославне, обращается к водной стихии (морской волне) в выражениях, более приближенных к причитаниям героини "Слова", хотя и по другому поводу:

О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы. Ты лелеял на себе Святославовы насады (лады с высокими бортами).

Ты волна моя, волна! Ты морские камни точишь, Подымаешь корабли.

Возможно, Пушкин, сочиняя "Сказку о мертвой царевне", просто не захотел второй раз использовать один и тот же мотив обращения героя к водной стихии и заме-

То, что все сопоставленные выше образные параллели не являются случайным совпадением или искусственной натяжкой, подтверждается целым рядом косвенных свидетельств и других соображений. Прежде всего, следует отметить не только образную близость и композиционное сходство приведенных отрывков из "Слова" и сказки Пушкина, но и их полную сюжетную идентичность. В обоих случаях герой (героиня) произведения не только по-язычески поочередно обращается к различным персонифицированным природным явлениям, используя похожие слова и фразы, но и сам смысл этих обращений абсолютно одинаков. И Ярославна в "Слове", и Елисей в пушкинской сказке просят силы природы помочь им разыскать и возвратить своих возлюбленных.

Вполне закономерно, что образы из "Слова" Пушкин ввел именно в свои сказки, которые по своему духу чрезвычайно близки к подлинным народным сказкам, к старинному русскому фольклору. Ведь народность является одним из главнейших качеств и "Слова о полку Игореве". Как не раз отмечали исследователи, в частности, Д.С. Лихачев, гениальный автор Древней Руси использовал в своем произведении образы, эпитеты, символы, которые широко встречаются в русских народных сказках, былинах, традиционных песенных "плачах" и "славах" (15, 149-152; 17, 34-37, 50-58; 19, 80-82, 102-106). Таким образом, данные фрагменты из "Слова" и сказки Пушкина сближаются как по форме, так и по характеру и содержанию.

Очень важным доводом в пользу правильности предположения о целенаправленном использовании Пушкиным образов "Слова" является тот факт, что сочинение упомянутых сказок повпало по времени с его активным интересом и внимательным изучением древнего ше девра русской литературы. Очеви дно, что Пушкин довольно рано познакомился со "Словом о полку Игореве". Уже в самом первом крупном произведении — поэме "Руслан и Людмила" (тоже, кстати, сказочного характера и с элементами старинного фольклора), написанной в 1817-20 гг., Пушкин четыре раза называет имя Бояна, которого вспоминал автор "Слова". Триж ды в своей сказочной поэме Пушкин упоминает Бояна как реальную личность и один раз – как обобщенный образ поэтов и певцов. Однако по-настоящему глубокое историческое и литературно-критическое осмысление "Слова" Пушкин начал в конце 1820-х гг. и продолжал серьезно заниматься этим до конца своей жизни.

Первая запись Пушкина о "Слове" относится к 1829 г. и встречается в развернутом плане задуманной им масштабной статьи об истории русской литературы с древнейших времен до XIX в. (23, VI, 385). С работой над этой же статьей связано и второе упоминание "Слова" в записях Пушкина осенью 1830 г. В наброске "О русской словесности" Пушкин ошибочно говорит об отсутствии в России старинной словесности и сравнивает "Слово" с единственным памятником, возвышающимся среди темной степи (23, VI, 324). Эта ошибка Пушкина была связана с общим низким уровнем научного литературове дения в начале XIX в., когда большинство произведений древнерусской литературы оставались еще неизвестными. Но здесь следует заметить, что именно 52 Пушкин одним из первых обратил внимание на слабую изученность древнерусской

литературы и стремился восполнить этот пробел, наметив в своих планах главные направления и темы будущих научных изысканий (23, VI, 328, 384-385). Вот почему современные исследователи считают, что именно Пушкин стоит у истоков истории древнерусской литературы как науки (29, 210).

В 1834 г. Пушкин попытался воплотить свои замыслы в серьезной научной работе, оставшейся незавершенной (23, VI, 360-366). Судя по началу этой статьи и сохранившемуся плану, Пушкин хотел воссоздать историю русской литературы в широком общеисторическом контексте, на фоне и во взаимосвязи с мировой литературой культурой. В своей статье Пушкин вновь особо подчеркнул значение "Слова о полку Игореве" как важнейшего произведения древней русской словесности (23, VI, 361). Как полагает литературовед В.И. Сахаров, именно с работой над "Словом" связано формирование у Пушкина общих литературных и исторических взглядов (29, 208-209).

В 1836 г., незадолго до гибели Пушкин начал писать о "Слове" специальную большую статью (также оставшуюся незаконченной), в которой обосновал его подлинность и выразил свое восхищение его поэтическими достоинствами, особенно, как уже было сказано, плачем Ярославны, а также описанием битвы и бегства князя Игоря. Кроме этого Пушкин сделал несколько исторических и лингвистических пояснений к начальным фрагментам "Слова", не утративших своего научного значения до настоящего времени (23, VI, 373-378). Он намеревался дать научный комментарий и пояснения ко всему тексту "Слова" и исправить ошибки предыдущих переводчиков в собственном издании поэмы. Об этих планах Пушкина относительно "Слова о полку Игореве" свидетельствуют письма и дневник его друга А.И. Тургенева. После возвращения из-за границы, в период с 25 ноября 1836 г. по 26 января 1837 г. Александр Тургенев постоянно встречался с Пушкиным и за эти два месяца сделал в своем дневнике 28 записей о нем, в том числе о работе Пушкина над "Словом". А. Тургенев был, по-видимому, одним из первых популяризаторов "Слова о полку Игореве" за границей. С помощью Пушкина, которого он считал лучшим специалистом по "Слову", А. Тургенев отправил в Париж своему брату — декабристу Николаю Тургеневу текст "Слова" на древнерусском языке латинскими буквами, два перевода на чешский и польский языки и научные статьи о "Слове", изданные в России. Эта посылка предназначалась также и для французского ученого-филолога Фредерика Густава Эйхгофа (1, 439-440; 36, 316; о братьях Тургеневых см.: 3, 21-33).

Все вышеприведенные данные свидетельствуют, что работа Пушкина над сказками в 1830-1834 гг. проходила одновременно с его многолетними размышлениями о "Слове" и основательными исследованиями по истории русской литературы. И, наконец, отметим и то, что именно в 1833 г., в год создания "Сказки о мертвой царевне", свои художественные переводы "Слова" Пушкину прислали В.А. Жуковский и писатель-историк А.Ф. Вельтман (о Вельтмане и его творчестве см.: 28, 165-167).

Таким образом, целый ряд разнообразных фактов прямо или косвенно подтверждает, что "Слово о полку Игореве" было для Пушкина не только объектом его историко-литературных интересов, но и послужило богатым источником поэтических образов, сказочных сюжетов и, вообще, источником творческого в дохновения, по крайней мере, при сочинении двух сказок — "Сказки о царе Салтане" и "Сказки о мертвой царевне". Здесь я ограничился перечислением только самых явных образных параллелей между "Словом" и этими сказками, хотя, вероятно, этими примерами список поэтических перекличек Пушкина и "Слова" не исчерпывается.

Прямая связь поэзии Пушкина и "Слова о полку Игореве" представляется глубоко символичной. Являясь первым произведением русской поэзии, гениальное "Слово" стоит у истоков великой русской литературы и уже более восьми веков направляет ее развитие и питает ее светлыми идеями гуманизма, патриотизма и народности. Свое благотворное влияние "Слово о полку Игореве" оказало и на нашего величайшего национального гения, который воспринял эти идеи, облек их в совершенную форму, придал им новый мощный импульс и в свою очередь продолжил всемирно-историческую миссию сохранения и развития русской речи, русской культуры и русской духовности.

Геннадий ГЕНЕРАЛЕНКО ТРИ РАЕСКАЗА

НОЧНОЙ ДОЗОР

Милиционерам роты патрульно-постовой службы УВД г. Шахты (театр кукол) под командованием С.И. Образцова. Год службы 1987-1989.

- Бурыкин, рюмашку будешь?
- Нет.
- А я люблю ... когда работаю.

Старший сержант Коваленко с сожалением посмотрел на самогонный аппарат и опечатанную бутылку с мутноватой жидкостью,

по запаху напоминавшей самогон. Все это добро изьяли при обыске, и бутылку предстояло отправить на анализ в городскую санитарно - эпидемологическую станцию. Емкость была заполнена на две трети, и это обстоятельство нервировало и возбуждало коваленковское нездоровое любопытство.

- Иди, иди, бог подаст, участковый инспектор Каменоломенского РОВД майор Паю выпихнул плечом своих помошников за дверь. Протоколы потом подпишете.
- Как протоколы подписывать и в обысках участвовать, так Коваленко, а как сто грамм...
- Коваль, не понимаешь разве, он тебя использует в качестве розыскной собаки, сержант Бурыкин любовался на свое отражение в оконном стекле. У тебя стойка на запах, как у хорошей собаки.
- Сам ты кобель без привязи. ответил Коваленко, и они пошли к трамвайной остановке, спеша успеть на развод постов.

Осенью темнеет рано, и, щурясь на свет яркой лампочки, майор Образцов рассматривал постовую ведомость.

- Кто поставил этих убогих вместе?
- Я, подал голос старший лейтенант Баламбеков, минус на минус дает плюс. Да и маршрут им определен от перекрестка улиц Победы революции и Шевченко и до парка. Места тихие, может, ничего и не произойдет.
- Может быть. Математика дело тонкое. Почему, Сергей Иванович, вы их не уволите? спросил капитан Лакинян, переехавший в Шахты и назначенный в роту пару недель назад.

- За что? Один бабник, другой на пузыри равнодушно смотреть не может? Нарушений дисциплины в глобальных масштабах не допускают. Потерпим еще. - Образцов закурил и глубоко задумался на картой маршрутов.

Коваленко и Бурыкин добрались до крайней точки маршрута и остановились, ожидая часа Х. Минут через пять с соседнего маршрута к ним подошли еще трое милиционеров, двое из которых отслужили прилично, а третий, совсем недавно принятый, уже задержал особо опасного рецидивиста и носил гордую кличку Чекист.

- Сейчас начнется, - нетерпелево поглядывая на часы, сообщил Бурыкин, и все задрали головы вверх.

Действительно, зрелище было впечатляющее, особенно для неокрепшего организма. В окне четвертого этажа зажглось светом окно и обнаженная дива стала причесывать свои пышные волосы с любовью и тщательностью перед открытым окном. Черты ее лица в подробностях разглядеть было невозможно, но в том, что девица мила, сомнений не возникало.

- Четырераза в неделю, в одно и тоже время довел Чекисту Бурыкин.
 - А она знает? полюбопытствовал Чекист.
- Она знает, что мы знаем, что даже они знают. Личность можешь установить через паспортный стол или сразу имя сказать...
- Концерт окончен. Бурыкин с сожалением посмотрел в темные окна. Постовые разошлись в разные стороны, и на маршрутах воцарились спокойствие и порядок...
- В классическом исполнении шампанского или, правильнее выразиться, игристых вин производства СССР есть масса нюансов и особенностей. Прежде всего обрати внимание на завод производитель. Смело отвергай напитки, изготовленные по методу непрерывной шампанизации. Как то московские, тольятинский, молдовские заводы кроме разве что, завода города Бельцы. Лучше всего используй сухие игристые вина Цимлянска, Абрау Дюрсо, можно также ростовского винзавода, но только, умоляю, никакого сладкого или полусладкого. Добавление сахара портит вкус не только чая, но и вина. Естественное брожение сохраняет витамины и пектиды в неизменном состоянии, тогда как чуждая природе механическая обработка винной ягоды переводит благославенный напиток в разряд пошлого пойла. Особенно варварским выглядит использование винограда в напитках типа чачи или граппы в Италии. Хотя граппа...

Бурыкин потянул товарища от витрины винного магазина. 55

Коваленко в спокойном состоянии мог говорить о спиртном несколько часов кряду. Несколько месяцев он проработал сторожем в институте виноградарства и виноделия, но не для заработка, а просто для того, чтобы изучить предмет своего обожания глубже и погрузиться с в него головой при первой возможности.

В неторопливом дежурстве прошло около двух часов. За это время они осмотрели летние павильоны и задержали парня, который при виде милиции бросился бежать. Парень имел при себе пакет с марихуаной и самодельный нож, который попытался выбросить. При задержании он хотел вырваться, но, получив резиновой палкой по колену, захромал и послушно поплелся в отделение милиции. Сдав в дежурную часть задержанного, они вновь вернулись на маршрут, довольные собой и теплой погодой.

Около кафе «Морозко» постовые потоптались, осматривая прохожих внимательными взглядами, затем решили зайти и согреться.

- Три конфетки, лапушка, сказал Бурыкин с интонацией в голосе, которую молодые женщины называют волнующей, а пожилые, ближе к старческому возрасту, блядской. Только на ваш вкус.
 - Возьмите «Белочку».
- Спасибо, сгребая сдачу в карман ворковал Бурыкин, одну мне, другую товарищу, а третью...

Он протянул конфетку продавщице и та взяла за кончик фантика. Они держали конфету через прилавок и улыбались друг другу.

- Вы свободны сегодня?
- Я всегда свободна.
- -Пожалуй, я провожу вас до дома. На улицах, знаете, хулиганье...

Коваленко кашлянул, как бы некстати, и магия улыбки Бурыкина несколько ослабла.

Старший сержант знал, что делал. Еще бы три минуты - и пара влюбленных бросила бы его охранять зал и уединилась на полчаса в подсобке.

Бурыкин взял страшную клятву с продавщицы, что она его дождется, и постовые вернулись на маршрут.

- Может, к Тиграну зайдем, давно не были.
- Не надо. Тигран устроит банкет, и опять отдувайся за тебя.

Коваленко нахмурился и стал объяснять, что кусочек шашлыка и сто двадцать пять граммов красного аджарского вина повышают тонус, но Бурыкин мстил за «Морозко» и упрямо шел патрульным шагом по направлению к городскому парку культуры и отдыха.

Из подворотни вырулил пьяный, которого кидало из стороны в сторону. Стоять прямо он не мог, и сила инерции бросила бы бедолагу на асфальт, если бы не подоспевшая помощь.

- Родное сердце, где же ты так? засуетился Коваленко.
- Выпил сто грамм, а что нельзя? спросил пьяный, и, так как язык его не слушался, эту фразу он сплетал минуты три, перемежая ее невыразительной бранью.
- Тебе два грамма и то много было бы, алкаш проклятый, заключил Бурыкин.
 - Человек устал, заступился Коваленко.

На их счастье мимо проезжала патрульная машина, которая освободила их от чуть живого тела.

Молча они дошли до края участка, решительно пересекли проспект и остановились у общежития текстильного техникума.

- Я на семь минут, извиняясь сказал Бурыкин.
- Время пошло, я за углом.

Бурыкин будет отсутствовать двадцать две минуты. Из них тридцать секунд на подъем и еще тридцать на спуск по лестнице. Две минуты на раздевание и одевание. Душ до и после пять минут и четырнадцать минут на нежность. Коваленко в кафетерии за углом выпил пятьдесят граммов коньяка и чашку кофе. Затем он затеял светскую беседу с унылым барменом о сортах коньяка и способах выдержки оного в дубовых бочках.

Бурыкин спустился вниз, на ходу застегивая портупею, а Коваленко уже стоял внизу и мечтательно разглядывал светившуюся в темноте вывеску «Вина Дона». В этот самый момент появился патруль, на чьем участке они оказались, и подошедшие начали издеваться над сослуживцами.

- Рожденный пить любить не может.
- Бурыкин, застегни ширинку.

Ответив положенными любезностями, Коваленко и Бурыкин вернулись на свой маршрут, где их в нетерпении ожидал капитан Лакинян.

- Где вы болтаетесь, почему отклонились от маршрута?
- Молодежь кричала, ходили смотрели.

Лакинян не стал более расспрашивать, а присоединился к патрулирующим. Сержанты попытались говорить на служебные темы, но так как не были к умствованиям приучены, быстро сбились на любимое.

- Я хотел бы никогда не заботиться о пропитании, жить, наблюдая цветение и рост виноградной лозы. После первого мо- 1

роза снять всю «Изабеллу» с куста и внести ее в теплое помещение. Наливать сок цвета рубина в гладкий стакан и смотреть как остается влажный след, а запах волнует нос и окружающих.

- А мне, если можно, открывать глаза и видеть солнце. Чтобы дева, лучше две, подавала стакан свежеотжатого апельсинового сока.
 - И все ? поразился Коваленко.
- Пенек, каждый день. Каждый день молодость, радость, желание. Ты знаешь когда приходит смерть? Когда смирился с мыслью и не хочешь даже умереть. Когда безразлично, что будет дальше. Когда все равно, что есть, что пить, где жить. Самое главное в жизни это желание. Самый страшный вопрос зачем? Зачем жить, зачем заботиться о детях? Этот вопрос не возникает, когда что-нибудь желаешь. Зачем вот этот вопрос ведет к могиле.
- Добиться поставленной цели. Уничтожить врага. Возвысить свое и отеческое имя. Доблестная смерть. Жизнь для живых, смерть для слабых, и поэтому коварных и ненадежных, вступил в разговор Лакинян.

Темнота окутала своим одеялом город. Гулко отзывались в ночи шаги патрульных, несущих спокойствие в тревожное время.

Бессмертные боги давно не живут на Олимпе. Они находятся среди людей, принимая обличия наших современников. По шахтинской улице, объятые тьмой, шли навстречу вечности Бахус, Эрот и Марс.

БЫТЬ ДРУИДОМ

Старший участковый инспектор Каменоломенского районного отдела милиции майор Паю Эдуард Васильевич сидел в опорном пункте правопорядка на вокзале станции Каменоломни и в задумчивости ковырял в носу. Делать ему было решительно нечего и рабочий день катился к концу.

Паю написал уже пару характеристик и предписаний, сделал записи в карточках учета поднадзорных лиц. Проводники поезда Баку - Москва сдали ему буйного пассажира, перепившего на жаре водки. Майор немедленно вызвал дежурную машину РОВД и погрузил в нее пьяного азербайджанца в майке и тапочках на босу ногу. Этим он заработал показатель активности и теперь мог идти домой и поливать свои помидорные грядки.

Паю уже надел фуражку и взял папку подмышку, когда в дверь робко поскреблись.

- Открыто, входите.

В дверях остановилась гражданка Холякова В. В. и, набрав воздуху в грудь, затораторила:

- Васильич, хошь меня убей на этом самом месте, а порядка у тебя на участке нету никакого. Вот опять эти сволочные сатанисты, пропади они пропадом, животное у меня украли, изверги. Я думала случайная пропажа, и заявлять не стала, помня твою сердитость, ан нет. Опять ироды скрали птицу и уничтожили ее самым ужасным способом. Так что, я на тебя жаловаться буду. Вот так.
- Какие сатанисты, какая птица, что ты мне голову морочишь! Твои гуси мне хлопот доставили, выше крыши, рассказывай толком и не спеши.

Холякова уселась на стул и начала рассказ:

- Вот и я думаю, какие к свиньям собачим сатанисты. Пропала курица беленькая, несушка, на спине синее пятно, от синьки. Я всех курей так мечу. Знаешь, почем ныне куры? Пойди на рынок поинтересуйся. Однако сижу, молчу. Может, убежала куда, может, вернется. Как, Васильич, думаешь, вернется? Пропала и день нет, и два нет. Тут пропадает петух, тоже белый. Однако на следующий день возвращается к вечеру. Весь ободранный, как липка. Больших перьев из крыльев ни одного не осталось. Дрожит весь, глаза безумные. Да у петуха! Я про кого толкую. Дело явно не чистое. Далее докладываю. Пошла я за лесополосу, за больницу, туда, к Шилкиной балке. Там мужики с воровского поселка пляж учудили из-за этой подковы, за которую денег бешеных им отвалили. У меня так и не взяли, ага. Так вот на пляжу, значит, бутылки собираю, никого не трогаю. Знаешь, почем нынче59

бутылки ? Пойди, поинтересуйся. Смотрю, идет мимо этот черт, кузнец шеремезовский, Иван Иванович, как его бес фамилие, не русское. Не то Гофман, не то грамофон.

- Гофаннон, вставил Паю в поток слов.
- Вот, вот, Гофаннон. Здрасте, говорит, ну, здрасте. А под мышкой курица. Не моя, моя с синим пятном, а то вся рыжая. Дело под вечер, бутылки они ближе к вечеру собираются, извесное дело. Куды, думаю, он с курицей. Пошла потихоньку и дошла до трех ручьев. Знаешь, где это? Метров двести от пляжу овраг. На краю того оврага растет яблоня-дичка. Вот там лет еще двадцать назад стоял дом бревенчатый, да все уехали в войну. Дом потихоньку растащили на бревна и дрова, он же на отшибе стоял, а яблонька осталась. Говорят люди, там староверы жили.
 - На какую войну лет двадцать назад?
 - А на вьетнамскую, милок.

Паю налил стакан воды из графина и подвинул его Холяковой. Та маханула его залпом и продолжила рассказ. Эдуард Васильевич, заинтригованный повествованием, слушал внимательно, ибо домашняя птица пропадала в Каменоломнях с завидным постоянством. В силу природной смекалки и лени Паю отбрыкивался от подобных заявлений как мог, но теперь в деле появился след, и обозначился первый подозреваемый.

- Так вот, ага. Кузнец спустился по тропке в овражек и пропал. Пять минут нету, десять. Идти за ним боязно. Даст по голове кулачищем, и все. Женщина я слабая и нервная. Видал его кулачищито? Тихий ужас! А на яблоне висят разные ленточки ткани, красные, белые, синие. На самой верхотуре штук пять колоколец, те, что рыбаки пользуют на удочки. Ветер поднялся, они звенеть. Тихо так звенят, и ленточки развеваются - жуть берет. Яблок-то всего штуки три и все мелкие. Ясно дело, нечистое тут замешано. А тут еще темнеть начало. Я бегом оттуда, думаю забыть, а нет, милушки, ночь не сплю. Придет черт этот, как думаешь? Думаешь, не придет? Было это позавчерась. И надо ж, опять пропала курица. Сегодня в обед. Так и разорение скоро.

Арестуй воров ради бога. У кузнеца, поди, и соучастники есть. А то я на тебя жалобу напишу. Сегодня арестуешь? Завтра... Тогда завтра разберись, как положено. Мимо идти будешь с работы, скажи, как чего. Где надо, подпишусь...

Паю закрыл опорный пункт и пошел домой с Верой Васильевной, благо, было по пути. Размышляя о сообщении вредной, но очень информативной и потому полезной пенсионерки, он не допускал и мысли о таинственных сектах и паранормальных явлениях. Телевизор и его сумасбродные сериалы сбивали доверчи-

вых граждан на фантастические домыслы. Граждане же склонны были принимать пропажу курицы за сатанинство в самом его ужасном проявлении.

- А не было ли там, Васильевна, каких-нибудь знаков тайных, кругов или звезд нарисованных или еще чего?
- А как же, есть: большая звезда и надпись по кругу «Слава советским мелиораторам», лет двадцать пять как стоит. Железный, у Шилкиной балки, да ты его знаешь.
 - Это не то.

Вечером Паю долго листал «Молот ведьм» и внимательно остановился на методике допросов подозреваемых в колдовстве. Во время вечернего чая он исподволь расспросил своего отрока, балбеса-старшекласника, о проявлениях темной силы в школе и на улице. Ничего не узнав толкового, Паю решил отбросить версию с нечистой силой за смехотворностью. Ее он исследовал для порядка, так как версия все же прозвучала.

Только сбивало на размышление то обстоятельство, что кузнецы ШРМЗ зарабатывали приличные деньги по каменоломенским меркам, и воровать птицу им было не по чину.

Утром Паю отправился на указанное место. Шел он бодро, на ходу помахивая хворостиной. Место предполагаемого злодейства на первый взгляд не выглядело диким и страшным. Старая яблоня действительно была украшена лоскутками материи, колокольчиками, гайками и крупными перьями птиц.

«Детишки балуются», - решил Паю и начал аккуратно, не торопясь, спускаться в овраг по едва набитой тропинке.

Этот овраг был в стороне от дороги, и воду из ключей, расположенных тут во множестве, никто не набирал. Родники сбивались в небольшой ручей, который и образовывал в своем течении водоем, известный в народе как Шилкина балка. Далее, по ходу движения ручья, овраг заболачивался и камыши покрывали его в изобилии.

Если на всем протяжении пути до оврага попадались пакеты из под чипсов и печения, презервативы и банки из под прохладительных напитков, то в этом месте овраг был чист от мусора.

На самом дне оврага, где действительно струились три родника, была вытоптана небольшая площадка. Глинистая почва утрамбована босыми ногами и сама по себе давала прохладу. Здесь же находилась небольшая, но крепкая скамейка, изготовленная из потемневших от времени бревен. Рядом располагалось костровище, окруженное необработанным камнем.

- Ребятишки балуются, - повторил вслух свое предположение Паю и сам же усомнился: на детские шалости этот комплекс сооружений не походил.

Присмотревшись внимательно, участковый обнаружил, что мокрая земля между родниками имеет рыхлый и свежеобработанный вид. Присев на краешек скамейки, кончиком своей хворостины он начал ковырять землю. Его раскопки увенчались успехом. Сначала появились перья и лапы птицы, а после и все тельце белой курицы с синим пятном на спине.

- Детишки балуются, - повторил настойчиво Паю, убеждая сам себя.

Однако, ему захотелось выбраться отсюда немедленно и больше никогда не приходить. Оставалось решить, что делать с трупом курицы. Закопать в то же место, означало скрыть следы происшествия. Тащить в поселок дохлую птицу - выглядело если не смешно, то глупо. Решение, которое нужно было принять, почему-то не принималось.

Сверху послышались шаги и Паю поднял голову. На краю оврага стоял Иван Иванович Гофаннон и насмешливо смотрел на участкового.

- Долго же вы дорожку сюда искали, Эдуард Васильевич.
- Да уж как бог дает, дела, знаете ли, Иван Иванович.
- Не поднимайтесь, не надо, я спущусь к вам.

Гофаннон ловко стал спускаться, на ходу придерживая старый и закопченный котелок, накрытый чистым вафельным полотенцем.

«Даст по голове кулачищем и все», - вспомнились Паю слова Холяковой.

- Не бойтесь, по голове бить не буду, голос пришедшего звучал спокойно.
 - Никто и н**е** боится.

Кузнец сел на лавочку, снял полотенце с котелка и набрал воды из родника. Потом поставил котелок на старое костровище и покрыл его полотенцем.

- Вижу, ко мне множество вопросов.
- Да уж, хотелось бы послушать.
- О чем сначала?
- Для начала о жертвоприношениях.
- Времени потребуется много, может, водки, для разговора, по сто грамм, какую будешь?
- У тебячто, разная есть? в духе булгаковского героя ответил Паю. Кузнец не ответил, сунул руку под полотенце в котелок и достал одно за другим: бутылку «Столичной» в экспортном исполнении, два граненых стопарика, порезанный кусок колбасы, сыр, помидор и два огурца, черный хлеб с уже намазанным маслом, баночку красной икры.

- Хватит закуски?
- Вполне, Паю видел своими глазами, что котелок был пуст и в него наливали только чистую воду, и почувствовал легкий холодок, пробежавший от затылка к пяткам и обратно.

Кузнец скрутил пробку на бутылке и налил по стопкам водку, причем, сделал это молниеносно.

Они выпили и закусили. Почувствовав знакомый вкус, Паю приободрился.

- Итак, Гофаннон...
- Правильнее будет Гоибниу, это по-ирландски. Гофаннон это валлайская транскрипция. Хотя, особой разницы нет. Хотел послушать о жертвоприношениях... Ты христианин? Значит, ставил свечи в храме перед иконами. Это и есть твоя жертва, бескровная. Русские привыкли относиться к богу, как к доброму дядюшке. Куплю свечку подороже, надену крест побольше, нищим у храма подам раз в год. Какая добродетель... Бог простит, бог поймет. Паю, что есть бог?
 - Как тебе сказать...
- Бог это вселенная. Бог это то, что вокруг. Это воздух, земля, вода, огонь. Бог - это и ты, Паю. Ну и я, само собой. Однако, во всем есть плюс и минус. Доброе и злое. Иногда доброго больше, и ты тянешься к свету, хотя свет не существует без тьмы. Не будь ее, не поняли бы света. «...И сотворил господь человека, по образу и подобию своему». Подобие господа приносит жертву господу. Самому себе, вселенной, за то, что он есть. Боготец принес в жертву своего бога-сына. За чудо единения со вселенной, за продолжение самого себя в детях, делах.

В добрых делах. Никто не благодарит за зло, хотя иногда надо. То, что приносятся жертвы бескровные, - не заслуга человека, а ограничение его пыла и возможностей. Сказано в пятидесятом псалме... «Я бы принес жертвоприношение, но ты не захотел». В ряду жертв идут вначале цветы и плоды, затем птицы, животные, человек. Ацтеки убивали в жертвоприношениях тысячи людей, это лишнее. Это была злая, демонская цивилизация, и Эрнан Кортес уничтожил ее. Ритуальная трапеза христиан, где они едят тело христово и пьют его кровь, тоже входит в число жертвенных мероприятий.

Паю молчал, слушал и машинально трогал мертвую курицу хворостиной.

- Я вижу, птица причиняет тебе беспокойство, - с этими словами Гофаннон зачерпнул рукой воды из ручья и побрызгал ее на курицу.

рицу. Птица дернула ногой, зашевилилась и подняла голову, через 63

полминуты стояла на обеих ногах и клевала брошенную ей хлебную корочку.

Чудо произошло столь обыденно, что Паю не удивился. Поз-

же он найдет аналогии этому случаю, но не теперь.

Кузнец, видя молчание Паю, пояснил без дополнительной просьбы.

- Бригита - покровительница мудрости, врачевания, кузнечного дела. В переводе с кельтского - вершина. В ее честь есть обычай закапывать живого цыпленка около трех ручьев. Изображается в виде птицы с человеческим лицом. В русской мифологической традиции так рисуют - Сирина и птицу Алконост. Бригите не нужна птица, важен ритуал, последовательность действий. Это символ порядка. Входя в храм, сними шапку. Если ты врач, помой руки с мылом, даже если потом наденешь стерильные перчатки. Отказываясь от ритуала, может быть, не желая того, нарушаешь естественный ход событий. Провоцируешь цепь случайностей, которые потом приводят к необратимым последствиям.

В каждом из нас с самого рождения присутствует частица бога и, живя во времени дальше, она становится все больше, и человек становится равным богам или исчезает совсем, и тогда ее носитель становится демоном.

- Значит, дьявол все-таки существует?

Кузнец выпил еще одну стопку и, поискав глазами среди продуктов свои любимые яблоки, достал пару зеленых красавцев из котелка.

Паю проводил взглядом все движения Гофаннона. Тот усмехнулся и подвинул котелок Паю.

- Возьми чего-нибудь.

Паю с опаской просунул ладонь, и рука погрузилась в воду, затем он почувствовал, что-то твердое и круглое и вытащил пару грецких орехов.

- Так, ты рожден 31 октября и твое дерево грецкий орех. Это хорошо, что возле твоего дома растет орех. У каждого человека есть свое дерево.

Двенадцать деревьев, двенадцать месяцев. Росток, цветение, плодоношение, угасание. Этот жизненный цикл действует во всем... «По плодам узнаете их...» Мать всех деревьев - яблоня. Слышал ли когда-нибудь о мировом дереве? Яблоня - модель мира. Крона достигает небес, корни спускаются под землю, ствол - это серединный мир. Источники, питающие корни, черви грызущие плоды, прилетающие птицы и отдыхающие в ветвях. Далее сам почувствуешь и узнаешь. Есть остров Аваллон - это остров женщин и яблонь. Похоже на христианский рай, но это Аваллон.

Разницу поймешь когда-нибудь, если захочешь. Яблоко - символ мира. Золотые яблоки, молодильные яблоки, яблоки Геспериад, яблоко Париса, яблоко раздора, даже держава русских царей - все это яблоня и его дар яблоко. Те ленточки и разные мелочи на яблоне, которые ты видел, - дары Езусу Гневному. Он требует жертв, повешенных на дереве, и в этой связи можешь вспомнить неправедно распятого на дереве. Это бог войны и всегда приходит с топором.

- А кто вы...
- Люди называли по-разному. Гефест, Вулкан, Кузнец, Прометей. Суть одна. Всегда создатель, демиург. Владелец неистощимого котла. Правда, это на паях с Дагной, хорошим добрым богом. Он сильный и имеет власть над природными явлениями и урожаем.

Мною выковано оружие, победившее демонов, и изготовлено лекарство, поддержавшее силы сражавшихся с демонами богов. Вот мы и добрались до демонов.

Луг или Ллеу, сияющий бог света, новопришелец, покровитель искусств, ремесел поразил моим оружием одноглазого Балора в глаз и поверг его глубоко в землю. Корни мировой яблони держат его крепко, но лесов становится меньше и корни яблони ослабевают. Проклятая вырубка леса! Когда Балор вырвется наружу, вселенная останется, но о прежней земле можно будет забыть. Это будет уже другая история.

- Почему мне это все рассказываете?
- Кто-то должен исполнять обряд. Рожденный 31 октября, накануне дня всех святых. Слуга закона, достигший возраста зрелости. Человек, полюбивший искусство, вспомни Фрагонара. Можно продолжать перечислять причины, но этого достаточно. Достаточно, чтобы быть друидом.

Паю поднял голову вверх и увидел звезды.

- Сколько времени, который час?..
- Прошло двадцать четыре года, два круга времени. Но ты вернешься в тот момент, когда спустился в овраг. Делай то, что считаешь нужным, и расти в себе бога.

Гофаннон собрал остатки пищи в котелок и вылил чистую воду в ручей. Затем он поднялся и пошел по склону оврага вверх. Участковый инспектор Паю не двигался, пока Небесный Кузнец не скрылся из виду.

Паю поднялся из оврага с курицей под мышкой и вдохнул воздух полной грудью. Запах летней степи ворвался в легкие и наполнил их легкостью и успокоенностью от полыни и нежностью тысячелистника. Он подошел к яблоне и проверил свою связку ключей.

65

На связке болтался лишний ключ от давно проданного «Москвича». Паю отстегнул его и привязал на одну из развевавшихся на ветру ленточек. Затем он погладил яблоню по стволу и почувствовал ранее неведомое чувство равновесия и гармонии с природой.

Около вокзала его остановил мужик с книгой под мышкой:

- Начальник, купи книжицу. Хорошая книжица - «Легенды и мифы Шотландии, Уэльса, Ирландии и Англии», дивный переплет и недорого.

Участковый открыл кошелек и молча протянул мужику тридцать рублей пятирублевыми купюрами. Лицо мужика расплылось в улыбке, и Паю забрал одну денежку обратно.

С курицей и книгой по мышкой задумчивый майор отправился к Холяковой. Отдав курицу и не отвечая на расспросы, Паю побрел в свой опорный пункт охраны правопорядка.

Через четыре дня после описачных событий у Холяковой вновь пропала курица. Паю знал, что ее задавил «Камаз» на окраине поселка, но расстраивать пожилую женщину не хотел.

- Зайди через час, я подумаю.

Он нарисовал, как умел, курицу на оборотной стороне испорченного протокола и полил рисунок водой из графина.

Через час Холякова получила свою курицу в полном здравии. Вера Васильевна целый час проговорила с молочницей на перроне вокзала и готова была поклясться, что участковый инспектор Каменоломенского РОВД майор Паю Эдуард Васильевич из опорного пункта никуда не выходил...

Феликс КАСИМОВ

ИГРА

ШАХМАТНАЯ ПОЭМА

Тот странный мир едва ль напоминает наш, Иные в нем поля, события и цели; Меридианов счет идет там с «А» до «Аш», И с первой по восьмую - параллелей.

Там нет морей и гор, и только две страны: Все поровну у них, во всем равны заслуги. Но вечно враждовать державы те должны, В жестокий бой идут и короли, и слуги.

Из множества чудес лишь часть напомню я: «Двойной и Вечный Шах», «Тройное повторенье», Печальный «Детский Мат», «Безумная ладья», Рождение слонов на «Поле превращенья».

Там вечной смерти нет;

погибшие в бою Мир покидают лишь до окончанья тура. А после вновь и вновь играют роль свою: Тот - скромный рядовой, тот - важная фигура.

Влечет их цель одна - другого победить, Но к ней не отыскать проторенной дороги. Там даже короли не знают как ходить; Владеем ими мы, а нами - наши боги.

СНАЧАЛА БЫЛ ГАМБИТ...

Эф 2 - эф 4, а после конем. Что пешка?

Фигуры не жаль! Лишь только б вплотную сойтись с королем И к горлу приставить кинжал.

Пехотные цепи теснят. бастион. Трубач, наступленье сигналь! И пусть занимает стремительный слон Открытую диагональ.

За ним все в атаку

(Здесь медлить нельзя!),

Полцарства за темп отдаю,

За нужное поле - ладью и ферзя; Обоз лишь помеха в бою.

В углу, на «Аш восемь», король их зажат -Не вскрикнуть, не двинуть рукой. Еще одна жертва - и делает мат Последний оставшийся конь.

Вот так, без сомнений, всегда лишь вперед: В атаку - и мат королю!.. Ах, рыцари-други - счастливый народ, Я так вас любил

и люблю...

Когда ж это было?

Лет сорок назад?.. Весенние дни, обжигающий взгляд. Мечты и желанья не знали границ. Волшебной весною нельзя не любить.

Влюбись!..

И закружишь кроссвордами улиц, И будешь мосты до утра караулить, И будешь метаться от звезд до глубин, В толпе городской оставаясь один.

Я знаю, я помню...

Лет сорок назад. Счастливые дни, обжигающий взгляд. В том мире далеком мы были вдвоем... Эф 2 - эф 4, а после конем.

ПОТОМ БЫЛА ЗАЩИТА

Прошла весна. Отсеялись. Остыли... И реки в берегах, и отцвели сады. Нам некуда спешить, мы главное свершили; Дозреют и без нас зачатые плоды.

Теперь куда-нибудь, без суеты и рвенья, Вдоль тихих берегов спокойно проплывать. Надежная семья, небыстрое теченье. Но... первый черный ход, Си-Цилианская защита, ПозиЦия полузакрыта; СпеЦ-обороной (всюду «Ц»!) Взят на приЦел опасный Центр.

Играем «Вариант дракона», Здесь сантименты вне закона. Двух кремней древняя искра, Ход в ход - кость в косты - идет игра.

Пусть мозг расчетом перегружен, За гранью мысли счет не нужен. Предчувствие не знает вех. Играй и верь.

ВПЕРЕД И ВВЕРХ!

Во мгле теорий и сомнений, Слоново-конных столкновений, Успех свой ходом роковым Предвижу чувством боковым.

Так в веренице тусклых дней Вдруг слышишь в небе журавлей. И мысль счастливая кольнет: - Должно быть скоро повезет...

Так в сентябре, когда на плечи Волшебно падает листва, Вдруг чувствуешь, как шепчет вечер Полузабытые слова...

Так иногда в толпе прохожих Блеснет на миг. случайный взгляд. И вздрогнешь, вспомнив день погожий, Весенний сал...

Сто лет назад...

Но хватит,

хватит вспоминать.

Часы идут.

ИГРАТЫ! ИГРАТЫ!

Вновь наступает он (Иди ко мне, иди!), Продвинуты вперед пехотные фаланги, Подтянуты тяжелые ладьи, Готовые начать вторжение на фланге.

Все подготовлено по вертикали «аш», И белые - УРА!

- пошли на абордаж...

Вполне уверен он, что через пять ходов (Я лучше знаю, чем закончится атака), Его ладьи, тесня моих слонов, Ворвутся в тыл безжалостно, как танки.

Чтобы позицию хоть как-то удержать, Любимого коня придется мне отдать. (Что говорить, он точно подсчитал, Какой приобретет материал!)

Ho!..

Вслед за тем - размен,

за ним - другой.

И вот -

КАК ВЫСТРЕЛ В СПИНУ!

- мой жестокий ход.

Теперь фигурой меньше у меня, Но пешка слабая резвей его коня. Зигэагом буквы «Г» догнать ее нельзя. Три хода по прямой до нового ферзя.

Ты рассчитал вперед на несколько ходов. Я в сторону свернул - и ты, дружок, готов.

Иду домой...

Душа надежд полна, Унылый мир желаньями разбужен. А дома ждет любимая жена, Веселый сын и неостывший ужин.

Смотрю вполглаза новости страны, С улыбкой засыпаю на диване... Мне снятся дикие мустанги и слоны, В той бесконечной шахматной саванне.

ПОСЛЕДНИЕ ХОДЫ

Я - сюда, он - туда (Погаси огонь, вода). Слабый фланг, сильный конь (Погаси, вода, огонь). Белый слон пойдет на «ж» И завязан конь уже. Но тогда ладья - «e5». Надо снова все считать...

Я беру, он берет -Вертикаль не подведет. Из-за туч видна луна -Черный конь сильней слона. Здесь на пешку нападем, Разменяемся конем... Время мчится, тоньше нить. Так куда же мне ходить?..

Жестокая игра - ходы поочередно: И он, и я хотим поставить мат. Купец Калашников так бился принародно. - КАЛАШНИКОВ?..

ПРИЧЕМ ТУТ ABTOMAT?..

Не просто понимать другое поколенье, Дорога и мораль у каждого своя. Мы, как галактики, все в большем удаленьи: Ушли от нас отцы, уходят сыновья.

У них свои кумиры и иконы, Нам по душе другой иконостас. Но древняя игра и вечные законы На несколько часов объединяют нас.

Садимся - и вперед!..

Суровые мужчины, Двух интеллектов серые машины, На черно-белых клавишах доски Играем партию в две жесткие руки. (Мне по душе классические темы, Он ультра-модные предпочитает схемы.)

Он молод и упрям, до мата будет драться (И я таким же был, когда мне было двадцать); Себя и всех стремится убедить, Что может за доской любого победить. Терзает мозг, мудрит, угрозы затая... (Пока он думает, мои часы стоят.)

Я старше стал, я стар...

Мне уступить пора?..

Не только шахматы, вся наша жизнь игра. Тасует судьбы всех наш суетливый мир: Кто был слугой вчера, сегодня командир. Стремимся, боремся, в бою не уступаем - И все по времени однажды проиграем...

Ход сделан: слон б-7...

Понятная идея:

Отвлечь на фланг, к отсталой пешке «ц». Полуоткрытой лини́ей владея, Сумею (будто бы!) дожать его в конце.

Но лишь фигуры перестрою я, Оставив короля без прочного заслона, За пешку будет отдана ладья, И в несколько ходов погибнет оборона.

Волнуется партнер

(совсем еще пацан!), Победа для него, как женщина, желанна; Надеется и ждет, что скромный ветеран Коварного не разгадает плана.

Надеется...

Ну, что ж, пойду ему навстречу.

Что стоит партию

(дарю, сынок!)

отдать?

В предчувствии зимы, в осенний хмурый вечер, Уже не хочется кого-то побеждать.

А он еще успеет на свиданье, Небрежно скажет ей:

- Уделал старика!

И улыбнется нежное созданье, И ляжет на ее бедро его рука.

В такой же день (аллея в парке та же), Сто лет назад (в начале октября), Сказала мне она (ему сегодня скажет) Сквозь поцелуй:

- Я рада за тебя...

Ну, вот и все!

Сыграли и ушли... Фигуры собраны, лежат в одной коробке. Перемешались в ней слоны и короли, Жестокий ферзь и пехотинец робкий.

Там нет отсталых, слабых, проходных; Все вместе, все равны и чином, и судьбою. Не все ль равно, кто был сражен из них, Кто ставил мат, кто жертвовал собою?

Какая разница кто выиграл, кто нет? Была игра,

движение,

сюжет...

Недели не пройдет - к ним возвратимся мы, Посланцы высших сил, мудрейшие авгуры; И вновь (в который раз!) поднимем их из тьмы И оживим застывшие фигуры.

Они начнут ходить и выполнять приказ, Не помня прошлые сраженья, жертвы, маты... Так, может быть, и мы живем не в первый раз, Не ведая о том, что жили здесь когда-то?

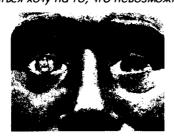
Пройдут века и снова

(может быты) омые боги.

Вернут нам жизнь неведомые боги. Мы вновь начнем играть, надеяться, любить И повторять забытые дороги.

Конечно, там игра!

Квадратный плоский мир... Сравненье, как мираж, заманчиво и ложно. И все-таки теперь, когда стареем мы, Надеяться хочу на то, что невозможно.

Нонна АЛИЕВА

БЕЗ ТЕБЯ..

СВИДАНЬЕ С ЖИЗНЬЮ

не нами решено, но свыше на стрелки смотрит озабоченно Страж Времени, в затылок дышит: «Пардон, свидание окончено».

2. Да не мечите бисер в зал на «бис» не вызовут в награду, и не переиграть финал сей безрассудной клоунады.

но, может, через сотню лет правнук, сдувая пыль с картины, узрит бессмысленный балет под занавесом гильотины.

И позолота с дней уже сошла, И меркнут незакатные светила... Я позабыла всех, кого могла, и отпустила всех, кого любила.

ДВЕ ПОПЫТКИ СМИРЕНИЯ

Смиренье мне не по плечу: могу сквозь слезы улыбаться и верить в вечность, но хочу сейчас твоей руки касаться.

2. Что ж, жизнь не удалась - пора смириться: сомкнуть уста и выронить перо; иль говорить: «Влюб пяться в мир старо!», и думать: «Взять - да, к черту, - утопиться!»

МИРОМ ПРАВИТ ЗИМА

1.
Не прошло и недели морозом сковало прибой,
и анютины глазки
раскрыться уже не посмели...
Кто сказал: «Миром правит любовь»? Миром правит зима:
от тоски не сойти бы с ума ведь еще не прошло

и недели...

2. А не слишком ли смело влюбляться на склоне судьбы? Вот и осень сгорела отчаянно вспыхнули клены... По зеленому - белым прошел снегопад, и забыт наш пронзительный блюз, горько-сладкий на вкус, наш союзник бездомный.

Душа к престолу рвется вновь, ввысь, точно принц наследный - стихи идут - как горлом кровь - в последний раз,

в последний...

ДОЖДЬ

Дождь
перечеркивает все, что
ждешь,
тем более, если нет
зонта,
у тебя и у того, другого,
особенно если ты - не ТА,
то надо понять с полслова,
что лучше, когда не ждешь
в дождь...

Причина песнопенья и немоты Ты, недоступный зренью... А есть ли ты?

МАРГАРИТА

1.

Узорчатые ворота захлопнув за мужем, жду шепнул мне на ухо кто-то: «Жди, - к полночи я приду».

И был он не в меру смелым в азарте шальных речей. Я взгляда не разглядела под взлетом густых бровей.

Давно догорели свечи, допит ледяной крюшон... Мне Дьявол назначил встречу, А сам - не пришел.

2

Когда ничто не вечно на Земле, зачем Земля, где нет тепла и веры? Где на любовь не тратят сил и лет и лишь вражда отпущена без меры... Воды в камин! И прошлого золу не стану ворошить - пусть гаснет пламя. Шаги ведут в сияющую мглу, а стекла опадают лепестками... И лишь тюльпан, закованный в стекле, дрожит от неосознанных вибраций... Когда ничто не держит на Земле - бессильны даже цепи гравитаций.

За то, что поздно появилась и что не отняла прости. Я, кажется, любила... сильнее, чем могла.

Даже если жизнью наказанье на исходе, что же - не беда. TЫ - мое последнее желанье перед восхожденьем в Никуда.

TOCT

Плеснем на Солнце этого вина, и Солнце зашипит, но не погаснет. Ах, что на свете может быть прекрасней: пить с Солнцем, раскаленным допьяна! ***

Я просыпаюсь ночью и снова не знаю, спишь ли ты. И это во мне вызывает такое острое чувство одиночества... В темном проеме окна звезды подвешены на березах и мерцают в бессонном велоколепии вечности, и это не скрадывает, а лишь скрашивает мое одиночество. И оно вырастает до размеров жизни, прожитой

Б**Е**З:

ТЕБЯ.

И я закрываюсь ресницами и медленно впадаю в сон. Ведь это единственный способ увидеть тебя здесь и сейчас.

Бог с вами,

со всеми -

игройте,

как можете.

Духота

на сцене -

лезешь вон

из кожи,

льешь из пустого

в порожнее.

Каждому - по вере. Посижу в партере, поем

мороженого.

После конфет вино кажется кислым, а жизнь - горькой. Погиб поэт... Луну повесили. День скомкан.

**

Солнцу не лень каждый день вставать по часам. Ему плевать, кому светить нам ли - псам. Но там, где свет, всегда вспед -

тень.

Какой бред верить словам

людей.

АЗ ЕСМЬ

...И уронили охапку лилий, и спезы лили, правда не все четверо из пяти. И говорили: «Она была». А я сказала:

«Аз есмь!»

и позвала.

Не услыхали. Поставили на мне крест.

Что же -

резонно:

всех подвела и проспала собственные

похороны.

Не зарекайся, что взяв билет, ты будешь это лицезреть всё, до титров, в которых нет имени режиссера. Этот бред по прозвищу

«жизнь» -

просто афера *броа,*

завяжи,

покинь зал... Тебя пугало слово «финал». Какой ты, к черту, когда не знаешь - конца нет.

Есть Начало.

Отмерен век. Довольно

куковать.

А я считала, что пришел срок по имени. Но по губам прошлась плеть, а мне казалось, что пришел день И вот осталось кем-то вновь слыть,

а я-то думала: настал час БЫТЬ.

ТВОЙ ЛИК БЕССМЕРТНЫЙ

Её Величеству

Пусть, жизнь - игра, да только свеч и стоит: секунда - партия, а до второй века. Над сном и явью,

бытием и тьмою твой лик бессмертный восстает, Тоска...

Самый длинный забег жизнь.

Остановись.

Отдышись.

К чему спешить, ничто

уже не внове.

Уймись, Тоска с тобой одной мы крови.

Олег ЖУРИН

ДВА ЛИКА

БУБНОВАЯ ДАМА

- Ну, погадай, погадай, - уступила наконец Ольга настойчивым, неоднократным предложениям подруги. - Знаешь ведь, все равно не поверю.

- Не это важно, - убеждала ее Татьяна. - Главное, чтобы ты задумалась, кардинально пересмотрела бы свою жизнь: в наше время за свое счастье бороться надо, а ты сидишь ждешь, когда оно само на тебя с неба свалится. А ведь тебе скоро тридцать!

- Опять!! Я сейчас встану и

уйду, а ты оставайся и гадай тогда самой себе. Сколько можно об одном и том же!

- Не буду, не буду больше! Ну что ты вскочила, в самом деле! Садись и не нервничай, а я молчу, все! Вот только карты перемешаю.

Ольге шел двадцать восьмой год. Она была девушкой видной, образованной, из хорошей, обеспеченной семьи. Да и внешностью природа ее не обидела - все было при ней. Именно про таких как она в народе говорят: «Из кусочков маслица и меда Господь Бог шарик скатал».

Но вот с мужчинами ей почему-то не везло.

Потому и переживала за нее подруга, потому и предлагала - уже в который раз! - погадать «на интерес», искренне считая, что плохого не нагадает, а хорошее, если выпадет, непременно сбудется; все бабьи толки насчет того, что «на картах гадать, значит счастье свое прогадать», считала глупой чепухой, плакс и размазво ней презирала, верила в здравый смысл, волевой характер и креп-

кую руку: если уж повезло ухватить свое счастье за хвост, так держи его крепче, чтоб к другой не улетело.

- Счастье не прогадаешь, - утверждала она, - тем более, что оно давно уже всемогущей рукой в твою программу заложено.

И действительно, глядя на нее, хотелось этому верить. Все у Татьяны было: и дом, и семья, и удача, и деньги. Приходилось только удивляться, как хватало ее сил на мужа, детей, семью и фирму, которой она сама руководила, и даже на Ольгу. Может быть, эта жизненная энергия Татьяны какими-то неведомыми нам путями меняла свою полярность в Ольге, и та, в свою очередь, в тени волевой подруги могла выглядеть, когда хотела, слабой и женственной, капризной и ленивой, соблазнительной невезуньей.

Хотя, с другой стороны, злые языки поговаривали, что в концето концов не сама Ольга, а несчастны жертвы ее, из которых высасывала она все, что ей нужно, до последней капли, а в итоге, ловко спланировав свое отступление, оказывалась в глазах окружающих брошенной, потерпевшей, вновь не понятой и несправедливо обиженной очередным «женихом».

Но недаром говорят: как веревочке ни виться, конец ее все равно виден будет.

- Так. Перемешала, произнесла Татьяна. На-ка, зажми карты между ладонями, сосредоточься на том, что загадываешь, и пусть все это через тебя на карты пройдет.
- Ничего я не загадываю! опять вопыхнула Ольга. Больно мне надо! Это ты все навязываешь мне счастье свое! - но карты взяла. - Навязываю, навязываю, - миролюбиво согласилась Татьяна, -
- только не свое счастье, а твое тебе же добра желаю.
- Что мне надо, у меня и так будет! Сама же говоришь: все уже запрограммировано.
- Будет, будет, все у тебя будет. Только не нервничай и сосредоточься лучше.
- Готово? через минуту спросила Татьяна. Доверяешь мне, чтобы через меня открылось тебе в картах счастье твое?
- -Доверяю, доверяю, давай, гадай скорее, показывай мне «счастье мое», а то жду не дождусь его поскорее получить!
 - Не ехидничай. И зря иронизируешь - потом еще благодарить
- меня будешь. Та-а-к. Давай посмотрим, что у нас получается... Для начала определимся: ты девушка незамужняя - значит «бубновой дамой» будешь. А кавалер, то есть, «интерес» твой, - крестовая масть. Вот и увидим, как все складывается.

Татьяна начала не торопясь вынимать из колоды карты, складывая их на столе тройками друг под другом.
- Господи! Черноты-то сколько! Сплошные «пики» лезут.

- И что? насторожилась Ольта.
- Неприятностей у тебя было много, много вокруг тебя негативного.
 - Конечно, повсюду враги!
- Вот ты смеешься, а кто мне всегда жалуется на сплетни глупые вокруг тебя - не ты?
 - Ладно, ладно что там конкретно?
- Да вот и «дорожка» к тебе крестовая, теми же крестовыми «слезами» перемешанная, и «интерес» твой бубновый, правда, меркантильный какой-то, и «пустые хлопоты» крестовые все здесь.
 - Ты, подруга, яснее выражайся, что загадками-то говорить!
- Это язык такой карточный, гадальный. Я ведь тебе говорю только то, что карты показывают, а выводы для себя ты уж сама делай.
- Хотелось бы пояснее, однако ... Ты уж посодействуй, милая... Если взялась...
- Ну вот, ты снова злишься. А зря. Я-то здесь при чем? Это карты!
- Ладно, ладно, я и помолчать могу. Давай дальше «гадай». Только без нотаций!
- Да какие нотации-то, Оля?! Я ведь еще ничего и не сказала, только начала, все главное дальше будет.
 - Ну-ну, посмотрим...
- Да вот здесь и «дом» твой, «интерес» твой домашний может быть, замуж хочешь...
 - Хочу, хочу, аж бледнею при мысли!
 - Оля, не злись: вдруг это то, что наконец тебе и нужно?!
 - Ладно, слушаю дальше.
- Вот и дама червовая вышла с бубновыми «заботами». Это или мама твоя, или я, твоя подруга, переживаем за тебя.
- Да что же это вы все переживаете-то за меня, господи! Безрукая я что ли? Достанете вы меня своей заботой!
- А вот, смотри, наконец и ты появилась бубновая дама, и выходит тебе «дорога поздняя» с крестовым «свиданием».
 - Ночью что ли?
- «Поздняя» это только так говорится; не сегодня, значит, и не завтра потерпеть придется.
- Да я всю жизнь терплю! Нищету эту, дураков вокруг себя, мужиков каких-то замызганных! Господи! Когда же ты меня услышишь?
- A вот и посмотрим дальше может, и услышит. Это так, самое начало было, а главное дальше будет.

Татьяна собрала карты и стала их тщательно перемешивать. Ольга сидела, повернув голову к окну, глядя куда-то далеко, скорее всего, не видя там ничего, а глубоко задумавшись над тем, что происходило сейчас у нее в душе, ведомом только ей одной.

«Гадалка» положила на стол бубновую даму и начала раскладывать вокруг нее остальные карты, образуя сложную многоугольную фигуру.

- Эта на сердце, эта под сердце, завершила Татьяна. А этой глаза твои бесстыжие закроем. Ну-ну! Что ты сразу надулась? Это шутка такая гадальная. Так. Что же у нас получается... Во-первых, сразу тебе скажу, пиковой масти многовато.
- Конечно, мне же без этого никак нельзя! Какое же счастье без страдания?!
- А знаешь, это мысль! Может, нам и счастье отмеривается соразмерно нашему страданию?
 - Ага, только в обратной пропорции!
 - И то верно: все мы, бабы, несчастные. И чего хотим?!.
 - Ну я-то знаю чего хочу, только боюсь, не дождусь этого.
 - Как знать... А вот мы сейчас и поглядим...

Татьяна сделала серьезное лицо, глубокомысленно покашляла, драматично вздохнула и начала:

- Все, что сверху, это, так сказать, у тебя «в голове»: твои мысли, переживания, желания. А эти карты внизу показывают то, что ты «ногами топчешь».
 - Опять?! Ну и кого же я, по-твоему, «затоптала»?
- Да не злись ты! «Топчешь» это опять же только гадальный термин и означает, что все это было, было и прошло мимо, тебе ненужное.
 - Вот-вот!
- Только я думаю, что это другое. Скорее всего, эти карты внизу показывают то, что в нас глубоко спрятано, в чем мы даже себе не всегда признаемся мир наших тайн интуиции.
 - Интересно, в чем же я боюсь сознаться?
- Не сейчас. Все по порядку. А эти карты по сторонам показывают все, что происходит вокруг тебя: встречи, расставания и другие события.
- Ну, это я и без тебя знаю, причем, гораздо лучше.
- Все верно. Только мы увидим, что из всего этого лишнее, а что для тебя самое необходимое.
 - Что ж, это дело суеты меньше будет.
 - Так вот, подруга, в голове у тебя черным-черно!
 - Ну да, и ни одной светлой мысли!

- Не смейся, а посмотри сама: «злость» какая-то у тебя от «крестовой дорожки» и «крестовой любви»...
 - Да пошел он со своей любовью...
- Зря ты так. Интересный парень. Не понимаю я тебя, Оля: если бы ко мне такой ходил, я бы недолго сопротивлялась.
- -Поэтому к тебе такие и не ходят. Они ведь тоже не ангелы тут кто кого, понимаешь?!
- Парень-то, вроде, хороший: с серьезными намерениями, кажется. А ты войну устраиваешь!
- А что мне с ним «в мире и согласии» на его «бюджетную» зарплату жить да в малосемейке в три угла?!
- Вот-вот: здесь же у тебя и «интерес меркантильный», и «крутой разговор» по этому поводу.
- Ну и что?! В конце концов я ему все прямо сказала, чтобы он окончательно понял.
- Да не все же в деньги упирается, Оля! Должны ведь и какие-то чувства быть, любовь, наверное?!.
- Любовь?! Какая любовь?! Где ты ее видела?! Это у вас с мужем «любовь»: зациклились на своей «семейной ячейке», только ради нее и вкалываете, только в нее все бабки и вбиваете, а вокруг себя ничего видеть не хотите! Не «новые русские», а «новые мещане» какие-то!
- А для чего же тогда жить и работать, как не для себя и своей семьи?
- Да ты посмотри вокруг: Европа, Америка все открыто, езжай, куда хочешь, перспективы-то какие!
 - Они там тоже, в конечном счете, для семьи живут.
 - Может, и так, только вот разница огромная.
 - С твоими запросами тебе и там тошно будет.
 - Ладно уж, это мои проблемы. Давай дальше рассказывай про «счастье» мое.
 - Да вот оно, «счастье» твое: здесь и король крестовый со своей «верностью» и «любовью в доме», здесь же и «друг благородный», кстати, с твоими «хлопотами» и «разговорами»...
 - А-а, этот!
 - Видный мужчина: я за две недели на нем пять приличных костюмов успела увидеть.
 - У него дома, в шкафу, еще несколько висят.
 - Вот видишь: и состоятельный, и к тебе хорошо относится.
 - Да, только ночью какую-то чушь лопочет и во сне хрюкает.
 - На тебя не угодишь!
 - А не надо и стараться пусть только нормальный мужик будет... Да что-то пока не встречала я таких!

- Можно подумать, много ты мужиков знала! А среди них этот единственный просто затерялся!
- Знала, Танечка, знала! А тот «единственный» все равно должен быть! Не может быть, чтоб его не было! Надеюсь, не таким козлом окажется, как мой первый.
 - Кто такой? Ты не рассказывала...
- A-a, и вспоминать не хочется. Потом как-нибудь... Проехали...
- А вот, кстати, мы до нижнего уровня добрались до мира наших тайн и интуиции. Здесь у тебя фифти-фифти: черного и красного почти поровну.
- Черного больше... Только мне плевать: если я решила чегото добиться, все равно добьюсь.
- A тебе это нужно, если по большому счету? Цена-то какой будет?
- Не трясись, подруга! Знаешь, как в песне поется: «Мы за ценой не постоим!..»
 - Ах, Оля, Оля, укоризненно покачала головой Татьяна.
- Давай, давай, не отвлекайся, дальше гадай! Хочу поскорее узнать о тайнах собственных и в чем это я боюсь самой себе признаться.
- Ну, смотри: вот «болезнь» твоя душевная, тяжелая и «свидание в слезах» при твоей «верности»...
 - Дурацкой!
 - А что, и правда было?
- Нет, нет, это я так... вырвалось. А если что и было, то «давно и неправда». Что дальше-то?
 - Да вот, «удар» какой-то для тебя при твоем «свидании».

Ольга побледнела.

- А здесь «любовь» твоя, «пустыми хлопотами» покрытая... Ну что ты, Оля, что случилось-то? забеспокоилась Татьяна, увидев, наконец, как изменилась в лице Ольга.
- Говоришь, «ногами топчем», тайны прячем, своего прошлого боимся? сузив глаза, зло, с расстановкой проговорила Ольга. Может быть, ты и права, только я твои «гадальные термины» подкорректировать хочу: это нас «топчут», а мы, дуры, молчим и поглубже свои тайны прячем, скрываем всю жизнь свой позор, да только напрасно он все равно в кошмарных снах к нам является. Хочешь знать, что я скрываю, о чем напомнить себе боюсь? Так вот, мне семнадцать тогда было, а он как раз институт закончил. «Хороший» такой, как ты говоришь, и очень «благородный» он тогда был, как мне казалось. Стихами меня засыпал, умными фразами с ума сводил. А я, дура, уши развесила, рот раскрыла! И не заметила, как он

85

меня в постель затащил, трахнул, а потом полгода делал со мной, что хотел! А все это за любовь принимала, восхищалась тем, что мы с ним, как он говорил, «являлись непосредственными участниками сексуальной революции». Потом, когда стало ясно, что «революционерке» придется аборт делать, он еще и поиздевался надо мной: «За свободу, говорил, - всегда приходится платить». Только почему-то в то время я одна платила... А теперь пусть все они платят!

- Оленька, ну не все же такие!

Глаза Ольги сверкнули, но на этот раз она сдержалась и очень тихо, с затаенной злостью, ответила:

- Не все, конечно, не все. Есть и хорошие... Только я им, знаешь ли, не верю и тебе не советую.
- Но ведь это еще не конец, Оля! Посмотри: вот «на сердце» у тебя «поздняя дорога», а «под сердцем» счастливые «домашние хлопоты». Значит, все еще будет, все будет хорошо, поверь мне!
 - Так кому же верить: тебе или картам?
- Карты, конечно, и наврать могут... Но что-то ведь сходится, сама видишь.
 - Сходится, сходится только «счастье» твое не заводится.
- А мы в твое прошлое и настоящее пока только смотрим, а сейчас в будущее заглянем. Там-то, я думаю, оно и ждет тебя, твое счастье.
 - Хочется верить...

Татьяна собрала разложенные в сложном порядке карты, снова перемешала их и стала по одной доставать из колоды, откладывая в сторону парные карты.

- Вот видишь, уходит «тяжелый разговор», «болезнь» твоя и «слезы» тоже уходят, значит, со временем все забудется, все будет хорошо. Оба короля, правда тоже уходят. Да и Бог с ними, другого себе найдешь, лучше этих! Вот плохо только, что «верность» крестовая от тебя уходит, зато и «меркантильный интерес» тоже. «Любовь» крестовая да и твоя... тоже уходят... жалко. Остаются всего лишь три пиковые карты: «удар», «злость» и «пустые хлопоты»... Ну, так получилось, Оля, я же не специально!
- Что же мне, всю жизнь что ли теперь с этим жить?! Если ты решила расстроить меня совсем, так и скажи!
- Да что ты такое говоришь, Оленька! Это еще не окончательный вывод давай дальше посмотрим.
- Зря я вообще согласилась на твое гадание. Мне уже никакого «счастья» не хочется!
- Паниковать рано! Так всегда бывает в жизни: полоса черная полоса светлая...

- Не хочу я никаких полос! Как я устала от всего этого! Когда же, наконец, будет нормальная жизнь?!
 - Будет, будет, все будет, только надо надеяться!
- Конечно, лишь это и остается: «надежда умирает последней» после нас!
- Ты извини, подруга, но карты все же иногда правду говорят: черные у тебя мысли, безрадостные какие-то.
- А где ее взять, радость-то?! Может быть, как в песне поется: «...в дуновении ветерка, шелесте листвы и лепете ребенка»?
 - Родить тебе надо!
 - Не смеши только!

Татьяна посмотрела на Ольгу печальным взглядом, но ничего не сказала, взяла карты и молча стала их перемешивать. К трем оставшимся она добавила из колоды еще тринадцать, перемешала их, начала вынимать по одной и складывать в два ряда по три, оставляя последнюю непокрытой другими.

- Итак, что же ждет тебя в будущем, стала завершать гадание Татьяна, открывая первую тройку карт. «Для тебя»: «известие» какое-то, надеюсь, приятное, с «крестовой дорогой» и «сердечным», видишь, черви! «свиданием», значит, счастливым «свиданием». Вот так! А ты слезы льешь! Не горюй, подруга, все у тебя будет замечательно!
 - Ну спасибо, хоть порадовала!
- «Для дома» твоего: «крестовое свидание» и «крестовые хлопоты» при «домашних интересах».
 - Свадьба что ли?!
- Как знать, как знать... От тебя будет зависеть! Что же было: а была «злость» от «удара» тяжелого... Ну, что было, то было, прошло, и нету забудь! Что будет: а будет у тебя, Оленька, «любовь крестовая» при огромной «верности домашней»!
 - А по «огромные деньги» в доме карты ничего не говорят?
- Да что ты, в самом деле, все об одном?! Не в деньгах же, в конце концов, счастье!
 - Несчастье в их отсутствии!
- Очень остроумно с твоей стороны. Будет счастье в доме будут и деньги! Вот и карты об этом говорят: «чем дело кончится» свадьбой, видишь, туз червовый! «крестовой верностью» и твоими долгожданными «интересами»! А чем все покроется, и Татьяна открыла последнюю карту, «поздняя дорога»...
 - Что же, опять ждать?..
 - Что делать... Значит, надо ждать...

Подруги задумались и на несколько минут приумолкли. Татьяна стала собирать гадальные карты.

87

ЗАЯВЛЕНИЕ НА ИМЯ ГОСПОДА БОГА

«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Библия (Бытие. 2-7).

То ли во сне приснилось, то ли не со мной все это было сейчас уже и сам понять не могу. Очнулся я, помню, на балко-Какой-то не. блеск меня привлек на деревьях напротив. Ну, блеск и блеск мало ли... А этот покоя не дает, режет, глаза мозг пронзает;

ощущение такое, что и нет вокруг ничего, кроме блеска этого, будто на балкон ступил, как в другой мир вошел. Стою, как сомнамбула: ну, что там еще такое так блестеть может?! И такой, понимаете, азарт охватил меня узнать это, что вдруг будто протрезвел я как-то сразу, - пошел, взял бинокль, ну и повел его на блеск этот. Капля! Да, самая обыкновенная капля, какие после дождя или ночной росы на листьях остаются. Обалдеть! Обычная капля, а сияет, как не знаю что!

Вот ведь, удивился я тогда, мала капля, а, пока не высохла, сияет как солнце. Стою на балконе с биноклем в руках и думаю: все в природе живет, до последней секунды за жизнь цепляется, потому и сама-то жизнь течет, продолжается.

И чувствую, что уже совсем я протрезвел. Прохладно как-то стало - решил в квартиру вернуться. Зашел и остолбенел: квартира-то моя пустая совсем! Матрасик какой-то обоссанный на полу валяется, простыней нет, одна одеялка прожженная, окурки, хлебные корки, груда бутылок из-под пива, водки и лосьона, пара тарелок грязных с такими же ложками, на стенах ободранные обои с заплатами, надписи на них какие-то с именами, адресами и телефонами, приветы в стишках матершинных, в углу телевизор сто-

летней давности на табуретке с перевязанной ножкой. На кухню зашел - одна газовая плита стоит, чем-то черным облитая, кастрюлька на ней такая же с парой-тройкой шприцев и раковина, забитая всякой затхлой дрянью. Про туалет и ванную рассказывать не буду, чтоб не смущать ваше воображение тонкое.

Обошел владения свои еще раз, прислонился к косяку, вижу двери тоже нет, - и задумался.

Интересно, думаю, значит, квартира у меня однокомнатная. Из ценных вещей, как видно, один бинокль остался, и тот в одной руке умещается. А сам я кто такой и почему живу здесь? Надо разобраться...

Да только вот туман в голове на сразу рассеивается. Обрывки каких-то картинок, эпизодов жизненных в мозгу перемешались. И пошел я на поиски документов каких-нибудь - официальных подтверждений своей виртуальной абстракции. Кроме майки и штанов от спортивного костюма, на мне, смотрю, ничего нет. В стенном шкафу нашел пиджак мятый с пустыми карманами. Здесь же пара рубашек затрапезных на гвоздиках висела, но и в них - ничего. Осмотрелся: важные бумаги и спрятать-то негде. Однако догадался под матрац заглянуть - паспорт нашел. Весь паспорт в бурых пятнах, как после смертельного ранения, - в кино про войну такое видел, - ну, значит, своскресением поздравил себя. А вдруг не мой? - фамилию-то сразу не разобрать. Пошел к зеркалу фотографию с наличием сверять. Рожа, конечно, в зеркале другая, но общие черты какие-то узнаются, хотя и с напряжением. Фамилию, имя, дату рождения тоже разобрал.

Значит, сорок два... А в зеркале все пятьдесят восемь. Да...

Полистал паспорт дальше: женат-разведен, двое детей, военнообязанный, дюжина печатей прописки-выписки... Ну нет, остановил я себя, это слишком много сразу для только что воскресшего, со всем этим надо постепенно разбираться.

Отложил пока паспорт, прошелся по квартире - надо, думаю, прибраться, пока трезвый еще. Полдня возился: собрал всю дрянь в мешки и пакеты полиэтиленовые, отнес во двор, в ящик для мусора свалил, полы вымыл, в кухне и ванной все отчистил - в квартире совсем пусто стало, но и просторнее как-то, только эхо и осталось.

А пока порядок наводил, в стенном шкафу, на верхней полке, альбом с фотографиями нашел. И вот, как управился, решил его посмотреть - может, припомню что.

Мать и отца на первом листе почти сразу узнал, хотя и смотрели они на меня с фотографий молодыми еще - раза в два, наверное, моложе, чем я сам на данный момент. Да и грех не узнать

родителей: навек мы с ними связаны, и память о них всегда в нас голос подает, в каком бы состоянии мы ни находились.

Дальше сложнее пошло. Младенцы в колясках, школьники в пионерских галстуках, подростки на велосипедах, старшеклассники с комсомольскими значками, молодые солдаты среди военной техники, студенты на фоне университета и в веселых компаниях одним словом, лица, лица, лица...

Таким образом пролистал я несколько листов альбома с большим интересом, словно в чью-то счастливую жизнь заглянул. А для себя - ничего! Да, может, и не со мной все это было, и альбом-то чужой?! Просто какой-то «синдром Достоевского» получается.

А вот последние фотографии меня очень даже заинтересовали - вроде, напомнили что-то. Обычные семейные фотки: счастливые дети и их родители на фоне природы, дачного домика, новой машины, домашнего интерьера, с собакой и без... Очень интересно: счастливые дети, счастливая мать... Да и счастливый отец похож на меня с фотографии в паспорте...

Так, так,... - закрыл я альбом, - значит, и жена, и дети,... и все как у людей: квартира, дача, машина... И все это было. Почему же сейчас-то, кроме обоссанного матрасика и черно-белого телевизора, ничего нет? Куда все делось? Что случилось-то? Атомная война была, и коллапс наступил? Началось забвение, и пришла разруха?

Долго просидел я на полу в пустой комнате, собирая в памяти отрывки прошлой жизни. Ночь прошла, и утро наступило. Открыл я снова альбом, еще раз взглянул на последние фотографии, чтобы убедиться, куда искать идти.

...Да, дом. Кажется, тот, и скамейка у подъезда, похоже, та же; в самом подъезде только что-то не так - то ли краска другая, толи железных дверей слишком много; зато звонок у двери, вроде бы, тот же самый. Здесь, кажется. Звоню. Открывают.

- Такие-то, спрашиваю, здесь живут?
- Жили, отвечают, да давно уж съехали, года три-четыре будет, как разменялись они.

Ага, думаю, значит, новый адрес в квартирном отделе найду. Нашел, конечно. И вот снова звоню. И даже надеюсь на что-то.

- Здравствуйте, говорю, когда она сама мне открыла.
- Здравствуй, здравствуй, усмехается криво, давно не виделись: со времени последнего твоего запоя, месяца два будет. Денег не дам и не надейся, хватит.
 - Да не деньги мне нужны, оторопел я от такого приема.
- Да что ты говоришь! Чего ж тебе надо? сто грамм налить, опохмелиться?

- Бросил я, не хочу больше.
- Не смеши только! Зарекалась свинья...
- Я вернуться хочу.
- **Куда**?!
- Квам. Ктебе, к детям.
- Да кому ты нужен-то! Ты же все пропил, все, что у тебя было. И пропьешь все, что у тебя будет.
 - Больше не буду.
 - Да кто тебе поверит после всего, что было!
 - Слово даю.
- Какие еще слова?! Я их мало выслушала, что ли? Забыл, как соплями обливался. Когда сократили тебя пять лет назад? «Да я профессионал! Программист с большой буквы! Да где они такого специалиста найдут! Пожалеют еще!..» Помнишь? А помнишь, как грандиозные планы строил бизнесом заняться, в Америку уехать? Забыл уже, «бизьнисьмен»? Ичего ты достиг? Больше года выкручивался, деньги проматывал - только изнылся весь, жалости к себе требовал. Как же, не понимали тебя! Еще немного потерпеть не хотели! Советами тебе мешали! Забыл что ли? А как друга своего лучшего послал куда подальше - тоже забыл?! А забыл, как мы с детьми тебе больше не нужны стали? Мы же тебе все отдали, помочь хотели: машину, дачу - все продали. Но ты ведь гордый, тебе «подачки» наши не нужны стали - ты все пропить решил. И пропил все до последней нитки! Удивляюсь только, как ты бинокль отца твоего не пропил - видимо, совесть-то есть еще. Что вытаращился? Или уж и его пропил? Да что с тобой говорить: сегодня трезвый, а завтра снова в запой нырнешь. Иди! Не хочу я на тебя смотреть больше, - и захлопнула дверь.

Так вот, думаю, откуда у меня бинокль. И еще больше удивился живущей в нас вечно заботе родительской, что даже с того света до нас доходит и помогает в жизни, пока силы есть, до конца держаться.

А что касается бывшей моей, так бог с ней: всегда стервой была. В общем, ясно теперь: ни жены у меня, ни детей - «все смешалось в доме Облонских». А раз так, если уж сам я испортил жизнь свою, то сам ее буду и налаживать. Да и не может быть такого, в сердцах подумал я, что ни одного близкого мне человека на этом свете не осталось!

И тут вспомнил я про друга своего лучшего, про которого моя бывшая упомянула, которого сам я когда-то по глупости своей от себя оттолкнул. Не может быть, чтоб забыл он меня и не помог мне сейчас, в трудную минуту.

Друга найти - не бабу потерять: проблем нет, ноги сами привели.

- Что названиваешь, сынок? И не звони зря, никто тебе не откроет, - обламывает меня поднимающаяся по лестнице незнакомая старуха.
 - Что ж так? спрашиваю. Неужели страшный такой?
 - А некому тебя и бояться. Нет там никого.
 - Друг мой здесь раньше жил. Съехал что ли?
- . Съехал, да туда, откуда не возвращаются. Убили друга твоего, а остальные сами уехали. Ты иди, сынок, иди, не тревожь мертвых-то.

Вышел я на улицу сам не свой. Ничего не понимаю, только шум в голове какой-то, будто уши заложило. Очнулся лишь на середине дороги, когда прямо в ухо мне грузовик прогудел. Огляделся: жизнь кипит, дети играют, народ куда-то торопится. А я один! Какого ж хрена, думаю, в глаза мне вчера блестело, сознание мое спитое к жизни пробуждало?!

Итакая злость во мне поднялась! Ну ладно, думаю, жена ушла, детей забрала; квартиру и машину потерял - тоже не жалко. Но зачем, суки, друга-то убивать! Зачем последнее отнимать?! Что же мне теперь - одному что ли по жизни маяться?!

И решил я тогда разобраться со всем этим.

Главное - найти, кто друга убил. Пошел к алкашам своим знакомым - дали они мне наколку, к бандитам направили.

Прихожу,.. беседуем...

- Дело давнее, - мне говорят. - Не надо бы тебе, мужик, ворошить все это: тут виновных нет. А друг твой лишнее брал, делиться не хотел, а так нельзя. Нельзя! Совет тебе дадим: забудь, как и все забыли.

Ну, я на вас управу найду, если по-хорошему не хотите! К ментам пойду, а все равно докопаюсь. Обязательно, думаю, наказать надо. Нельзя, если человека жизни лишили, чтоб без наказания осталось. Бог - и тот не потерпит!

А менты мне прямо с порога: «За недостаточностью улик дело закрыли». «Как так! - начал я, конечно, возмущаться. - У вас людей убивают, а вы тут неизвестно чем занимаетесь!» А они и слушать не хотят, не смотрят на меня даже, смеются только: «Иди, иди, мужик, протрезвись, не мешай работать».

Злой я, конечно, домой к себе вернулся. Что ж это, блин, за жизнь такая стала, что и правды нет, и справедливости не добиться! И сел я в сердцах заявление писать, чтоб одним разом со всеми покончить. Долго писал, нужные слова подбирал, чтоб прямо в душу падали, до сердца доставали. И про обиды свои не забыл, и

про страдания других напомнил, и беззаконие осудил. На одном дыхании два листа исписал, не передохнул ни разу. А как закончил, сразу опомнился: а для кого пишу-то, кто мне поможет? Никто! Все отвернулись от меня. Да и кто сейчас будет другому помогать!

Одна надежда только на Бога остается. Вот и решил я прямо к Богу идти. Пришел в церковь, к батюшке нашему. Выслушал он меня - правду сказать, не перебил ни разу. Пожалел меня, что много мне в жизни претерпеть пришлось. Сказал, что Бог все видит: мне это зачтется, а врагов моих и обидчиков сурово накажет. Обещал молиться за меня.

Только вот думаю я, что далеко он от Бога-то - долго будет к всевышнему батюшкино заступничество обо мне идти. Надо мне повыше заступников-то искать. В Москву вот еду.

- Ик кому же ты едешь в Москву-то? спросил кто-то из попутчиков.
 - А к патриарху самому и еду.
 - Зачем?
 - Поговорить.
 - И о чем же?
 - А так, вообще, о жизни... Разобраться хочу.

Дмитрий МИЩЕНКО

Амитрию Викторовичу Мищенко 35 лет. В его биографии есть эпизод, заслуживающий ува ения - он воин-интернационалист. В 1984-86 г.г. проходил службу в Воздушно-десантных войсках в частях ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Амитрий уроженец Ульяновска. Закончил Санкт-Петербургский технический университет. С 1991 года живет в Димитровграде, работает в компании «Связьатоминформ».

С 1989 года пишет стихи. В «Черемшане» первые его публикации.

«НЕ ГРУСТИ, МОЯ ДУША...»

I MAPTA

На первый взгляд, все нынче, как вчера: метель метет, лес голый за оконцем, но все же чуть теплее светит солнце, и воробыи кричат чуть громче, чем вчера. Сегодня - первый день, как к нам пришла весна!

ИСТОРИЯ О ПОТЕРЯННОЙ ЛЮБВИ

Считая искренне, что с милым рай и в шалаше два юных существа зерно любви сажали, весь в розах счастья куст взрастить мечтали, искусно обходя все беды и печали...
Но в жизни все сложней, чем виделось вначале. Лишь Мендельсона марша звуки отзвучали, их поглотил житейских дел водоворот: квартира и гараж, машина, дача...
Мечту о счастье они дальше прячут, считая: «Мол, успеется потом,

накопим денег и свое возьмем». Хоть дома сутками порою не бывают, зато достаток, деньгам счет не знают, нужде постылой наступил конец, и их шалаш походит на дворец: ковры, хрусталь, обои из Европы... Но только их любовь увяла что-то, лишенная взаимного тепла и ласки. С каждым днем они от друга друг все дальше, дальше,

и больше в сердце зла, а в чувствах фальши. Угас семейный их очаг не вдруг тяжелый жернов быта размолол, крутясь за годом год, за кругом круг, то первое зерно, что вместе посадили. А кто его крутил? Они же и крутили.

Лишь тот, кто сможет розы удержать за стебли, все покрытые шипами, достоин наслажденье испытать благоуханными и нежными цветами.

О РЕВНОСТИ

Любимую закрыв на ревности замок и бросив ключ на дно глубокого колодца, ты будешь ей любим, как узником палач, его лишивший воли, неба, солнца.

Я феминисток не люблю, но в то же время понимаю - себя с мужчинами равняют они не от хороших дней. Не каждой Женщине в своей судьбе

пришлось Мужчину встретить и силу слабости заметить, которая природой в ней была заложена. Ведь ей на протяжении столетий друзей, любовников, мужей пленяли дамы

и заметьте, что эта слабость посильней, чем узы кованных цепей.

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

В глазах у женщины, всмотревшись, не сразу, а во влажной глубине, как в сокровенном личном дневнике, прочту, о чем с собой наедине она мечтает, будний день итожа, о том, что ей желанней и дороже и свято эту тайну сохраню, - она нежна, как аромат "Шанеля"... ... а впрочем, счастья женского рецепт давно уже секрет полишинеля*.

^{* -} секпет, который всем известен

ЗИМНЯЯ ВИШНЯ (образ собирательный, прототипа не имеет) Что имела не хранила или вовсе не нашла? Так уж вышла - одинока, а ведь молодость прошла. Сколько лет живет в туннеле без просвета на конце? Хочешь - зеркало подскажет по морщинкам на лице. Шутит днем - одной мне лучше, не знакома мне слеза, по ночам всплакнет в подушку, утром - красные глаза. Ей бы кто шепнул на ушко: - Тымила, ты хороша, улыбнись - тебе так лучше, не грусти, моя душа. Но такие откровенья для нее давно мечты, и сама себе на праздник дарит дачные цветы. Это так несправедливо! И за что ей этот крест? Сердце женское закрыто под домашний под арест. Не растрачена вся нежность, - некому ее дарить, в берегах своих придется

АФГАНСКИЙ ОБЕЛИСК

это море ей хранить.

Плита гранита,

строки золотые фамилий все ребята молодые от восемнадцати до двадцати пяти, чужой войной оборваны пути...

Вздохнул мужчина и достал бутылку «Русской», налил стаканчик, выпил без закуски, налил второй и на гранит поставил, скупые слезы уронил на камень.

Глухая боль сжимает грудь тисками и кровь стучит как молот под висками,

когда всплывает в памяти картина: старик-отец пришел проведать сына.

ДОРОГА К ДОМУ

С тех пор минуло зим и весен много, но не забылась дембеля дорога. Жара, Кабул, взлетаем на ИЛе, Союз, Ташкент - мы на родной земле. В Самару поезд, на троих купе, бутылка и закуска на столе. Такси в Ульяновск, за окном - леса, поля - Руси просторная краса. Вдруг, в полночь, Волги ширь, над ней луна,

в висках стучит и нервы как струна. Двор, дом, подъезд, взлетаю по ступеням, смотрю на дверь и сам себе не верю. Звоню, открыли - радость, суета; как за два года выросла сестра!. Пес бросился - спросонья не узнал (наутро долго руки мне лизал). Родительскому счастью края нет, вернулся сын, как не было тех лет, - двух лет войны, которую прошли в чужой стране отцов невоевавших дети. Зачем, за что... и кто за то в ответе?

25 Декабря 1998 (годовщина ввода войск в Афганистан)

инь и ян

Как все я сотворен из двух начал - мужского, суть моей реальной жизни и женского, чье время не пришло, но, как бутон, оно во мне хранится, цветка, что может позже распуститься.

Пройдя сквозь пелену небытия, хотел бы я родиться в женском теле, познать своим девичьим естеством слияние с мужчиною любимым, блаженство ласки его нежных рук и наслажденье от проникновенья; изведать таинство зачатья новой жизни и радость материнства; и восторг, рожденный мелочью сентиментальной; жить не умом, а сердцем и душой; навзрыд рыдать, когда несчастье душит и звонко хохотать в веселье растворясь;

на кухне изливать подруге душу, секретами чужими с ней делясь.

Быть женщиной в всех своих порывах, но в глубине себя хранить ее - ту самую мужскую половину, в которой возрождение мое.

Пишу я не за гонорар, не жажда славы мною правит, венка из лавров не ищу что лавра лист? Лишь суп заправить.

На белый лист перенося свой импульс радости иль боли, я не рифмую на заказ творю лишь для себя, не боле.

Влюбленность моя Муза, с ней ко мне приходит вдохновенье, и милым женщинам дарю я, как цветы, стихотворенья.

Их благодарные улыбки и слова и то, что в глубине очей читаю - награда мне, на фимиама дым, как он ни сладок, я не променяю.

Случается, накатят грусть с хандрой, и лезут мысли всех чернил черней, но из контрастов (в этом жизни суть) и состоит цепочка наших дней.

Излечит Время-лекарь все печали, банально это, что ни говори; то, что проблемой мнилось до заката, развеют как туман лучи зари.

По лабиринту будних закоулков ведут меня как Ариадны нить: Надежды компас, Вера, что все к лучшему, Любви маяк - его не погасить.

ДОРОГА В ОБЛАКА

Полет во сне - небесная стезя, как жаль, что наяву вот так нельзя, раскинув словно крылья две руки, парить в лазури смыслу вопреки.

Я так похож на парус корабля, мне Ветер-Брат родней, чем Мать-Земля, дух вольной птицы в человеческой плоти как в клетке днем, но ночью он летит!

Нет, не резон жить вечно в своем теле, ведь что такое смерть на самом деле? Душе она не чужда, а близка, дорогу открывая в облака, способствует стремленью к высшей цели.

Мне хорошо наедине с собой, я сам себе прекрасный собеседник, одновременно предок и наследник всему, что мне отпущено судьбой.

Перебирая в памяти стихи, как стопку фотографий, вспоминаю минувшие прекрасные деньки и в будущее мысли простираю.

Я рад всему тому, чем наделен и от добра добра я не пытаю, поэт в душе - и в жизни суть влюблен и к смерти отвращенья не питаю.

Простор Вселенной нашей бесконечен, и Абсолютный Разум мудр и вечен, как из тончайших нитей паутина, из разных душ он соткан неделимо. Идя дорогой перевоплощений, они проходят много измерений, на свет рождаясь в теле незнакомом, планету новую считают своим домом. Наивно думать, что мы одиноки, вести себя как на Олимпе боги, Земля - песчинка в Космосе бескрайнем, не повредить бы нам ее случайно.

ЛЕГЕНДА

Узнав о божьем намереньи дать человеку жизни нить, сам Сатана Его творенье решил в зародыше сгубить. Он человека так подпортил, чтоб тот чего нельзя хотел и через это ненавидел и грабил тех, кто все имел. Но Бог дал людям светлый разум и дал способность понимать - спокойней жить тем, кто умерен, чем тем, чью алчность не унять.

Задумался властитель ночи, столетий двадцать, что есть мочи он колдовал и ворожил и вот, что, подлый, сотворил: он людям ценности запутал и истину оборотил - все умное представил вздорным, а глупость мудростью явил. Но Бог послал Христа на землю - Единой Истины посла, Христос посеял в душах семя и поросль в них взошла чиста.

И снова в адскую долину брел Сатана согнувши спину, там долгих тысячу годин сидел, в раздумии, один. И наконец решил, - ну что ж, раз истину не уберешь, так ей среди людей и быть, . а мне лишь надо научить их всех, но каждого - особо, считать себя такой особой. какая самым лучшим родом познала божию природу. Чтоб истиной владели гордо и на своем стояли твердо, других заблудшими считая. Вот где пойдет вражда людская!

Довольно руки потирая, захохотал он, понимая, что не придумать лучше зелья для сатанинского веселья.

ПОЖЕЛАНИЕ БЛИЗКИМ

Когда я лягу на погосте, устав от жизни в суете, не наполняйте глаз слезами свой срок я прожил рядом с вами и подошел к земной черте.

Укрывши гроб землей с цветами, меня напутствуйте словами, их начертав не на листе - на свежесрубленном кресте: «Все умираем мы в Адаме, но возрождаемся в Христе».

И ими же утешьтесь сами, а я останусь вместе с вами пока есть память обо мне.

РАЗДУМЬЕ

Непросто вникнуть в смысл бытия, так много непонятно в этом мире: от воскресенья до среды всего три дня, а от среды до воскресенья их четыре.

HAKOPOTKE

Дыханием слова перемежая, она ему шегтала, предвкушая: «Нет, нет, меня не нужно раздевать, я на минутку, скоро мне бежать!»

бдулла Касимович уже тяжело болел, но не переставал думать о том, чтобы завершить один из последних своих трудов - рассказы о том, как в военную пору его семья сдружилась с семьей ныне широко известного в мире писателя Чингиза Айтматова; о своих более поздних встречах с этим интересным человеком; о том, какое влияние оказал Айтматов на творчество самого Гарипова...

Я, как мог, подзадоривал Абдуллу Касимовича, осознавая, что эти мемуары, эти литературно-критические заметки, а, может быть, и целая документальная повесть, - могут стать последним произведением димитровградс-

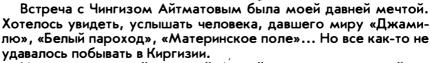
Поэтому мы обратились к архивам и представляем читателям «Черемшана» небольшие заметки, которые Абдулла Касимович успел опубликовать 22 июня 1974 года на страницах городской газеты «Знамя коммунизма».

В.ГОРДЕЕВ, главный редактор журнала.

ВСТРЕЧА С ЧИНГИЗОМ

Абдулла ГАРИПОВ

И вот передо мной весенний южный город, раскинувшийся в предгорьях Киргизского Ала-Тоо. Столица Киргизии в праздничном убранстве. Для республики этот год юбилейный - исполняется пятьдесят лет Коммунистической партии Киргизии и полвека со дня образования Киргизской ССР.

Фрунзе отличается четкой планировкой прямых, широких городских магистралей. Со многих улиц, прорезающих город с севера на юг, открывается чудесный вид на тающие в синей дымке вершимы Ала-Тоо. Кажется, южный конец улицы упирается в покрытые снегом горы. Но это всего лишь обман зрения. Горы не так близки, как это кажется.

Самое примечательное в природе Киргизии - это Ала-Тоо - «Пестрые горы». И в самом деле, живописность их кроется именно в пестроте, многоцветности, многокрасочности. Здесь разноцветны и сами горные породы, и высокогорные леса, сменяющиеся альпийскими лугами, и покрытые вечными снегами голубые вершины. Особенно красочен Ала-Тоо в часы заката солнца, когда перед изумленным взором человека горы предстают как бы раскрашенными во все цвета радуги.

Почему я задерживаю внимание читателя на живописных вершинах Ала-Тоо? Да потому, что Чингиз Айтматов просто неотделим от красоты своих родных гор, этой жемчужины природы Киргизии. Писатель любит и эти горы, и свой народ, и нам трудно представить его в отрыве от них. Эта любовь так ярко выражена и в песнях, и в речи героев его повестей. Вспомните, с каким чувством поет Данияр:

- Горы мои, сине-белые горы, Земля моих дедов, моих отцов!

Свое последнее предсмертное письмо, посланное матери с фронта, Маселбек Суванкулов заканчивает словами: «Прощайте, горы мои - Ала-Тоо! Как любил я вас!» («Материнское поле»).

...В семь часов вечера я приехал на загородную дачу писателя, расположенную у самого подножья Ала-Тоо. Отроги гор начинаются сразу же за оградой дачи.

По всему было видно: хозяин дома ждал гостя и радушно встретил у входа. На даче он был один. Семья находилась на городской квартире.

Передо мной стоял автор столь популярных среди разных народов «Повестей гор и степей», известный советский писатель, лауреат Ленинской и Государственной премий. Внимательно вглядываюсь в столь знакомые по фотографиям на обложках его книг и страницах газет черты лица, чуть тронутые сединой, слегка волнистые, густые волосы, добрую улыбку на лице. Одет он по-домашнему, в спортивной куртке.

С первых же минут знакомства меня покорили его исключительная простота, душевность и естественность поведения. Поэтому не удивительно, что с самого начала своего пребывания в гостях у Айтматова я чувствовал себя как дома.

103

За ужином в просторной гостиной между нами сразу же возникла непринужденная беседа. По обычаям восточного гостеприимства хозяин не только угощает гостя, но и занимает его, проявляя интерес к его здоровью, благополучию. Такой обычай позволяет хозяину задавать много вопросов гостю, что и старался делать Чингиз Айтматов по отношению ко мне.

Но все же мы успели переговорить о многом. С истории Киргизии переходили к истории Грузии и грузинской литературе, от темы Кавказа в творчестве Пушкина и Лермонтова к пребыванию Шевченко в оренбургской ссылке.

Чингиз Айтматов рассказывал и о своих зарубежных поездках. На даче писателя много сувениров, привезенных из разных стран. Некоторые из них весьма оригинальны. Вот седло. Оно лежит на тумбочке у входа из гостиной в кабинет. И удачно вписывается в современный интерьер гостиной, которая благодаря своеобразному освещению скрытыми от глаз светильниками символически напоминает юрту. Свет в гостиную проникает как бы с неба.

Айтматов показывал мне и сувенир, подаренный ему в Испании. Это небольшая фляга из козьей шкуры с художественной росписью на тему из испанского быта.

Идя к Айтматову, я заранее знал, если писатель на даче, значит он работает, пишет. Он принадлежит к людям, знающим цену времени. Поэтому я сознавал, что своим визитом отрываю его от творческой работы.

Все же некоторые обстоятельства давали мне возможность затеять разговор и о творчестве писателя. Чингиз Айтматов родился и вырос в Таласской долине Киргизии, здесь окончил среднюю школу. Повести «Джамиля», «Прощай, Гульсары!», «Первый учитель», «Лицом к лицу» изображают жизнь людей Таласской долины. До войны несколько лет мне пришлось жить и работать здесь. Таласскую долину я исходил и изъездил от Покровки до Таласса и Чат-Базара. В те годы в Киргизии не было ни первоклассных автомобильных дорог, ни высоковольтных линий электропередач, сегодня пересекающих республику во многих направлениях. Тогда по селам и аилам приходилось ездить на бричках или верхом на коне, подчас останавливаться на ночлег в одиноких юртах табунщиков и чабанов.

Я рассказал Чингизу Айтматову о своей довоенной жизни на его родине, в Таласской долине, где не был уже 20 лет. Это заинтересовало писателя, и он подметил, что за 20 лет многое изменилось в Талассе.

Пытаюсь снова перевести разговор на его творчество.

- Конечно, - говорю я, - все герои ваших повестей взяты из жиз-

ни. Но «Белый пароход»?! Здесь так много эпического, легендарного... На что Ч. Айтматов отвечает:

- Все персонажи «Белого парохода» тоже взяты из жизни моего народа. Да и легенды живут в народе.

В каждом слове, каждом жесте писателя чувствуется его любовь к своему народу, к родной природе Киргизии.

- Не думает ли Чингиз, столь много путешествующий по Советскому Союзу и зарубежным странам, отразить в своем творчестве и жизнь других народов? - задаю каверзный вопрос.

Чуть подумав, он заговорил с мягкой улыбкой:

- Во-первых, вот вы же сами говорите, что в художественной литературе о Киргизии пока еще написано очень мало. С этим можно согласиться. Как видите, нам, киргизским писателям, много работы и у себя дома. Поскольку другие писатели ничего не пишут о Киргизии, мы, киргизы, сами стараемся понемногу. Вовторых, каждый пишет о том, что он хорошо знает. Если я три раза был в Индии, это не дает мне еще никакого морального права писать о народах этой страны. Я их не знаю так, как знаю свой народ.

Да, надо отдать должное и этой стороне литературного творчества Айтматова. Он досконально знает то, о чем пишет. Нет необходимости здесь упоминать, как хорошо Айтматов знает жизнь своего народа, простых людей труда - животноводов, хлеборобов. Отсюда его умение психологически тонко чувствовать и глубоко раскрывать их внутренний мир

...Ужин и беседа затянулись.

Я стал выходить из-за стола. Айтматов в форме шутки бросил замечание мне:

- Нехорошо оставлять недопитое вино.
- Но чай-то я выпил весь, без остатка. Нехорошо, когда гость оставляет недопитый чай...

Айтматов тепло улыбнулся тому, что я не забыл киргизский обычай.

Он прошел к себе в кабинет. Войдя к нему, я застал его за письменным столом. На обложке своего однотомника «Повести гор и степей» он писал для меня автограф. Вручив книгу, Чингиз Айтматов тепло оделся, чтобы проводить меня до машины. По старинному киргизскому обычаю хозяин провожает гостя до коня.

Весной ночи в Киргизии холодные. Как только заходит солнце, в долины быстро опускается прохлада с Ала-Тоо. Мы немного задержались в саду. Ч. Айтматов показывал мне деревья, которые посадил лично сам. Среди них были две сосны, довольно вы-

105

сокие и пушистые. Прощаясь с писателем, я пожелал ему новых творческих удач и пригласил его в гости на родину Ильича.

Минуту спустя машина умчала меня от отрогов Ала-Тоо навстречу ярко освещенной столице Киргизии.

Через несколько дней я покидал гостеприимный Фрунзе, унося с собой яркие впечатления не только от встречи с Чингизом Айтматовым, но и от посещений театров, музеев, картинных галерей киргизской столицы. Особенно волнующими были мои впечатления от всего увиденного в мемориальном музее Михаила Васильевича Фрунзе, одного из близких соратников Владимира Ильича Ленина.

NHLY

ВОЗВРАЩАЯСЬ В ЗАБЫТОЕ ЛЕТО

Раскрываю свой старый дневник и листаю истрепанные страницы. Читаю и поражаюсь, - неужели все это было!

В то лето я собиралась написать большой роман, теперь уже и не вспомнить о чем я жаждала поведать миру. Во всяком случае, отправляясь на работу в детский оздоровительный лагерь, я позаботилась взять с собой толстую тетрадь, кучу авторучек, и преспокойно оставила дома купальник!

Приехав в лагерь «Зорька», я была поражена красотой места - сосновый бор, малинник, усыпанный теплой хвоей песок, тропинки стекающие с пригорка к реке. Пышные купы ив, отражающиеся в сонной рыжевато-зеленой воде, темный блеск листьев кувшинок в небольших заводях, кудри молоденьких пижм, земляничные поляны и прохладные заросли лопухов (это растение носит красивое название «белокрыльник», но тогда я об этом не знала).

Я решила, что ежедневно буду приходить на берег и писать свой бестселлер. Правда, облака комаров, заносчиво толкущихся возле меня, будили мрачные предчувствия. Как опишешь бурные эмоции или прелесть пейзажа, если ежесекундно придется отмахиваться от маленьких злючек?

Присмотрелась к своим питомцам в лагере - они такие же агрессивные, азартные и громогласные, как и у меня в клубе. Скучать мне не придется!

Утром сделала заказ на необходимые материалы. Завхоз, 107

строгая полная дама, посмотрела сквозь меня, вскинула брови и заметила лениво, что надо было заранее предупреждать, а теперь у нее ничего нет, все вожатым отдали!

Привет, приехали!

Девчонки-вожатые сообщили мне, что оказывается нужно анализ на СПИД сдавать, кровь берут из вены! Я перепугалась, я представить себе не могла, что окажусь в маленькой деревенской больнице, и немолодая докторица в поисках моей несчастной вены, сначала истерзает левую, затем, убедившись в бесплодности попыток, примется за правую руку. Я смотреть спокойно не могла на свою драгоценную кровушку, перетекающую в пробирку, поэтому отвернулась. В соседней комнатке с отворенной дверью, врач накладывал швы на лбу молодого парня, я содрогнулась, взгляд мой скользнул дальше - в прихожей стояла искусанная собакой бабушка, вся в синяках и кровоподтеках, до сих пор не знаю, как я в обморок не упала.

Вечером я смотрела игру «А ну-ка, мальчики». Просто поражалась остроумию и выдержке вожатых, все-таки наши детишечки далеко не ангелы, шум и рев стояли, как, наверное, на корриде.

Погода стоит чудесная, зато беды посыпались на меня градом. Правая рука после «операции» жутко болит, она покраснела и опухла. Помогала малышам вскапывать клумбу - перепачкала свои парусиновые башмачки, выстирала их - краска расползлась, я переобулась в босоножки, которые не замедлили расклеиться. Жара стоит, а я искупаться не могу, купальник-то дома отдыхает. К написанию романа я еще не приступала.

Перезнакомилась с детьми. Клеим с ними игрушки из бумаги, рисуем.

Я узнаю, что над лагерем витают духи любви. Даже восьмилетние малышки страдают, ревнуют, пишут записочки возлюбленным и рыдают, если избранники дразнят и толкают более удачливых соперниц. Весь день у детей подчинен одной мысли - вечером ДИСКОТЕКА!!! После полуденного сна девчонок труднее, чем мальчишек подвигнуть на игры, викторины, спортивные состязания, им необходимо приводить себя в порядок, готовиться к вечернему балу. После ужина напряжение усиливается, чувства обострены до предела, очаги ссор вспыхивают то тут, то там. Вожатые только и делают, что усмиряют истеричных барышень.

Синяк на руке растет, жутко хочется конфет и горячего душа. Села на выкрашенную голубой краской скамейку, и юбка с монотипией покинула ряды моего скудного гардероба.

Вечером в лагерь проникли туземцы, швыряли в окна шишки и высвистывали девчонок.

У детей новое увлечение. Стоило мне в одной из палат рассказать на ночь сказку, как об этом узнал весь лагерь. Теперь даже пятнадцатилетние верзилки занимают очередь на вечернюю сказку. Вожатые диву даются, - чем же я их так околдовала, - днем наши подопечные спят, чтобы вечером послушать мои истории, с дискотеки бегом бегут. Правда, уборкой территории они все равно заниматься не хотят, даже после моих уговоров (а, по-моему, бессмысленно заставлять их собирать шишки, если от малейшего ветерка всегда готова новая порция).

В меня влюбились два мальчишки из третьего отряда. Один из них выкрал мою тетрадь и написал: «Инга если ты меня догониш ты меня поцилуеш». Если Анютка и Танечка, вожатые третьего отряда, постоянно передвигаются в сопровождении свиты, то без меня дети теперь даже зарядку делать не хотят, приходится вставать в восемь часов и присутствовать на занятиях. Не то чтобы мне было тяжело вставать утром, просто, я до трех ночи по палатам сказки на ночь рассказываю, песенки пою, а в пять утра ухожу бродить в лугах на реке.

В единении с туманами, росами, пением иволг, ржанием лошадей на противоположном берегу, я черпаю силы для нового дня. В лагерь возвращаюсь к семи часам, и пытаюсь поспать еще хоть чуточку.

В нашей комнатке царит беспорядок - бесполезно прибираться, дети вторгаются к нам, бесцеремонно плюхаются на кровати (нам же оценки за них никто не ставит!), песок на полу не выводится. Всюду пачки бумаги, кисточки, карандаши. На спинках кроватей сохнет выстиранное белье.

Мне нравится, когда Анютка улучив момент, садится по-турецки на своей кровати, берет гитару и поет, чистым нежным гопоском. Мой репертуар пополнился чуть ли не десятком песенок, спетых Анюткой и Таней. Но гимном лагеря в этой смене стала песенка «В роще пел соловушка», ее мотив слышится даже в поскрипывании сосен и качелей. Вожатый Сережа, приветствуя меня утром, протянул руку, я ответила на рукопожатие и поплатилась, на моей ладони осталось пятно зубной пасты. То же произошло с Таней, мы попытались догнать обидчика, но он скрылся, а его второй отряд воспрепятствовал нашему мщению.

Все готовятся к празднику. Скоро «родительский день». Барышни стирают одежонку (в моду тогда только входили «Тайд» и «Ариель», стирать чем-либо другим, считалось неприличным), пытающиеся просочиться в сушилку без очереди подвергаются 109

репрессиям. Накануне «родительского дня» бигуди ценятся на вес золота, вожатых обобрали до нитки, счастливые обладательницы собственных волшебных палочек засыпают с туго накрученными волосами. Те, кто не успел занять очередь на «вожатские» бигуди и собственных не имеет, печально вертят папильотки. Один наш серьезный девятилетний товарищ Илья рассказывает, что очень соскучился по своей кобре. Когда мы со смехом спрашиваем, как же он не боится ее укусов, отвечает, что кобре ежедневно делают укол, «чтоб яд забрать». А спит она, завязываясь вокруг туловища кошки.

Смотрит спокойными глазами в обрамлении светлых пушистых ресниц и врет, твердо веря во все им рассказываемое. Ну, разве не чудо?

В «родительский день» дети проснулись вместе с птицами, некоторые убежали к воротам и жадно ждут, не появится ли из-за поворота машина. К одиннадцати часам подъезжает автобус, родители измученные тревожным ожиданием рвутся к своим чадам, чтобы прижать, приласкать, покормить. Но после первых бурных рыданий и приветствий родителей ведут на концертную площадку, где, проигрывая в битве с комарами, те в течение часа вынуждены смотреть концерт. Взоры вспыхивают радостью только когда на сцену выходит свой собственный вундеркиндик и чтото там эдакое поет или танцует. Отвыступавшиеся исчезают вместе с родителями, растерянные вожатые только и успевают собирать «отпускные» записки. Смотрю на притихших, взволнованных девочек, нежно жмущихся к матерям, и не верю глазам: неужели это те самые маленькие фурии, еще вчера закатывавшие скандал по малейшему поводу!

Мальчишки проще, они и сегодня вполне узнаваемы, хохочут, рассказывают взахлеб о своих подвигах хрипловатыми голосами, а сами так и шныряют глазами, выискивая почву для новых проделок.

Все, свершилось! Родительский день подошел к концу, несколько человек покинули лагерь, уехали домой. Оставшиеся немного погрустили, кое-кто всплакнул, но поедаемые сладости притупили горечь разлуки, а впереди были еще День индейца, День бантиков, День именинника и всякие другие приятные дни.

Я, побывав дома, набила чемодан новой порцией вещей, взяла купальник и выспалась... На следующий же день лагерь оккупировали тучи. До конца смены я так ни разу и не искупалась. Зато во время своих утренних прогулок нашла восхитительную лужайку с огромными ромашками, где можно всласть помечтать...

В лагере объявлено Чрезвычайное положение. Граф Дракула

трозит нападением на лагерь, наши дети должны отыскать знамя, пособное защитить от его войска. Это теперь так «Зарница» прокодит. Весь день дети бегают по лагерным джунглям, разыскивают вырезанных из бумаги зловещих летучих мышей, ведущих к спрятанному знамени. Само знамя обнаруживается мальчишками второго отряда ближе к вечеру, значит, вампирам не добраться до нас, ура! Мы спасены!

Начальник лагеря попросил меня и Анютку сопровождать его з небольшой деловой поездке. Сопровождаемые шутливыми замечаниями девчонок, мы сели в машину и, как оказалось, совершили экскурс в прошлое Новочеремшанска. Наш начальник возил нас по улочкам поселка и рассказывал. Оказывается, поселок назывался раньше Солованом в честь первого поселенца. Изнанально в поселке жили всего две русские семьи, остальные - чуваши. Что после революции отец его, владелец мельниц и магазинов, был раскулачен и лишен всего имущества. Ему пришлось работать на заводе дубильных экстрактов. Раньше здесь была прекрасная дубрава. А в селе Александровка владелец разбил великолепные яблоневые сады. После революции помещик пропал, его усадьбу разгромили, памятник Александру II, стоявший в селе свергли, от садов остались лишь воспоминания.

Быстро плыли на запад малиновые с золотом облака, в небе кружили вороны, будили своими криками тоску. Мне было грустно думать о тех, в чью жизнь стремительным вихрем ворвались перемены, взворошившие привычный жизненный уклад, переломавшие судьбы, оставившие черный пепел воспоминаний.

Вернувшись в лагерь, мы были поражены встретившей нас картиной: коридоры и лестницы залиты водой, дети носятся по комнатам не сдерживаемые запретами, празднуют «Королевскую ночь». Я сходила на веранду столовой, где бурлили дискотечные страсти, проверила как «отрываются» малыши, поцапалась с местными, и, дрожа от холода, вернулась в корпус. Встретила мальчишек, уставших от своей возни; уложив их в постели, рассказывала истории, одну за другой. Спать смогла уйти далеко за полночь.

Вот и пролетела первая смена. Я прогулялась напоследок по пюбимым местам, попрощалась с Батоном. Дети получили подарки за свое безупречное поведение, на заключительной линейке произнеслись все подобающие речи, спортсменов и артистов наградили, и, наконец, автобусы, с прилипшими к стеклам мордашками, двинулись в Димитровград.

P.S. А что же с романом? Он таки не был написан. Началась другая смена, нахлынули новые впечатления, новые знакомства, вытеснившие мои грезы. Я с головой окунулась в июль, и вспомнила о том, что собиралась написать бестселлер, только сейчас, перелистывая страницы старого дневника.

СТАРЫЙ ДОМ

Не знаю, что побудило меня остаться на ночь в этом заброшенном доме, то ли хотелось хоть на несколько часов вернуться в то время, когда у нас с Иркой все было хорошо, то ли внезапно нахлынувшая усталость. Как бы то ни было, я толкнул серую занозистую дверь, и безмолвный полумрак шагнул мне навстречу.

Позапрошлым летом, когда мы с Иркой только привыкали к тому, что мы есть друг у друга, наша любимая тропинка постоянно уводила нас от все клонирующихся безликих девятиэтажек в нетронутую пока маленькую частичку Старого Света. Здесь, скрытые от глаз буйной зеленью ясеней и кленов, мы сидели на полуразвалившихся крылечках то одного брошенного дома, то другого и говорили.

Странно, как много люди разговаривают, когда они интересны друг другу. И как много они молчат, когда приходит отчуждение. Я всегда больше болтал, чем она.

Она любила слушать. Идем бывало, я смотрю на ее профиль с вздернутым носом, с вечно обветренными губами, и думаю, что же там в этой хорошенькой головке таится, о чем она всегда молчит. Она почувствует мой взгляд, поведет глазами в сторону и скажет что-нибудь незначительное, словно и не слышала, что я там бубнил ей.

Свет фонарей елозил по провалившимся половицам, по подоконнику, засыпанному жухлыми листьями и высохшими насекомыми, прорываясь в просветы листвы, тронутой ветром. Кровать с решетчатой спинкой и довольно пружинистой еще сеткой уже лишилась в результате вылазок казаков-разбойников пары своих причудливых набалдашников, картина над ней повисла на правом уголке, грозя вот-вот свалиться, на месте выпавшего гвоздя, на светлом прямоугольнике шевелит усами черный блестящий жук. Я снял джинсовую куртку и уложил в изголовье кровати. Плюхнулся и покачался на сетке, закинул ноги, примостил голову на куртке и вспомнил, как мы с Иркой обследовали этот домишко.

Сначала прошли через кухню, на печке стояли два чугунка без дна, а из поддувала торчал обмусоленный веник. На полу кухни и других комнат валялись отсыревшие фотографии в большом количестве. Мы хотели собрать их, посмотреть, но, подняв одну наименее заплесневевшую пачку, обнаружили сонмище двухвосток. Ирка закричала, да и у меня мороз по коже побежал, когда эти милые зверюшки зашустрили в разные стороны.

На колченогом столе в «гостиной» и на кровати в спальне лежали еще не совсем выцветшие круглые вязаные коврики, а на

окошке, на порыжевшей леске висел кружевной вышитый лоскут. Высохшие кустики гераней в глиняных горшках, подстаканники с эмалевой росписью, с измятыми боками, раскуроченный электрический утюг, щелястая хлебница с окаменелыми крошками в чреве... Живописно свисающие грязно-оранжевые лохмотья обоев, обитель тараканов...

Вбитые в косяки дверного проема гвозди, с накрученными на них остатками бечевки... Такое впечатление, что хозяин вышел на несколько минут и почему-то не вернулся. И уж потом непогода и непрошеные гости вторглись в остывшее жилище и свершили переворот. Ну, не могли люди, жившие в этом доме, переехать и оставить альбомы с фотографиями любимых и близких. Оставить на произвол времени и случая немые отпечатки памяти с улыбчивыми девчачьими мордашками, котов в бабушкиных руках, подсолнухи и зависших над ними парашютистов. И картина-паспарту с Аленушкой у пруда, та что висит сейчас на одном уголке, неужели бы ее бросили, такую старую, знакомую с детства, и вязаные коврики...

Ирка высказала предположение, что хозяева, наверное, умерли. Мало ли что на свете случается, но мне кажется, что здесь было какое-нибудь странное происшествие.

Я вспомнил, как внезапно началась тогда гроза, и Ирка встала у окна, обхватив плечи руками и застыла, глядя на обрушившийся с неба ливень. Я подошел к ней и в первый раз поцеловал... Ее губы сначала были шершавыми, твердыми и неумелыми, впрочем, как и мои...

Я проснулся от скрипа кровати. Я не ворочался, это точно. Да когда сам скрипишь вроде и не замечаешь, вертишься с боку на бок и все. А так... Открыв глаза, я посмотрел по сторонам, конечно, ничего нет. Только свет фар проезжающей машины отобразил на стене тень сидящего с высунутым языком пса. Он скользнул по стене и пропал, а скрип повторился.

Я не двигался, так и присох к кровати. Об стекло стукнула ветка. С немым ужасом я увидел, что на окне колыхнулась вышитая занавеска. Стук повторился, словно в окно кто-то нарочно бросал камешки. Послышалось шлепанье босых ног по полу, брякнули створки окна. На пол слетел белый конверт. Я уже несколько минут сидел, прижавшись спиной к сухой, пахнущей старыми яблоками стене, совершенно обалдевший.

Мелодичный женский голосок, четко произнес:

- Так, так! Что там еще такое?
- Дашка, да будет тебе. Ложись, спи себе. Шеверяется да ше-

веряется как чеверяк! - пробубнил сонный старческий голос.

- Яблоки падают! задумчиво ответила невидимая мне Дашка. Зашелестела и слетела на пол конфетная обертка, и карамель захрустела на молодых зубах.
 - Опадут щас, а глупые еще, не продашь ведь...

Часы пробили полночь. Вторя им, где-то заголосила собака. Снова шлепанье ног, отворилась створка (холодильника?), и зажурчала наливаемая в чашку жидкость.

- Чего ты там, непоседа?

Кровать в соседней комнате заскрипела, сухое шарканье ног, постукивание палки, судорожный перехват слабых со сна пальцев по косяку...

- Молока хочу!
- Где моя шаль?
- Бабуля, да я ее накинула.
- Иди спать, неча по ночам есть.
- Я не ужинала...
- Небось, Ильдарку своего все высматриваешь? Только не видать тебе его. Нужна ты ему! Да ему родители тыщу невест уже пересмотрели. Я, чать, не совсем глухая, слышу, что соседи-то говорят!
 - Много чего тебе наговорят!
- Да. Ему в Филипповке девку-татарку сыскали. Только тен... тенхикум закончила, ее сразу и присмотрели.
- Не нужна Ильдару никакая татарка, он меня любит! запальчиво ответила Даша, голос дрогнул, звякнула чашка, шлепанье ног навстречу шарканью, хруст карамели...
 - Ой, что это?

На пол полетела тонкая белая стружка конверта. Щелканье выключателя, шорох разворачиваемой бумаги, тихий счастливый смех, щелканье выключателя, бряцанье створки...

- Он меня любит... мечтательно сказала Дашка, высунув голову в окошко (голос ее звучал с улицы). Он мне записку написал.
- Вот нехристь-то, поди, всю мою горизантему помял, паразит такой!
 - Гортензию, бабуль!
- Почтальон выискался! Любит он ee! Русский на татарке женится, а татар на русской никогда! Они знаешь, какие гордовитые! И я тебя взамуж за Ильдарку все равно не пущу, чтоб мой внук да мусульманом был!
 - Му-суль-ма-ни-ном!
- A все одно нехристь! Закрой окно, хватит на его окна пялиться. Он дрыхнет давно.

- Он не спит и смотрит в бинокль. Ему с седьмого этажа вся наша хибара видна, как на ладони. Сама тоже смотрела.
- Закрой окно, говорю. У меня спину ломит, а она сквозняки пускает.

Створки окна гулко хлопнули, ветер зашумел, зазмеились по небосводу молнии, раскат грома расколол мир на две части, стекла задрожали-задребежали под упругими толчками дождя. Грохнула входная дверь, мягко чвакнули сброшенные мокрые калоши, неуверенно зашаркали по деревянному крашеному полу старческие ноги.

- Дашка, чего уж убиваться. Второй день лежишь, я вот тебе яблоков пособирала, ты же любишь, глупые-то. А дождь-то как припустил. Я вот с Петровной-то язык чешу, а тут гром, я Перунато боюсь, бегом в дом, а ноги-то не держат, глина скользкая... Смех!
- Бабушка, да помолчи ты... голос Дашки тусклый, безжизненный.
- Дашенька, голубонька, слатенькая ты моя... Ведь говорила я, что Ильдарка на татарке женится. Любит не любит, а как отец с матерью укажут, так и будет. А ведь и то плохо, поженят сами, а потом как молодым жить? Я в газете прочитала, двое женатых слюбились, а ни он разжениться со своей не может, ни она от мужа уйти. Закрылися в гараже, в машине заперлись и газом каким-то отравились. Так и нашли их, сидят обнимку и все тут...
- Да, это песня, бабушка, такая есть, «Падал теплый снег» называется... Ой, помолчи уж лучше, ни видеть никого не хочу, ни слышать.

Шарканье, позвякивание посуды: - Опять чая нет! - чирканье спички, журчание воды, погромыхивание чайника, раскат грома, звон дождя, песня по радио, помехи вызванные непогодой, вызывают у певицы икоту. Шлепанье босых ног, скрип отворившейся, стук захлопнувшейся двери, протяжное: - Дашка, ты куда?!!

Скрежет тормозов у дома...

Вскрик!!!

Я проснулся от резкого, судорожного рывка своего тела. В запыленное, затянутое паутиной окно слепо щурится солнце. Взгляд мой упирается в стену, на рыжей поверхности которой белеет яркий квадратный отпечаток. Там висели часы. Там раньше висели часы...

Я, ежась от утренней промозглости, натягиваю отсыревшую куртку. Я смотрю на свои часы и понимаю, что они остановились. Тянусь за сигаретами и вспоминаю, что бросил курить, потому что Ирке не нравилось. Я торопливо иду к выходу, но один эф-

15

фектный мазок на картине разорения и запущенности заставляет меня оглянуться на пороге. Взгляд мой скользит, возвращаясь через кухню, к колченогому столику у окна комнаты, с брошенным на нем вязаным ковриком, и упирается в грязный с прогнившими половицами пол. На нем лежит яркая карамельная обертка...

В КАКОМ ИЗ МНОЖЕСТВА МИРОВ...

Жаркий томный вечер не спеша опустился на макушки сосен, опутав их оранжевой паутиной заката, безудержно-веселый свет соскользнул с вершин деревьев по золотистым стволам на уставшую от зноя траву, а спустя час прохладно-лиловые тени пришли на смену розовому флеру.

Но красота сегодняшнего вечера не трогала меня. Мы повздорили с мужем, и теперь он сидел, надувшись в комнате, а я глотала слезы обиды на балконе. В конце концов, комариный гомон загнал меня в дом, и я легла в постель, решительно не собираясь идти на уступки и мириться. Сон летел от меня, и я, взяв книгу, попыталась читать. Мой драгоценный супруг утопотал в душ, кошка, дождавшись, пока я приму удобную для чтения позу, принялась бесноваться за дверью, просясь ко мне.

Захлопнув книжку, я пошла к двери, и вдруг услышала удар НЛО об оконное стекло и что-то тяжело хлопнулось на пол лоджии... Темноты я не боюсь, одиночества тоже, но когда и то, и другое вместе!.. Я включила верхний свет, впустила кошку и, прижав ее к себе, залезла под одеяло, с ужасом ожидая как какоенибудь чудовище протянет свои щупальца ко мне в комнату. Но я услышала только смещной посвист какой-то загулявшейся пичуги, возвращающейся домой: эльфи, эльфи!

Муж вернулся из ванной, обернув полотенце вокруг бедер, и с удивлением воззрился на нас.

- Я думал, ты уже уснула.

Я соскочила с постели: - Я боюсь! К нам на балкон кто-то залетел, или жук, или что-то еще! Как стукнет по стеклу!

- И что это было?
- Да я боюсь смотреть!

Муж отодвинул занавеску, открывая проем балконной двери, и в комнату влетела огромная серовато-коричневая, мохнатая бабочка-бражник. Она ринулась (насколько это возможно для такого неизящного существа) к люстре, а муж кинулся к шкафу за видеокамерой.

Очевидно, бражник решил позировать со мной на пару, раз

он спланировал мне на голову и, невзирая на мои возражения, принялся описывать круги. Его трепещущие крыла ворошили мой волосы, я смеялась, изглазмоих лились слезы, а муженек крутился с камерой, снимая наше бурное свидание.

Наконец, бражник выдохся и прилепился на стене, вне пределов досягаемости, свет погасили, мы с мужем рухнули в постель, и я почти сразу уснула.

Мне снился беспредельно-розовый луг, огромные радужные мыльные пузыри медленно взлетали со стеблей диковинных трав и плыли над головой, не лопаясь, и вдруг я услышала:

-Эльфи, Эльфи!

Что это было? Почему мне знакомо это имя? А откуда я взяла, что Эльфи это имя? Это ведь означает что-то другое...

Мелодичный голос довольно громко произнес:

«...Когда наступит август, подойди в один из вечеров к рано потемневшему окну и отвори его, все в капельках росы. Впусти, не бойся, в дом

волну прохладного ветра,

пусть на гребне своем, украшенном венцом мерцающих звезд, принесет она дыхание ночи. Окунись в нее, закрыв глаза, и начнешь медленно погружаться...»

Я проснулась, было очень жарко, сорочку хоть выжимай от пота. Пришлось идти в душ. Тугие прохладные струи не могли утишить моей жажды, мне хотелось чего-то необъяснимого... Поэтому после купания я проследовала к холодильнику и, налив бокал компота, вмиг осушила его. Странно, мною овладело ощущение праздника, необыкновенности (не из-за компота, конечно), и оно все усиливалось.

Я приникла лбом к окну, над лесом нависла непроницаемая тьма, все было тихим и торжественным.

Пронзительный писк, совершенно мне незнакомый, всколыхнул не только успокоившийся страх, но и мужа с кошкой. Сначала завопила и вырвалась из-за неплотно прикрытой двери кошка и помчалась к одной ей понятной цели по коридору, потом всполошился муж. Не догадавшись включить свет, мы бегали за обезумевшей от счастья кошкой, крепко державшей в зубах нечто пронзительно-пискучее. Бегали, пока не загнали ее в угол. Невзирая на удары когтистых лапок и свирепое урчание, мне удалось высвободить из ее зубов маленькую летучую мышку, непонятно каким образом промахнувшуюся и попавшую к нам в квартиру. К счастью, наша неумелая, избалованная киска не очень повредила незваной гостье. Мышка сидела, распустив прохладные крылышки

117

на моей ладони, собираясь с силами, а кошка рвалась из объятий мужа, пытаясь отобрать свою добычу. Наконец мышь перевела дыхание и, соскользнув с летной площадки, затрепыхалась в воздухе. Мы проследили за ее неровным, беспорядочным полетом, переглянулись и снова отправились спать.

На этот раз мне пришлось поворочаться, чтобы улечься поудобнее. Мы немного поболтали, вспоминая события прошедшего вечера, муж спокойно засопел, я же не находила себе места. Кошка, решив, что на первый раз можно и простить наше возмутительное поведение, заскреблась под дверью. Ее назойливость не прибавила мне покоя, я вздохнула и пошла было к дверям, и вдруг услышала все то же: «Эльфи, Эльфи!»

Звуки увлекли меня на балкон, и что же я увидела? На широком деревянном подоконнике, на лакированной поверхности которого играли лунные блики, сидел крошечный человечек. На нем был неброский мохнатенький костюмчик, на длинных, ниже плеч, волосах, красовался цветок мальвы. Он смотрел на меня задумчиво, обхватив сцепленными руками одну ножку, и болтая в воздухе другой.

- Аты знаешь, продолжение песни? без обиняков спросил он.
- Я знаю много песен, чувствуя, что схожу с ума, ответила я.
- Тогда пой! приказал он.
- Ты эльф? чуть слышно произнесла я, протягивая к нему руку. Я Эльфи! гордо произнес человечек. Только не обременяй меня своим именем, оно меня не интересует.
- Подумаешь! вспылила я, но уйти не могла впервые в жизни со мной происходит чудо и повернуться к нему спиной, было бы просто немыслимо!
 - Пой свои песни! У меня слишком мало времени!
 - Но... я беспомощно оглянулась на спящего мужа.
 - Он будет крепко спать, пообещал Эльфи.

Я вернулась в комнату за гитарой и принялась петь все любимые песни подряд. Некоторые из них Эльфи только терпел, я замечала, как он ерзает, морщит крошечный носик, сдерживая зевоту; другие подпевал чистым ясным голосом. Луна уплыла в свои поднебесные заводи, небо заметно посветлело, голос мой устал, а Эльфи умоляюще смотрел на меня, ожидая продолжения. Я давно уже отложила гитару и пела песни, аккомпанемент которых был сложен для моих непослушных пальцев.

- Все!.. - выдохнула я. - Больше не могу, я не помню уже ничего...

ла, что лоджия открыта с трех сторон - нет ни стен, ни стекол, ни подоконника, ни самого Эльфи на нем. Я посмотрела вниз и, вздрогнув, потеряла равновесие.

Со сдавленным вскриком дернулась на своем диване, и тяжело дыща, уставилась широко открытыми глазами на окно, о которое монотонно билось мохнатое тельце бражника.

Кошка посвистывала носиком, обернувшись вокруг моей головы. Ее ровное дыхание убаюкало меня и, засыпая, я услышала:

«...Сначала опусти в темноту протянутые руки,

коснись макушек деревьев, взлохмать кудрявые кроны кончи-ками пальцев,

пошелести свежей листвой, и оторви ноги от пола...

Ты вытянешься струной, почувствуешь каждую клеточку своего тела

и вдруг выплывешь в притихший, удивленный мир.

Ты начала свой волшебный полет.

Все смолкло, все в ожидании, что, проплывая над неровной, мерно вздымающейся и опускающейся землей,

ты отворишь затворы всех тайн, найдешь объяснение необъяснимому,

но ты...»

Утро, свежее и лучистое, приветствовало меня, и я, несмотря, на беспокойную ночь, радостно вышла ему навстречу. Кошка уже сидела на подоконнике, блаженно жмурясь, и наблюдала, как внизу мягко шелестит листвой береза, чужие кошки возвращаются после ночных скитаний к своим подъездам, неугомонные стрижи полосуют золотистую утреннюю дымку, в кронах ясеней истерично вскрикивают дятлы, дворники ширкают своими метлами по асфальту, заливаются где-то в частных двориках петухи, и обиженно подают голос коровы.

Наш зеленый, затерянный в соснах город мчится через летний жар навстречу вечеру.

День полный забот, отнимает слишком много сил, чтобы наслаждаться красотой заката, и следующий тоже. С ума сводящая круговерть захватила, увлекла меня с собой и я не вижу, как полыхают венцы подсолнухов, не слышу стонов лягушек на прудах, не плещусь в прохладной воде среди лилий и аира. Станция Июль уже позади, а город все не сбавляет темп.

Я лежу на диване, откусываю по кусочку наслаждения от сочного яблока и увлекательного романа, муж сидит за компьютером, кошка нежится на подоконнике, подзакусив кончиками моего безымянного суккулента. И вдруг, мягко колыхнулась во мне

странная мысль, я отмахнулась от нее. Мысль была настойчивой, и мое сознание отвлеклось от книжной страницы, перелетев в неведомые, недосягаемые дали. Несколько минут я грезила наяву, а потом вдруг схватила тетрадку и начала записывать, не понимая, что собственно я делаю.

- Что ты делаешь? заинтересовался муж, пытаясь прочесть, заглядывая через плечо.
- Я пока не знаю, медленно ответила я, черкая ручкой по бумаге. На самом деле я поняла, это была песня, которую хотел услышать мой Эльфи. Она все это время звучала во мне, а я-то пела хоть и очень хорошие, но чужие песни...

У меня словно открылся третий глаз, и я узрела совсем иной мир, укрытый глубоко во мне, и захотелось показать его красоту другим людям. Меня охватило чувство сладкой печали, я казалась себе такой легкой, что порыв ветра мог увлечь меня за собой. У меня появилась волшебная палочка, с помощью которой реальность соприкоснется с чудесным... Будничная жизнь уже не пугает меня своим однообразием, я могу в любой миг перенестись в тот соприкасающийся мир, и может быть увлеку кого-нибудь еще, кого-нибудь, поверившего в мое волшебство...

- Вот, смотри! я протянула мужу исписанный листок.
- Что это такое?
- Читай, узнаешь!
- Это такие стихи?

Стихи? Да нет, это песня, просто мелодия у каждого своя, мы с Эльфи поем ее так:

«... Ты, взволнованный своей дерзостью, лишь улыбаешься одними глазами, пролетая над увлажненной травой, и исчезаешь в предутреннем тумане, не понимая, в каком из множества миров ты оказался...»

Мне показалось, что Эльфи вернулся и подпевает мне, болтая ножками, обутыми в башмачки из листьев подорожника, я выхожу на балкон и слышу, как свиристит августовская цикада. Мое, рано потемневшее, окно все в капельках росы, я оглядываюсь украдкой на мужа и протягиваю в темноту руки.

Эти рассказы были представлены Ингой Гаак на городской литературный конкурс и отмечены второй премией.

Алексей ЕФИМОВ ВОЗМЕЗДИЕ

Записки о работе Московского уголовного розыска. (Из журнала «Человек и закон»).

В истории Московского уголовного розыска были случаи, когда его работникам приходилось раскрывать преступления, совершенные в других городах. Вообще-то мы часто выезжали в разные концы нашей страны, но обычно эти поездки так или иначе были связаны с происшествиями в самой столице, когда мы шли по следам преступления, совершенного в Москве. Но выезжать в незнакомый город приходилось только в самых исключительных случаях. Лишь когда совершалось особо тяжкое преступление, когда его невозможно было раскрыть, как говорится, местными силами, к делу подключались муровцы.

Мне хочется рассказать о так называемой мелекесской операции работников Московского уголовного розыска, проведенной в 1936 году.

Суть дела заключалась в следующем. В Мелекессе Куйбышевской области была убита Мария Владимировна Пронина - делегат Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, член редакционной комиссии съезда, заслуженная учительница. Чтобы представить себе внутриполитическую ситуацию в стране, необходимо учесть, что преступление это было совершено буквально через несколько дней после принятия Конституции СССР 1936 года, поэтому оно прозвучало вызовом социалистической законности, социалистическому строительству в стране.

Общественность остро отреагировала на это преступление. В редакции местных и центральных газет приходили сотни писем, в которых рабочие, колхозники, служащие требовали сурово покарать преступников. Разговоры о мелекесском преступлении можно было услышать в трамваях, на улицах, в учреждениях. Но проходил день за днем, а газеты не могли ничего сообщить о поимке преступников. Тогда и было решено направить в Мелекесс группу работников Московского уголовного розыска.

Для нас, участников этой операции, события начались 18 декабря. Вечером ответственный дежурный срочно вызвал меня s МУР.

- Что-то серьезное? спросил я.
- Не знаю.

- Кто еще вызван?

Когда дежурный назвал остальных товарищей, которых в тот вечер собирал у себя начальник Московского уголовного розыс-ка Виктор Петрович Овчинников, я сразу понял'-случилось нечто чрезвычайное. Вызваны были Георгий Федорович Тыльнер, Филипп Иванович Безруков, Николай Филиппович Осипов, Дмитрий Сергеевич Колбаев, Иван Александрович Свитнев, Виталий Николаевич Реутов, Иван Александрович Челядко... Это был в какой-то мере ударный отряд МУРа.

Конечно, увидев друг друга в приемной начальника МУРа, мы прежде всего обменялись предположениями. Но ни одно из них не подтвердилось. Да и могли ли мы предположить, что будем расследовать преступление, совершенное в сотнях километрах от Москвы!

- Ну что? - вышел из кабинета Овчинников. - Все собрались? Заходите... Вы, наверно, догадались, что дело предстоит важное и серьезное. Времени у нас мало, буду краток... Всем вам, очевидно, известно о преступлении в Мелекессе. Там была убита и ограблена депутат Чрезвычайного VIII съезда Советов Мария Владимировна Пронина. Убийство совершено около десяти часов вечера. В поезде Пронина встретила свою знакомую, они вместе с вокзала отправились домой. Недалеко от кладбища их встретили трое... Знакомой удалось бежать. Вот, собственно, и все. По указанию правительства мы должны организовать бригаду, чтобы расследовать это преступление. И сегодня же, повторяю, сегодня же выехать в Мелекесс.

Здесь же, на этом коротком совещании в кабинете Овчинникова, мы узнали, что а Мелекессе над расследованием уже неделю работают бригады оперативных работников из Куйбышева, из Центророзыска, и, разумеется, местная милиция. Но результатов пока нет.

- Мы будем находиться в Мелекессе до тех пор, пока не раскроем убийство, сказал Овчинников. О работе независимо от результатов мы должны ежедневно дважды докладывать в Москву. Беспрепятственная связь нам будет обеспечена.
 - Мне хотелось бы задать один вопрос... начал было Тыльнер.
- Отвечаю сразу я не смогу на него ответить. Сейчас вы знаете столько же, сколько и я, Овчинников улыбнулся.

Некоторое время все молчали. Мы понимали, что задание было очень серьезным. В чужом, незнакомом городе предстояло раскрыть преступление, совершенное десять дней назад, когда свежих следов не осталось. К тому же до нас там работали несколько групп оперативников. С задачей такой сложности мы еще не сталкивались.

- Разрешите? в кабинет вошел начальник секретариата МУРа. -Виктор Петрович, поезд на Куйбышев отходит в 23.30. Билеты на всю группу заказаны.
- Отлично. Товарищи, сейчас двадцать часов. Двух часов на сборы вам, думаю, будет достаточно. Соберемся здесь же в двадцать два часа. Всем иметь при себе оружие. Для оперативной химической лаборатория все необходимое нужно взять здесь же.
 - Я уже подумал об этом, сказал Челядко.
- Самые ходовые растворы и реактивы возьмите в двойном количестве. И еще, товарищи, подумайте о версиях... В поезде обсудим.

Начальник МУРа Виктор Петрович Овчинников был прекрасным специалистом. Лишь одно его присутствие заряжало коллектив энергией, создавало атмосферу уверенности. Ему было всего девятнадцать лет, когда он начал работать в ЗЧК, в двадцать лет Овчинников вступил в партию большевиков. Он принимал активное участие в подавлении эсеровского мятежа, участвовал в аресте так называемых «анархистов подполья», которые совершили немало диверсий и ограблений. Близкий соратник Ф. Э. Дзержинского, Виктор Петрович Овчинников неоднократно получал от него задания по ликвидации особо опасных банд. Под его руководством была обезврежена шайка Мишки Курносова, которая терроризировала некоторые районы Москвы и области. Он же организовал и ликвидацию банды Гаврилова, по кличке Землянчик, грабившего кооперативные магазины в Москве и Твери. В. П. Овчинников задержал и особо опасного преступника Шрага, который орудовал под всевозможными вымышленными фамилиями и одно время выдавал себя даже за сотрудника Дальневосточного ОГПУ.

За большие успехи в ликвидации контрреволюции и бандитизма Коллегия ВЧК - ОГПУ дважды наградила его знаком «Почетный чекист», именными золотыми часами, именным боевым оружием. Кстати, за мелекесское расследование В. П. Овчинников был награжден орденом Красной Звезды.

...Когда в десять часов вечера мы снова собрались в кабинете В. П. Овчинникова, там уже были Н. Г. Миронов, Н. Г. Козлов, В, И. Прокофьев, Л. П. Рассказов, А. А. Жуков, Д. Л. Карабельник, Н. Л. Ножицкий, которые пришли проводить нас. Конечно, все они что-то советовали нам, припоминали сходные преступления, старались хотя бы приблизительно наметить план расследования. Но уж слишком мало было информации, поэтому детальную разработку операции решили отложить до приезда в Мелекесс.

Виктор Петрович подошел к сейфу открыл его и вынул три пары 1 наручников.

- Ведь преступников трое, улыбнулся он.
- Как бы не сглазить, сказал кто-то.
- Боюсь, что группы, которые там работают, уже сглазили все, что можно. А это, Ефимов, тебе. Овчинников протянул мне небольшой сверток. Спрячь и не разворачивай ни в коем случае. Пусть он лежит в чемодане. Развернешь только когда я скажу. Договорились?

По пустынным ночным улицам мы быстро доехали до Казанского вокзала. В Москве оставались друзья и дела, которые пришлось отложить. Разместились мы в двух купе мягкого вагона, но не успели отъехать и десятка километров, как нас пригласил к себе Овчинников.

- Ну что, продолжим? спросил он. Выспаться еще успеем, впереди дорога длинная... Итак, какие у кого соображения?
- Думаю, что убийство совершено с целью ограбления, сказал Тыльнер. Обстоятельства говорят именно об этом... Пронина возвращалась из Москвы, естественно, с покупками для детей, мужа. При ней был чемодан. Бандиты подстерегли е е по дороге с вокзала... Это грабеж. Наглый, бесцеремонный... Ведь троим мужчинам отнять чемодан у женщины не так трудно, а они еще и убили ее. Значит, чувствуют безнаказанность. Это тоже объяснимо нам ведь говорили, что в Мелекессе уголовникам живется вольготно.
- Мне кажется, нельзя упускать из виду, что недалеко от Мелекесса расположена исправительно-трудовая колония, заметил Свитнев. Надо бы поинтересоваться, насколько строго там содержатся заключенные. Известны случаи, когда преступники уходили на ночь из колоний, совершали преступления и снова возвращались.
- Мелекесс город небольшой, сказал Овчинников. Там около сорока тысяч населения. Любое происшествие тут же становится известным всему городу... Нам надо будет взять на учет все преступления, «почерк» которых хотя бы приблизительно напоминает этот случай.

Разговор затянулся далеко за полночь. Мы вспоминали преступления, в расследовании которых участвовали сами, перебирали многочисленные мотивы убийств, с которыми сталкивались за годы работы в МУРе - месть, ревность, избавление от важного свидетеля, ограбление. Ведь вполне возможно, что ограбление - лишь маскировка, а на самом деле мотив убийства был совершенно иным...

- Виктор Петрович, давайте закончим, - посоветовал Безруков. - Все устали уже, а сколько бы мы ни толковали, первый же день в Мелекессе перевернет все наши планы.

- Ну что ж, давайте отдыхать. У нас еще более суток дороги, завтра продолжим. Подумайте каждый над своей версией. В Мелекессе не будет времени на раскачку.

На привокзальной площади Куйбышева нас ждала грузовая машина с крытым верхом. Дорога была занесена, машина шла медленно, объезжая сугробы и снежные заносы. Стоял сильный мороз, и ехать на промерзших боковых скамейках в кузове было холодно, дорога казалась долгой, мы несколько раз останавливались в деревнях, заходили в избы, чтобы отогреться, выпить чаю.

Наконец к середине дня 20 декабря мы добрались до Мелекесса. Шел десятый день после убийства. Городок нам не понравился, каким-то мрачным показался. Впрочем, это не удивительно, учитывая дело, по которому мы приехали сюда. В то время он был действительно разбросанным, с большими пустырями, свалками. Фонарей на улицах не было.

Разместившись в общежитии Дома крестьянина, мы прежде всего вызвали к себе руководителей всех оперативных бригад, работавших в городе по раскрытию преступления, и провели общее совещание. Во всех многочисленных бумагах, справках, показаниях, протоколах, актах не было ни одной зацепки, ни одного сколько-нибудь надежного свидетельства, факта, Из четырех десятков человек, находящихся под подозрением, никому нельзя было предъявить обвинение в преступлении.

Начали работу мы с допроса Овчинниковой - случайной попутчицы Прониной в ту ночь. По ее рассказу мы, так сказать, из первых уст восстановили события 11 декабря.

Преступники подстерегли женщин у кладбища. Прежде всего они набросились на Пронину - у нее в руках был чемодан. Воспользовавшись темнотой, Овчинникова бросилась бежать и подняла тревогу. На ее крики кто-то откликнулся, где-то залаяли собаки, послышались голоса людей. Но близко никто не подошел-то ли из осторожности и страха перед бандитами, то ли просто потому, что никого близко не было в ту ночь. Бандиты нанесли учительнице несколько ударов ножом и, прихватив ее чемодан, скрылись.

...Закончилось очередное совещание. Разошлись руководители оперативных групп. В комнате вокруг большого стола остались только мы, группа Московского уголовного розыска. В комнате было накурено, разговор был долгий, нелегкий. Виктор Петрович, несмотря на свою мягкость, умел, когда надо, быть жестким и категоричным.

Некоторое время все молчали.

- Ну, товарищи работники Московского уголовного розыска, что делать будем? спросил Овчинников. Что вам подсказывают опыт, интуиция, здравый смысл? С чего начинать?
- Хуже всего то, что через десять дней после преступления приходится только начинать, сказал Тыльнер.
 - Да, время упущено, согласился Овчинников.
- Не только время, упущены многие детали, восстановить которые попросту невозможно. В протоколе осмотра места происшествия больше вопросов, чем ответов. Точное время нападения, место, откуда появились бандиты, куда скрылись, их хотя бы самые приблизительные, общие приметы ничего этого нет. Чего стоит только акт вскрытия! Нет даже предположения о том, каким оружием пользовались убийцы. Виктор Петрович, может быть, провести повторный осмотр?
- Вскрыть могилу? Ни в коем случае. Там народ с утра до вечера, делегации, представители, родственники... Отпадает. А вот повторный осмотр места происшествия следует сделать. Еще раз нужно допросить попутчицу Прониной. И самое главное нам придется изучить архивы местной милиции. Будем искать аналогичные случаи. Судя по всему, грабители эти вовсе не новички. Кроме того, Мелекесс не тот город, куда приезжают «гастролеры». Здесь местные «работают». В крайнем случае, из соседних деревень. А следы грабители все-таки оставили... -Овчинников посмотрел на товарищей, усмехнулся. Есть следы. Дмитрий Сергеевич, знаешь какие?
- Да, сказал Колбаев. Место происшествия, время. То, что их было трое это тоже след. То, что они подстерегали невдалеке от вокзала тоже след. Возможно, они специализируются на ограблении поздних пассажиров?
- Жестокость бандитов тоже след, сказал Тыльнер. Они могли ограбить, не убивая.
- В милиции должны быть сведения о местных преступниках. По ним пройтись надо, предложил Свитнев.
- А вы обратили внимание на одну строчку в акте осмотра? спросил Овчинников. Характер ран... Они своеобразны. Глубокие с очень узким входным отверстием. Это не обычный бандитский нож...

Работа, которая нам предстояла, была действительно большой. Начали мы с просмотра всевозможных жалоб трудящихся, подшитых в милиции, прокуратуре, горсовете, горкоме партии, редакции местной газеты. Сотни жалоб, заявлений, сигналов по самым различным поводам. Только теперь мы сами поняли, насколько вольготно чувствовали себя преступники в этом городе.

Случаи хулиганства, поножовщины, вооруженных ограблений, убийств были чуть ли не каждый день,

Уже после убийства Марии Владимировны Прониной и в местной печати, и в центральной, а потом и на судебном процессе много говорилось о халатности местных властей, которые не предпринимали решительных действий по искоренению преступности, о бездеятельности милиции, равнодушии к жалобам и сигналам граждан, поступавшим в самые различные инстанции.

Тогда же стал известен еще один факт. Как оказалось, заместителю председателя горсовета было поручено встретить М. В. Пронину еще в Куйбышеве и привезти ее на машине в Мелекесс. Машина в Куйбышев к назначенному часу была послана, но привезло она... родственницу заместителя, а не Пронину.

Одновременно с просмотром заявлений граждан мы организовали тщательный просмотр записей в журналах больниц, амбулаторий, аптек города, куда обращались за помощью в случаях травм, повреждений, ножевых ранений. После этого мы принялись за архивы милиции, прокуратуры, народного суда, особое внимание обращая на уголовные дела последних трех лет. И каждое из них мы как бы «примеривали» к убийству М. В. Прониной, пытаясь найти хоть какое-нибудь совпадение в деталях.

Насколько эта работа оказалась сложной и изнурительной, можно себе представить по тому, что архивы здесь хранились не так, как это обычно принято, а просто были свалены в кучи на стеллажах. Дела не были разобраны ни по датам, ни по характеру преступлений, ни по статьям обвинений. Но мы знали, что где-то в этой громадной бесформенной груде могут обнаружиться спеды преступников. Следы эти могли найтись в делах уже осужденных преступников, в делах, прекращенных за недостатком улик или по другим причинам, они могли обнаружиться в заявлениях граждан, в актах экспертиз, в протоколах допросов, в справках и характеристиках. Приходилось прочитывать, перелистывать тысячи страниц, а все, что представляло интерес, нужно было выписывать или передавать отдельной группе для более тщательного изучения.

Да, поиски преступников пришлось начинать не в пригородах Мелекесса, не в соседних деревнях и воровских притонах, а в архивах милиции, суда, прокуратуры. Ни опасных перестрелок, ни многочасовых засад, ни очных ставок - только шелест страниц да время от времени возмущенный возглас товарище, пораженного безынициативностью местной милиции, местных следственных органов.

Из архивных дел мы выписали громадное количество адресов, 127

фамилий преступников, которые могли к этому времени вернуться из мест заключений. Кроме того, у нас в руках оказались адреса потерпевших, свидетелей, соучастников преступлений.

По ходу дела нам потребовалась карта города, чтобы быстро, буквально в четверть часа проверить те или иные данные, разыскать того или иного человека. Карты не оказалось ни в милиции, ни в горсовете. Не было даже схемы города. И вот мне пришлось, оторвавшись от всех дел, бегать по городу и составлять схему города Мелекесса, нанося на бумагу названия улиц, расположение пустырей, пивных, столовых, кинотеатра. Вся эта работа не пропала зря. Уже через два дня мы могли ответить на вопросы, которые ставили в тупик людей, проживших в городе всю жизнь. Картину преступной жизни в Мелекессе мы уже знали лучше, чем местная милиция.

Из архивных данных мы узнали, что вечером второго декабря, почти за десять дней до убийства М. В. Прониной, в городе было совершено четыре дерзких вооруженных нападения на граждан. Во время одного из них некоему Салазкину нанесены тяжелые ножевые ранения. Медицинская экспертиза установила, что раны нанесены узким колющим оружием с острыми краями. Сам потерпевший рассказал, что видел в руках одного из грабителей длинный тонкий кинжал.

И еще один след. Его можно было бы назвать случайным, если бы не десятки часов работы без отдыха и сна для того, чтобы эта случайность стала возможной. В толстой пачке изъятых из архива бумаг мы нашли дело об убийстве гражданина Малова, совершенном около двух лет назад. В акте вскрытия указывалось, что раны очень глубокие, входные отверстия необычайно малые, что оружие имеет острые края. В свое время дело прекратили «за нерозыском виновных». И вот, перелистывая дело об убийстве гражданина Малова, мы замечаем небольшой смятый клочок бумаги. Это была анонимка. Неизвестный гражданин сообщал милиции, что убили Малова бандиты Розов и Федотов. Как выяснилось, сигнал этот не проверили, хотя и подшили в дело.

Сопоставив известные нам случаи - убийства Малова и Прониной, ранение Салазкина, ряд вооруженных ограблений, мы пришли к выводу, что все это дело рук одной банды. В тот же день мы срочно установили адреса Розова и Федотова. Оказалось, что такие люди действительно живут в Мелекессе, что они знакомы между собой, что образ их жизни далеко не безупречен, более того при желании местная милиция могла бы произвести у них обыскоснования были. Следовательно, и анонимка была не просто безответственным письмом какого-нибудь завистника, жаждущего свести счеты с соседом.

К вечеру мы уже знали, что Федотов дома, а Розова в городе нет.

- Что ж, начнем с Федотова, - сказал Овчинников. - Сегодня же ночью. К тому времени у нас будет санкция и ордер на обыск, да и сами успеем подготовиться. А что касается Розова, то нужно взять его дом под наблюдение. Только очень осторожно. Чтобы не знали ни соседи, ни родственники. Чтобы вообще об этом никто не знал.

Итак, на третий день после нашего приезда, вернее на третью ночь, мы задержали Федотова и произвели обыск у него на квартире. Если до этого времени у нас были только косвенные улики вроде анонимки, мнений соседей, то обыск дал нам кое-что посущественней. На одежде, на обуви, шапке Федотова эксперт Челядко обнаружил следы человеческой крови. Наше появление было для преступника полной неожиданностью и произвело на него какое-то ошеломляющее впечатление. Тем более что сам он оказался человеком трусливым и слабым. Пытаясь поначалу от всего отказаться, отмести от себя обвинения, он даже не смог четко и связно сделать это.

- Итак, сказал Овчинников, обращаясь к Федотову. Вы знаете, в чем вас подозревают?
 - В чем... я ни в чем... Это ошибка...
- Вы подозреваетесь в убийстве, жестко сказал Виктор Петрович. Будете давать показания?
- Какие показания... Какое убийство... спрашивал Федотов както без выражения, без вопросительной интонации.
- Вы хотите знать, что нам известно, а что нет? Откуда кровь у вас на шапке?
 - Случайно... Руку поранил... Хотел вытереть...
 - А на обуви?
 - Может, капнуло...
- А на одежде? У вас кровь капала или хлестала? И у вас совсем не та группа крови, Федотов.
 - Я же не сказал, что я поранил свою руку...
 - Кого же вы поранили?
 - Не я поранил...
- Послушайте, Федотов, вам не надоело? Подумайте, посмотрите на себя. Ведь вы весь в крови. Малова вы убили? в упор спросил Овчинников.
 - -Нет...
 - Розов?
 - -Дa.
 - А теперь давайте по порядку, сказал Овчинников. Спокой-

но, не торопясь, нам еще успевать записывать надо. А потом с Розовым поговорить. - Увидев в глазах Федотова вспыхнувшую надежду, Овчинников усмехнулся. - Вы хотите сказать, что Розова нет в породе? Вернулся, сегодня ночью вернулся. Полчаса назад. Скоро здесь будет.

Вначале Федотов признался в убийстве Малова. Он рассказал, что совершил преступление вместе с Розовым. От убийства Прониной он пытался отказываться, но улики были неоспоримы. В конце концов он рассказал все. Так мы узнали, что третьим был некий Ещеркин, узнали, как они выслеживали двух женщин от самого вокзала, как напали в темноте.

Розова мы задержали в ту же ночь. Сутки назад, угрожая револьвером, он ограбил учительницу, а перед самым возвращением посылал женщину узнать - не было ли кого у него дома, не интересовался ли им кто. И только убедившись, что все спокойно, он пришел домой.

При обыске у Розова были найдены вещественные доказательства преступления. Нашли, кстати, и длинный кинжал, оказавшийся морским кортиком, обточенным с двух сторон, в подвале нашли зарытые в землю обгоревшие металлические части чемодана, осколки пластинок, которые Пронина купила в Москве.
Мы уже знали, что Розов называл себя «царем Мелекесса».

«Ночью в городе хозяин я», - говорил он своим дружкам. И они не оспаривали его первенства, это было небезопасно даже для них. Многочисленные преступления, оставшиеся без наказания, создали у Розова чувство собственной исключительности. Одна деталь: ни до этого случая, ни после мне ни разу не приходилось видеть такого количества татуировок на теле одного человека вся спина, грудь, руки, ноги были разрисованы крестами, кинжалами, револьверами, змеями, орлами. Трудно было найти чистую площадь величиной хотя бы с ладонь. На груди красовались две татуировки антисоветского характера.

Первое время Розов старался держаться спокойно и уверенно. Закинув ногу на ногу, он, прищурившись, переводил взгляд с одного нашего товарища на другого, словно пытаясь нам внушить страх перед собственной особой, словно он еще не понимал, что его «царствие» в Мелекессе кончилось, что пришло время держать ответ. На вопросы он отвечать отказывался, делая вид, что его вообще принимают за кого-то другого. Он еще не знал о вещественных доказательствах, найденных в его доме.
- Федотова вы знаете? - спросил Овчинников.
- Есть такой, - неопределенно ответил Розов.

- И только?

Розов пожал плечами. Хватит, мол, с вас и этого.

- Ладно, давайте сюда Федотова, - сказал Овчинников.

Розов заметно забеспокоился, но позы не изменял, оставшись сидеть все так же - нога на ногу. Увидев в кабинете Розова, Федотов сразу сник, сжался, остановился у двери, словно не решаясь пройти дальше.

- Проходите, Федотов, сказал Овчинников. Садитесь. Чего вы робеете? Розова испугались?
 - Испугаешься...
- Ничего, времена меняются. Как видите, свергли мы «царя мелекесского». Теперь уже ему пусть будет страшно. Итак, Федотов, повторите все, что вы недавно говорили вот здесь. А то Розов никак не может припомнить, кто он такой.
- Что повторять... Малова он убил. Я... тоже при этом был... И Пронину он... Кортиком... С нами Ещеркин был...
 - Вы о Салазкине забыли.
 - И Салазкин... Его рук дело... И я тоже... при этом был.

Только в этот момент выдержка изменила Розову. Вскочив со стула, он бросился к Федотову, но мы предусмотрели такой поворот дела и усадили Розова на место.

- Кстати, Розов, вы напрасно так ведете себя... Должен вам сказать вот еще что... В вашем доме был обыск.
 - И что же вы нашли?
- Много чего нашли. Кортик, остатки чемодана Прониной, вещи нашли, которые в чемодане были...

Больше запираться не было никакого смысла, и Розов «заговорил». Он рассказал, как было совершено преступление, как через несколько дней после убийства, когда гроб с телом М. В. Прониной был установлен в Доме Советов, они тоже пришли сюда и вместе со всеми прошли мимо гроба. Узнав, что в город приехали работники уголовного розыска из Москвы, Розов решил на время скрыться у своих родственников в деревне. Но через несколько дней вернулся, решив, что гроза миновала. На последующих допросах Розоз рассказал, как, открыв наутро чемодан М. В. Прониной, он нашел там ее документы, съездовскую литературу, брошюры, пластинки. Все это убийцы сожгли вместе с чемоданом, а металлические остатки зарыли в подвале. Что касается вещей -детские пальтишки, шапочки, ботинки, которые Мария Владимировна везла для детей, Розов передал сестре Гуляевой для «реализации». Все эти вещи мы разыскали и изъяли.

На следствии выяснилось, что наган Розову дал муж Гуляевой за восемь месяцев до преступления. Где спрятан наган, Розов отвечать отказался, начал придумывать всевозможные небыли-

цы. Значит, решили мы, он надеется еще воспользоваться оружием. На что можно надеяться человеку в его положении? Только на побег.

- Так где же все-таки наган, а, Розов? спросил его на очередном допросе Овчинников.
- Haraн? А я потерял его... По пьянке... Наверно, кто-то украл... Вы же знаете, сколько в Мелекессе нечестных людей.
- Но мы знаем и то, что их стало меньше... на трех. Так где наган? Отвечать все равно ведь придется, Розов.

Преступник долго молчал, потом поднял голову, прищурившись, посмотрел на Овчинникова.

- Ладно. Так и быть, отдам. Только за ним ехать надо.
- Далеко?
- За город. К реке. В речку я его бросил недалеко от берега, чтобы достать можно было, когда понадобится.
 - Ну что ж, поедем за город.

Когда Розова увели, Виктор Петрович повернулся к Безрукову.

- Филипп Иванович, придется тебе съездить с ним. Врет, конечно, но, может, после этого правду скажет.
- Сбежать надеется, это же ясно, сказал Безруков. Для того и за городом место назвал.
- Ничего. Поедете вчетвером. Шофера тоже надо предупредить, чтоб в машине не сидел, а вместе со всеми вышел... В общем, сами знаете.

Выйдя из машины, Розов долго смотрел на противоположный берег, на полынью, мельком оглянулся на нас, готовых каждую минуту остановить его, если он бросится бежать.

- Многовато вас сегодня, - усмехнулся он. - Но, знаете, что-то я место не узнаю... Видать, забыл. Придется обратно ни с чем ехать.

Через некоторое время Розов заявил, что он вспомнил место и готов показать, где спрятал наган. Мы снова собрались и выехали на реку. На этот раз приехали в совершенно глухое место. Высокие сугробы, обрывистые берега, ни одного следа вокруг.

- Ладно, сказал Безруков. Хватит в прятки играть, поехали обратно. Ты что же, в самом деле думал, что вот так просто сбежишь? спросил он у Розова в машине. У нас так не бывает...
- Многовато вас, вздохнул Розов. Попробуй сбеги... Думаю, мне бы не поздоровилось.

Потом уже Розов признался, что ни на секунду не расставался с мыслью о побеге. Одно время он хотел было, разметав конвой, сбежать, когда на допрос вели. Но его крепко держали за

руки. Выглянув однажды из нашего кабинета на улицу, он убедился в том, что и в окно прыгать не стоит. Во-первых, двойные рамы, а во-вторых, внизу постоянно прохаживались два милиционера-Тогда он решил разыграть комедию с наганом, надеясь, что повезут его за город один-два сотрудника. Но когда увидел, что в машину садятся четверо, рухнула и эта его надежда. Все это лишило его уверенности, и с каждым допросом Розов становился все разговорчивее.

Поздно ночью из Куйбышева за обвиняемыми прибыли машины с красноармейцами, а утром 29 декабря Розов, Федотов и Ещеркин были отправлены на новое «местожительством.

Узнав из печати о раскрытии убийства и задержании преступников, к нам приходили многочисленные делегации от коллективов промышленных предприятий, учителей, общественных организаций города. Жители Мелекесса вручили нам однажды громадный букет живых цветов. Где среди зимы в небольшом городке могли достать живые цветы? - недоумевали мы. Оказалось, что жители обходили дома и по ветке собирали комнатные цветы.

Странно, но только получив этот трогательный подарок, мы ощутили, что дело в общем-то закончено. Даже арестовав всех троих участников преступления, мы продолжали работать. Проводили допросы, оформляли документы, выявляли соучастников. Мы трудились в том же ритме, который взяли в самом начале нашей необычной командировки, - двадцать часов в сутки. И только когда Колбаев поставил цветы на стол, мы почувствовали легкое расслабление, сразу дали себя знать усталость, недосыпания, нервотрепка последних дней. В общем-то мы могли быть довольны собой, тем, что не уронили славу Московского уголовного розыска, - преступники были арестованы через три дня после нашего прибытия.

- Виктор Петрович, а неплохо бы нам собраться часика на два за тем столом в общежитии, за которым не посидели ни одного часа за последние дни... - Колбаев с улыбкой посмотрел на Овчинникова.
- И правда, поддержал его Свитнев. Посидим, помолчим напоследок...
- Ну что ж, я не против... Ефимов! окликнул меня Виктор Петрович. - У тебя цел тот пакет, который я тебе еще в Москве дал?
 - Если не стащили мелекесские карманники...
 - А ну-ка, давай его сюда!

Водрузив сверток на стол, я посмотрел на Овчинникова.

- Разворачивай.

Вокруг стола уже собралась вся наша группа. Предположения 1 133

сыпались одно за другим. Но ни одно из них не оказалось верным. В пакете были аккуратно увязаны две бутылки коньяка и пять плиток шоколада.

Наследующий день почти вся наша группа выехала в Москву, а мы с Безруковым и Тыльнером остались на время проведения открытого судебного процесса в Мелекессе. В нашу задачу входила окончательная подготовка следственных материалов к суду, а также организация надежной охраны подсудимых.

Несколько дней - с 17 по 20 января 1937 года - вся страна следила за ходом процесса. Не было, наверно, ни одной газеты в стране, которая не сообщила бы о суде над убийцами. По приговору суда Розов, Федотов и Ещеркин были расстреляны. Различные сроки наказания получили сестра Розова - Гуляева и ее муж. Вспоминая сегодня о событиях тех дней, невольно задаешься

Вспоминая сегодня о событиях тех дней, невольно задаешься вопросом - что же, собственно, позволило нам так быстро раскрыть это сложное преступление? Ведь сколько бы ни говорилось о большом опыте сотрудников Московского уголовного розыска, об их профессиональном мастерстве, об их самоотверженности и преданности делу, все-таки, приступая к очередному расследованию, вольно или невольно приходится снова сдавать экзамен, так сказать, на зрелость. И каждое новое преступление, с которым приходится сталкиваться, это новое испытание, новая проверка твоей способности заниматься этим делом. И каждый раз работники МУРа выдерживали это испытание. В чем же дело?

Мне кажется, если здесь и есть какой-то секрет, то он в самой системе, в подходе к делу. Тщательный учет преступников, картотека, составленная в полном смысле слова по-научному, умение не упустить ни одного возможного свидетеля, который может сказать хоть что-нибудь по делу, продуманно и терпеливо вести допрос, не упуская ни одной «мелочи». Плюс к этому-повседневная учеба, энциклопедичность знаний, что отличало и отличает многих муровцев. Это необходимое условие, ведь от внимания несведущего человека невольно ускользают очень важные детали. В конечном счете секрет сводится к тому, что нет и не может быть никакой раз и навсегда установленной схемы, следуя которой можно распутывать преступления.

Собственно, еще не прибыв в Мелекесс, в поезде мы знали

Собственно, еще не прибыв в Мелекесс, в поезде мы знали совершенно определенно, чем нам придется заниматься. Виктор Петрович Овчинников не зря предложил каждому письменно изложить свою версию на основании тех данных, которыми мы располагали. И вот один из нас настаивает на том, что преступление совершено из мести. Что ж, возможно. Прибыв в Мелекесс, он начинает разрабатывать эту версию. Второй считает, что дело не

обошлось без преступников из местной колонии, - и он, прибыв в город, тут же отправляется туда. Он изучает весь образ жизни колонии, ее состав, распорядок дня, возможность отлучки и так далее. Но правы оказались те, кто настаивал на версии грабежа. И как только это получило подтверждение, тут же прекратилась разработка всех остальных версия. Все силы были брошены на поиски грабителей.

Чем объяснить сравнительно большую преступность в Мелекессе в те годы? Можно назвать много причин, но одна из них беспомощность местной милиции. Поэтому с первых же дней, когда В. П. Овчинников отстранил от должности местного начальника милиции, временно его обязанности исполнял наш товарищ — Филипп Иванович Безруков. Трое наших товарищей вынуждены были остаться на некоторое время в городе - попутно с убийством М. В. Прониной было раскрыто еще несколько крупных преступлений. Это были, так сказать, уже побочные результаты нашей работы, в основе которой - добросовестность, оперативность, тщательность.

В заключение мне остается только добавить, что за успешное раскрытие преступления в Мелекессе двое из нашей группы получили внеочередное повышение в звании, пятеро были награждены орденами Красной Звезды и «Знак Почета».

Елена КОЗЛОВА

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

ПОМНИШЬ?

Поцелуй меня крепко, Рукой проведи, Поправляя увядшие В косах цветы...

Обними меня крепко, Как не довелось, Пока счастливо жили... Ну что не жилось?

Помнишь, было мне мало Этой горькой земли? Улетала я, улетала -Иные миры, как огни!

А теперь, когда завтра настало, Ты поймешь, уже сидя в седле: Без меня и любви места мало На этой несладкой земле.

Мое сердце захмелело:
В моем кубке - лишь роса...
Я давно не королева.
Не рабыня - полчаса...
Я отчаянье взрастила,
Как любимое дитя.
Я виновна.
Я любила,
Думая, - любовь пустяк...
Я с повинной головою Не спеши обрушить меч!
В той расправе надо мною Не забудь себя сберечь!

Марина ПАНКРАТОВА

Марина Викторовна коренная димитровградка. В 1977 году закончила историко-филологический факультет Ульяновского педагогического университета. Работает в средней школе № 9.

Марина вспоминает, что писать начала с тех пор, когда в первый раз влюбилась, то есть, лет двенадцать назад... Она больше известна как поэтесса. Ее стихи были представлены в городских газетах. А вот сказки, нам писанные тоже под впечатлением влюбленности, до сей поры отлеживались у литератора «в столе». Это ее вторая публикация в журнале.

ДЕТСКИЙ МИР

СНЕЖИНКА, КОТОРАЯ ПЛАЧЕТ

А вы знаете ли, друзья мои, отчего плачут снежинки? Нет? Как, вы не знаете даже о том, что они умеют плакать? Да, да, друзья мои, не таять, а именно плакать. Вы, верно, даже не предполагаете, что любая, даже очень маленькая снежинка, способна обжечь так, как не обожгло бы ни одно громаднейшее пламя? Ну, дорогие мои, тогда я просто обязана рассказать вам историю, произошедшую в Сочельник. Почему в Сочельник? А потому, что это предрождественская ночь. Чего только в эту самую ночь ни случается! Помните кузнеца Вакулу, того самого Вакулу, который оседлал черта? Нет, нет, мои милые, в нашей истории чертей не будет. Никаких чертей, дьяволов и прочей нечисти. Верно, пора. Пора начинать. Еще только один вопрос, если позволите, хотелось бы знать: верите ли вы в чудеса? Верите? Тогда смелей, только не так стремительно, не то распугаете всех снежинок. Видите, сколько их здесь. Сверкающие, легкие, беспечные. Кружатся себе. Вон, вон она - героиня нашего повествования. Оторвалась от подруг, села на стекло окна. Но тс-с! Умоляю, не спугните ее, она мечтает...

Ну, оставим ее на несколько минут, поскольку мой долг рассказать вам, что случилось в Сочельник в одной из квартир большого многоэтажного дома, за тем самым окном, к стеклу которого сейчас прильнула наша юная девочка-снежинка.

Итак, в Сочельник девочка, имя ее неизвестно даже мне, сидела и думала о любимом человеке, в душе сетовала на то, что не может его даже увидеть.

«Я не увижу его больше никогда, если не увижу сегодня!» - стоило ей мысленно произнести этот приговор судьбы, как сей же миг в раскрытую дверь комнаты совершенно спокойно и обыденно, легко, неслышной походкой вошла... Я же предупреждала: ведьм не будет! Итак, в комнату вошла Фея. От ее густых, необыкновенно роскошных волос струился серебристый лунный свет, озаряющий всю комнату. Фея села рядом с девочкой и, нежно обняв ее за плечи, спросила тихим и чистым, как вода в ручье, голосом, глядя прямо в глаза своей собеседнице:

- О чем грустишь ты, моя радость? Чем омрачился для тебя столь светлый праздник? Впрочем, знаю, - Фея мягко улыбнулась.

Помолчав немного, она вздохнула и повторила с той же нежно-грустной улыбкой:

- Знаю, девочка, не надо ничего говорить. Напрасно ты смотришь на меня так скептически-недоверчиво. Я могу дать тебе шанс.

У Феи были такие грустные глаза, словно она делала что-то противоречащее ее натуре. Она вновь вздохнула:

- Но это будет только раз, не более. Раз и навсегда он узнает, что ты его любишь. Хочешь получить этот шанс?
 - Да... тихо сказала девочка и опустила голову.
- Подумай, еще не поздно, хочешь? Фея нежно поцеловала девочку в затылок.

- Да... да... - неистово шептали губы девочки.

«Бедняжка, - вдруг подумалось Фее, - не ведает, что говорит! Если бы ты знала, дитя мое, как не хочется выполнять мне твое желание. Но, видит Бог, ты сама этого хотела. Опомнись, пока не поздно, прошу тебя!» - вот что было в глазах Феи.

Но где там! Все неистовее твердили губы девочки:

- Да... да... а глаза ее, наполненные слезами, умоляюще просили: «Раз ты здесь, сделай чудо, мне нечего терять, понимаешь, нечего! Ну, что же ты медлишь, ну, пожалуйста!..»
- Хорошо, сказала наконец Фея. Ах, если не Рождество, и я могла бы решать, выполнять твое желание или подождать, пока ты станешь взрослее и разберешься в себе! Хорошо, ты ведь нипочем не подошла бы к нему сама?
 - Нет.
- Вот видишь, поэтому я и здесь, но у тебя еще есть время подумать.

- Я подумала.
- Что ж, сказала Фея и вновь вздохнула.
- Что вы все вздыхаете! раздраженно сказала девочка.
- Я просто не хочу, чтобы ты спешила, Фея приумолкла и, склонив грациозную голову на плечо, глубоко задумалась.
- Видит Бог, я не хочу этого, но сегодня я не решаю. Будь потвоему, ангел мой, Фея взглянула на часы, стрелки сошлись на двенадцати. Пора, сказала она с грустной улыбкой, поди ко мне.
 - Куда же идти-то, сидим рядом?
 - Я не о том. Посмотри мне в глаза и постарайся не моргать.

Минуты три они сидели неподвижно, глядя друг другу в глаза. Фея держала девочку за руку. Наконец она сказала:

- А теперь посмотри в окно.

Девочка ринулась к стеклу, Фея, подойдя к ней, спросила:

- Ну, что ты там видишь?
- Снежинки кружатся, задумчиво ответила девочка.
- Именно, мой ангел, именно снежинки. Раз, два, три, медленно произнесла она, и обе они исчезли из комнаты, оставив ее пустой и безлюдной.

Но что же наша снежинка? Мы о ней совсем позабыли, - скажет читатель. Нет, - отвечу я, - и теперь самое время попытаться узнать, о чем она мечтает. Что же это, однако, она вспорхнула, закружилась в воздухе неистово, все быстрей. Посмотрите: вы когда-нибудь видели, чтобы снежинка, упавшая наземь либо прилипшая к стеклу, снова начинала кружиться да еще так неистово? Нет? Я тоже. Она ищет, куда ей сесть. Нет! Только не на теплую ладонь человека. Но она села именно туда.

Она кружилась вокруг сотен людей, а села именно на эту ладонь. Села и заплакала. Юноша остановился вдруг, еще долго смотрел на ладонь, на слезы ни в чем не повинной снежинки, чем дольше он смотрел, тем больше разгоралось в его груди огромное, как вечность, бесконечное, как Вселенная, щемящее пламя, ибо он многое понял в эту ночь.

Вот так-то, друзья мои...

чудо

Давным-давно в одном городе жил бедный юноша, жил он в тесной каморке, зарабатывал на жизнь, чем придется.

Однажды в ночь под Рождество в эту каморку спустился ангел и нашептал, склонившись над спящим юношей.

- Я наделю тебя даром, с помощью которого ты будешь врачевать людей.

139

Проснувшись поутру, юноша услышал в своей душе красивую, светлую, божественную и земную, живую, теплую мелодию. «Как же быть? - подумал он, - откуда вдруг эти благостные звуки? Ведь я даже не играю ни на дном музыкальном инструменте. Да и нот писать не умею вовсе. И чернил у меня...» Однако мелодия не оставила его в покое до тех пор, покуда он не взял полено и не вывел на нем ржавым гвоздем свое первое музыкальное творение. Тотчас он смастерил сопилку, чтобы играть на ней. Случайно ли, нарочно ли, но как раз в этот час мимо, вверху по мостовой проходила дама, ведущая за руку девочку лет пяти-шести.

- Послушайте, матушка, умоляла девчушка, вы слышите?
- Что? Что, дитя мое?
- Какая добрая, светлая, ласковая музыка, но чуть грустная.
- Ах, полно, тебе снова показалось.
- Я не вижу, но слышу этот мир, сказала девочка, горько вздохнув.

Она действительно была слепа от рождения, но чуткое ушко, прислушиваясь к окружающему миру, могло уловить и распознать все красивые и фальшивые звуки. Девочка жаждала остановиться и дослушать до конца, но мать, видимо, спешила и крошке ничего не оставалось, как только быть послушной дочерью. С того самого дня девочка еще больше начала прислушиваться к звукам музыки, надеясь познать в ней ту, что поселилась в ее сердечке, но тщетно! Сколько ни искала, не могла найти этой мелодии. Молодой человек, сочинивший ее, стал знаменит и богат, ибо его мелодии становились все красивее, гармоничнее с каждым днем. Они врачевали тех, кто их слышал. Зачем ему уже нужна была первая мелодия, теперь она казалась известному музыканту несовершенной, вздорной, смешной, нелепой и ненужной. Помня ее от первой и до последней ноты, он, однако, считал это самым глупым своим произведением. Потому никогда и никому больше не показывал. И без нее жилось неплохо: концерты, светские рауты...

А девочке не оставалось даже надежды на встречу с тою, с которой она так подружилась. Пролетел год, наступило новое Рождество и, когда наша маленькая героиня вместе с мамой вновь шла по рождественской улице, им встретилась цыганка. Мать протянула было ей монету.

- Денег мне не нужно, сказала та, пристально глядя на девочку, сегодня ты можешь прозреть, если...
 - Что если? спросила мать.

Но цыганка исчезла за поворотом, не завершив свое предсказание.

Когда же в комнату к девочке спустился ангел и спросил ее, какого чуда она хочет, девочка в волнении, забыв все на свете, поведала ему историю о мелодии, которую нигде не может отыскать.

- Видишь тот дом напротив? - показав рукой в окно, спросил ангел.

Девочка молча и нетерпеливо кивнула.

- Там живет музыкант, - продолжал ангел. - Я думаю, вы вместе с ним сможете отыскать так необходимое тебе сейчас, чтобы свершилось чудо. •

Утром девочка вместе с матерью пошли к музыканту за чу-

дом.

- Надо же так запомнить эту гадость! молодой человек улыбнулся приветливо. Я сожалею, что ничем не могу вам помочь. Дитя мое, то, что вы сейчас спели, не знакомо мне ни единою нотою...
 - Как? в отчаянии прошептала гостья.

И отчего-то юноше стало вдруг больно за нее.

- Ангел не мог меня обмануть!
- О нет, конечно же, нет, деточка. Он просто что-то перепутал.
 - Ангел?!
 - Вот именно.
- Как жаль, сударь, вздохнула девочка, смахнула слезинку и вышла в дверь следом за матерью.

А знай музыкант, чем все обернется, каким суровым , беспощадным наказанием все станет...

Да, именно ведь с этого самого момента и до конца жизни маэстро больше не написал ни одной мелодии. Просто потому, что в его душе перестала звучать музыка.

Николай ВЫСОТИН

В ОКРУЖЕНИЙ ХИМЕР

«...А там всё говорят И говорят. Их толк лишь в том: Плодят за томом том...»

О, пофосо не надо, господа! Не нужно слов высоких о спасеньи. Вы лучше поглядите! - как звезда Спускается над миром в удивленьи.

Не надо громких призрачных речей, Гоняющих от скуки в мыслях ветер. Изрек мудрец: «Спасенье для людей -Смотреть на дивный мир, как смотрят дети...» утро, 17.11.96 г.

Как сбросить огонь?
Если некуда сбросить его.
Как выпить сей миг?
Если вечность его не объять.
Так осень в ночи замирает,
Чтоб ядом обжечь.
Так волны молчат,
Чтобы вскоре пучиной взыграть.

Куда пойти спать?
Если сон не спасет от вины.
Вино Сатаны или Бога
Вливается в кровь?
Куда убежать?
Если все в твоих жадных мозгах.
И как умереть?
Если сердце пронзила Любовь...
26.10.97 г.

ОЦЕПЕНЕНИЕ

Сегодня струны сердца спят. Их убаюкал ветер зноя. Сегодня дух мой не крылат, Мой дух сегодня успокоен.

Напев чуть слышен, он размыт, Разлит по дремлющим аллеям. Холст неба звездами изрыт. Застыла царственная Гея. Все спит сегодня, все молчит, Объято мглой оцепененья. Ничто со мной не говорит - Я сам лишен огня и пенья.

Архангел Ночи не велит Проснуться, словно там опасность, Где Демон Дня мой путь вершит, И жизни бедственная страстность.
18.10.97г.

Я думал о смерти, О том, как приходит она, Бесплотная тень, Тишина, ледяная волна.

В ней что-то такое, Что так обостряет мой слух. В ней слышится то, От чего цепенеет мой дух.

Я думал о смерти, О том, что бывает она Внезапна, как гром, И мгновенна, как молний струна;

Что можно оглохнуть За миг и ослепнуть за миг: Вчера был - младенцем, А нынче - согбенный старик.

21.05.97r.

В стенах, в небесах Радость и страх. В лирах, в жерновах Правда и прах. Ох! - Ночь на сносях. День-лирник - Ах!

2.10.97 r.

ЦИРКУЛЬ

Утекай! Если еще не поздно. Забирай все, что еще можно!

Грозы и грёзы, занозы и слёзы, Розы, морозы, угрозы и позы.

Если ты не серьезно, то я серьезно. Стань гибким, не бейся о стол, стань мимозой!

И ты увидишь свет, что поднимет тебя над столом, Умрет (да!), покинет тебя душный ком.

Просторно сердце для дерзких гостей - идей. Расслабься! Неплохо уже! Берендей!

Выбрось сомнений клюку на свалку тоски! Встань сегодня, как циркуль, именно с той ноги!

Стань мягким, как воск расплавленный! Воск? Стань, как тонкотелая фанера, плоск!

Пари над Парижем! Манеры в канаве оставь! Пусть бьет по зрачкам наготою гетера Явь.

Послушай! Ты себя слышишь? Забирай все, что еще дышит!

Утекай в струны шальных проводов! Огрызайся на тень Страха! Ты готов?!

1997 r.

БЕЖИМІ

Моему другу Петру Назарову, рожденному в год Дракона. На свалке твоих мыслей Я нашел бриллиант. Ты будешь скоро графом, Поправь аксельбант!

Убери свою овчарку, И бежим на чердак! Видишь радуги той арку? Мы станем петь так.

Затопчи ковры сомнений И замысли притон! Спышишь? — Ты уже гений! В головах твоих звон! Завтра колокол подвесим И разгоним тоску. Эх, дракона — в строку!

144

